

Том 9, № 1, 2019

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 9, No. 1, 2019

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY (GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

NEICON
ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**,
доктор экономических наук, профессор,
ректор Финансового университета,
академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, декан Международного финансового факультета Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор, ректор Севастопольского государственного университета;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

В.С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН;

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Институт философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**,
кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социологии и политологии Финансового университета

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**,
доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор, проректор по стратегическому развитию и практико-ориентированному образованию Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социологии и политологии по учебной работе и международным связям Финансового университета;

Н.А. Ореховская, доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента социологии Финансового университета

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета;

Д.В. Петросяни, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института проблем рынка РАН;

Е.Е. Письменная, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

С.В. Расстргуев, доктор политических наук, профессор, заместитель руководителя по учебно-методической работе Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета;

П.Б. Салин, кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета;

П.С. Селезнев, заместитель директора по персоналу Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, первый проректор по внешним связям Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)

Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)

Д. Кьеза, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)

Д.Е. Сорокин, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, член-корреспондент РАН (Россия)

Ж.-Л. Трюэль, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)

К. Уилкокс, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**,
Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, Doctor of History, professor of Department
of history and historical archive science of Moscow State
Institute of Culture, the Chairman of Historical and Educational
Society "The Guardian";

A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director
of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the
State Duma of the first (1993–1995) and second (1995–1999)
convocations;

A.I. Il'inskiy, Doctor of Engineering, Professor, Dean
of the International Financial faculty, Financial University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and
Defense Policy Council (SWAP), Editor in chief of the magazine
"Russia in Global Affairs";

V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor,
Rector of Sevastopol State University;

I.Y. Novitsky, deputy of the Moscow City Duma (1993–2014),
Head of "State and Municipal Management" Chair, International
University in Moscow;

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Science
and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the
Financial University;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor,
Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian
Academy of Science;

S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director of the
Institute of Economic Policy problems of economic security,
Financial University;

V.S. Stepin, Doctor of Philosophy, Professor, Full member of
the Russian Academy of Science, Academician-Secretary of the
Section of philosophy, political science, sociology, psychology
and law, the Russian Academy of Science;

V.V. Fedorov, Cand. Sci. in Political Science, Director General
of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM),
the supervisor of the faculty "Sociology and Political Science",
Financial University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor,
Chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian
Academy of Science;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, deputy of the State
Duma of the VI convocation from the "United Russia", a member
of the State Duma committee on the Federal structure and Local
Government, a member of the International Academy of Social
Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor in Chief – **A.B. Shatilov**,
Cand. Sci. in Political Science,
Professor, Dean of the "Sociology and Political Science" Faculty,
Financial University;

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Social Science, Head
of Department of sociology, Financial University;

Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political
Sciences, Professor of the Department of Political Science and mass
media, Financial University;

S. Ju. Belokonev, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor,
Head of Department of political science, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, the vice rector
for a strategic development and the praktiko-oriented education,
Financial University;

V.V. Kaftan, Doctor in Philosophy, Professor at Department of Political
Science, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Science, Professor Head of the
"Sociology" Chair of Moscow State Linguistic University;

D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. in Philosophy, Associate Professor,
"Sociology and Political Science" Faculty, Financial University;

N.A. Orekhovskaya, Doctor of Philosophy, Professor, the deputy
manager of Department of sociology on education and methodical
work, Financial University

A.V. Pachkalov, Cand. Sci. in History, Associate professor, Deputy Head
of Department of the economic theory, Financial University;

D.V. Petrosyants, Cand. Sci. in Economics, Assistant professor
of Department of political science, Financial University, a Senior
researcher at the Institute of Market Problems of Russian Academy
of Science;

E.E. Pismennaya, Doctor of Social Science, Professor of Department
of sociology, Financial University;

S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy head
of educational and methodical work of the Department of Political
Science and mass media, Financial University;

P.B. Salin, Cand. Sci. (Law), director of the Center for Political Studies,
Financial University;

P.S. Seleznev, Deputy Director for Human Resources, Financial
University;

G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor of Department
of sociology, Financial University;

K.V. Simonov, Cand. Sci. in Political Science, Associate Professor, the
first vice-rector for external communications, Financial University;

A.A. Troshin, Cand. Sci. in Philosophy, Deputy Dean
for master's degree and career guidance of the "Sociology and
Political Science" Faculty, Financial University

EDITORIAL COUNCIL

E.V. Astakhova, Doctor of History, Professor, Rector
of Kharkov University for Humanities "People's Ukrainian Academy"
(Ukraine)

D. Baychun, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University,
director of the Cultural Center of the Sino-Russian
Relations (China)

N.M. Dolgopolov, deputy editor of the "Russian Newspaper", a member
of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of
Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers'
organizations (Russia)

T.M. Calvo Martinez, Doctor, Professor, Director of the Paris
International Institute of Philosophy (Spain)

R. Krumm, director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert
Foundation (Russia)

D. Chiesa, Italian journalist and politician, member of the European
Parliament (2004–2009) (Italy)

B. McBride, Doctor, professor, president of the International
Federation of Philosophical Societies (USA)

I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy
of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law and Politics,
University of Tokyo (Japan)

A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member of the Academy
of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy,
Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)

D.E. Sorokin, Doctor of Economics, Professor, Science and Research
Coordinator, Corresponding member of the Russian Academy
of Sciences (Russia)

J.-L. Truelle, Doctor, a consultant for the development
of international relations between Russia and CIS countries,
Vice-President of the Association of economists
"Le Cercle Kondratieff"; professor of the University of Paris-12
(France)

C. Wilcox, Professor, Department of Government, Georgetown
University, Washington, D.C. U.S.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЮБИЛЕЮ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Силласте Г.Г.

К 60-летию Российского общества социологов и к 23-летию преподавания социологии в Финансовом университете. 6

ТЕМА НОМЕРА: МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А.

Специфика критического мышления российской молодежи в условиях цифровизации. 14

Кафтан В.В.

Формирование профессиональной культуры молодежи в условиях цифровой экономики: зарубежный и отечественный опыт 24

Шатилов А.Б.

«Мягкие» технологии российской власти по профилактике и нейтрализации экстремистских проявлений в молодежной среде в 2000–2010-е годы. 32

Осинина Д.Д.

Ценностно-мировоззренческие установки молодежи как основа противодействия радикальным и экстремистским настроениям в студенческой среде 38

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Галас М.Л.

«Мягкая сила» как инструмент стабильности общественно-политической формации современной России 44

Герасимов С.В.

Событийное конструирование реальности: социально-политические возможности 51

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Матковская О.Г., Сидорович К.Ю.

Факторный анализ социально-экономической дифференциации регионов (на примере Республики Беларусь) 59

Шорохов В.Е.

Перспективы антикоррупционной политики в современной России. 66

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Дьячкова К.Ю., Честных Ю.С., Зверева Т.В.

Социальные ожидания потенциальных интернет-предпринимателей от налоговой системы РФ 71

Неткачев К. И.

Ответ национальной экономики на вызовы «цифры» 77

РЕЦЕНЗИИ

Трошин А.А.

Рецензия на монографию «Министры финансов: от Российской империи до наших дней». 82

CONTENTS

FOR THE ANNIVERSARY OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

Sillaste G.G.

For the 60th Anniversary of the Russian Society of Sociologists
and the 23rd Anniversary of Teaching Sociology
at Financial University 6

COVER STORY: YOUTH AS SUBJECT AND OBJECT OF POLITICAL LIFE

Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A.

The Specificity of Critical Thinking
of Russian Youth in the Context of Digitalization 14

Kaftan V.V.

Formation of Professional Culture of Youth
in the Digital Economy: Foreign and Domestic Experience 24

Shatilov A.B.

“Soft” Technologies of the Russian Authorities in the Prevention
and Neutralization of Extremist Manifestations
in the Youth Environment in 2000–2010 Years 32

Osinina D.D.

The Value System and Ideological Attitudes of the Youth
as a Basis for Countering Radical and Extremist Sentiments
in the Students’ Environment 38

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Galas M.L.

“Soft Power” as a Tool of Stability of Socio-Political
Formation of Modern Russia 44

Gerasimov S.V.

Event Construction of Reality: Social and Political Opportunities. 51

ARGENT APPLIED RESEARCHES

Matkovskaya O.G., Sidorovich K. Yu.

Factor Analysis of Socio-Economic Differentiation
of the Regions (on the Example of the Republic of Belarus) 59

Shorokhov V.E.

Prospects of Anti-Corruption Policy in Contemporary Russia 66

STARTUP OF THE YOUNG SCIENTIST

Dyachkova K. Yu., Chestnykh Y.S., Zvereva T.V.

Social Expectations of the Prospective Internet
Entrepreneurs on the Tax System of the Russian Federation. 71

Netkachev K.I.

The Response of the National Economy to the “Digital” Challenges. 77

REVIEWS

Troshin A.A.

Review of the monograph “Finance Ministers:
From the Russian Empire to the present day”. 82

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 9, № 1 (37), 2019

Главный редактор –

А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 943-98-02**

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки
в редакции

по тел.: **(499) 943-94-59,**

e-mail: ASOstrovskaya@fa.ru;

Островская А.С.

Подписано в печать 24.01.2019

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 9,53 усл.п. л.

Заказ № 65

Отпечатано в Отделе

полиграфии

Финансового университета

(Ленинградский пр-т, д. 51)

© *Финансовый университет*

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **Z. Mierzwa**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 943-98-02**

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: +7 (499) 943-94-59

e-mail: ASOstrovskaya@fa.ru

Signed for press on 24.01.2019

Format 60 x 84 1/8.

Size 9,53 printer sheets.

Order № 65

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© *Financial University*

К ЮБИЛЕЮ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-6-13

УДК 316(045)

К 60-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА СОЦИОЛОГОВ И К 23-ЛЕТИЮ ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ В ФИНАНСОВОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Силласте Галина Георгиевна,

*д-р филос. наук, научный руководитель Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, руководитель научной школы «Гендерная и экономическая социология», Москва, Россия
galinasillaste@yandex.ru*

Аннотация. Социология изучает общество, закономерности социальных действий и массового поведения людей, а также отношения между личностью и обществом. Обладая сложным научным инструментом, она может себе позволить все измерить, а, получив эти замеры, оперировать фактами, вступая в споры и дискуссии, объясняя сложное просто и всем понятно. В статье автор пытается так же поступить с понятием «гендер», которое вызывает разные чувства и комментарии. У кого-то оно вызывает раздражение, у кого-то – вопросы и недоумение, у кого-то неподдельный интерес. Маленькое слово – и столько эмоций... Кто-то говорит, что это «социальный пол», а кто-то просто – «пол». Отчего и откуда эти страсти, вопросы, споры и интерес? Видимо, пришло время внести некоторую ясность в историю появления и развития этого понятия.

Ключевые слова: гендер; пол; гендерная социология; социологические исследования

FOR THE 60TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN SOCIETY OF SOCIOLOGISTS AND THE 23RD ANNIVERSARY OF TEACHING SOCIOLOGY AT FINANCIAL UNIVERSITY

Galina G. Sillaste,

*Doctor of Philosophy, Scientific chairwoman of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University; Head of the scientific school “Gender and economic sociology”, Moscow, Russia
galinasillaste@yandex.ru*

Abstract. Sociology studies society, patterns of social actions and mass behaviour of people, as well as the relationship between the individual and society. Sociology, having a complex of scientific tools, can afford to measure everything, and, having received these measurements, operate with facts, entering into disputes and discussions, explaining the complexity of phenomenon in a simple manner and clarity for everyone. In the article, the author tries to do the same with the concept of “gender”, which causes different feelings and comments. Someone is irritating, someone has questions or is confused, someone has a genuine interest. A small word – and so many emotions... Someone says that it is “social gender”, and someone simply says – “gender”. Why and where these passions, questions, disputes and interest? It seems to me time arrived to bring some clarity to the history of the emergence and development of this concept.

Keywords: gender; gender sociology; sociological research

«ГЕНДЕР» В СССР

Часто считают, что понятие «гендер» пришло к нам из английского языка. Это не совсем так. Если быть научно корректным, то надо признать, что это понятие пришло в научный обиход англоязычных стран из Древней Греции, где означало «происхождение, род, рождающийся».

Так сложилось, что мне пришлось стоять у истоков вхождения этого понятия в лексику современной российской социологии. А «жизнь у источника» позволяет не умничать в абстрактных рассуждениях, а обратиться к истории непростых дискуссий, итогом которых явилось становление и институционализация нового направления социологического знания — гендерной социологии.

Будучи последовательным приверженцем принципов историзма и теории модусов социального времени, я постараюсь, опираясь на них, ответить на вопросы: каковы источники развития этого направления? был ли «гендер» в советской социологии? на какой базе институционально закрепились в современной российской социологии относительно новое направление — гендерная социология?

Согласно теории социального времени любой социальный процесс рассматривается логично и последовательно в трех модусах времени: прошлого, настоящего и будущего. Я акцентируюсь, прежде всего, **на модусе прошлого социального времени.**

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИВАЯ ПОЛИТИКА: «БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ»

Я пришла в социологию в 1978 г. Эстония. Таллинн. Аппарат ЦК Компартии Эстонии. После долгих поисков интересной науки, которой хотелось бы отдать свои знания и опыт, я, получив к тому времени уже два высших образования (инженера и патентоведа, не считая третьего — политического), приняла решение поступать в аспирантуру Института социологических исследований АН СССР (ИСИ АН СССР). КПСС не приветствовала обучение работников партаппарата (тем паче — центрального) в «аспирантурах», да еще и в Москве. Тем не менее, не афишируя своего решения, я поступила в целевую аспирантуру ИСИ АН СССР и, объявив постфактум об этом своему партийному начальству, стала подбирать тему диссертации.

Отмечу, что в тот период времени социология в Прибалтике, и в Эстонии в частности, была

очень хорошо развита. Эстонская социологическая школа, представителем которой я являюсь, пользовалась научным признанием в социологическом сообществе СССР. Достаточно напомнить, что восстановление и легализация социологии как науки в СССР в 60-х гг. после 30-летнего забвения и попыток ее искоренения из арсенала «настоящих наук» начались со встречи советских социологов в 1964 г. в небольшом эстонском городке в окрестностях Тарту — Кяэрику. Надо сказать, что «компания» у социологии была достойная: кибернетика и генетика. Все три науки были признаны в 30–50-х гг. «буржуазными», «вредными», «подрывающими идейное и политическое единство партии и народа», короче — лженауками. Поэтому встреча в эстонском Кяэрику небольшой группы «прошлых социологов» — смелых единомышленников из Москвы, Ленинграда и Новосибирска — придала науке долгожданный импульс возрождения. Магнетизм социологии, сохранявшийся среди немногочисленных ее сторонников, попав в благоприятную атмосферу свободомыслящей (по сравнению с другими советскими республиками) Эстонии, отличавшейся более демократическими нормами жизни и быстро реагировавшей на разнообразные новации от моды до науки, способствовал их профессиональному сплочению.

В Эстонии поддерживались социологические исследования, была сложившаяся научная школа на базе факультета журналистики одного из старейших вузов — Тартуского государственного университета. Позже к нему добавился отдел социологических исследований в Институте философии АН ЭССР под руководством доктора философских наук, профессора Микка Титма, одного из первых в Эстонии профессиональных социологов, ставшего председателем Прибалтийского отделения Советской социологической ассоциации (ССА). Имело место и лояльное отношение политического руководства республики к социологическим исследованиям, активно и внимательно использовавшего результаты проводимых в Эстонии социологических опросов.

Иногда спрашивают: почему в Эстонии отношение к социологии было иное, более демократичное и заинтересованное? Тому есть ряд объяснений. Прежде всего, объективные. Это была самая западная точка СССР, дальше — только Балтийское море и Скандинавия: Финляндия (куда мы добирались на пароме за 3 часа, предварительно оформив визы), Шве-

ция (с ее «социалистическим капитализмом»), подальше — Норвегия (с самым высоким уровнем жизни). Иначе говоря, республика была «на передовой линии с идеологическим противником». Добавьте свободный доступ информации с финского ТВ (довольно близкого к эстонскому) и западных радио. А еще большое количество западных (особенно скандинавских) туристов. Все это требовало от политического руководства республики «держат ухом востро», отслеживать трансляцию и ретрансляцию зарубежной информации, ее потоки, целевые аудитории, отношение к ней внутри республики. Это создавало идейно-политические и морально-нравственные проблемы, высветить которые изнутри была способна только социологическая наука, измеряя пульсацию этой информации в сознании и настроениях населения и «считывая» ее по поведению, прежде всего, эстонской молодежи и интеллигенции [1].

Именно — наука. Не доморощенные опросы энтузиастов, а профессионализм, приоритет научного подхода и гибкий контроль со стороны партийного руководства республики. Была в ЦКПЭ создана и Комиссия по изучению общественного мнения, имевшая весьма широкие полномочия.

Вся жизнь республики, где я родилась, сама атмосфера, работа в ЦК Компартии Эстонии быстро определили выбор темы диссертационного исследования: «Общественное мнение молодежи Эстонии». Выбор был поддержан моим научным руководителем, в то время — директором Института СИ, профессором (ныне членом-корреспондентом РАН РФ) Виленом Николаевичем Ивановым, несмотря на скепсис ряда московских коллег. Так началась моя двойная жизнь: в политике и в социологической науке.

Нетерпеливый читатель может спросить: причем здесь история гендера в России и социология в Эстонии?

Социологические исследования — это социальная картина общества, нарисованная не одной, а множеством красок и оттенков. В социологических исследованиях, проводимых в национальных республиках, всегда выше, чем в однородной национальной среде, чувствительность к трем социальным показателям (как признакам среды):

- владение национальным языком;
- признак пола (в нем концентрируется влияние национальной культуры, обычаев, традиций, определяющих и различающих модели

поведения мужчин и женщин, их социальные роли);

- возраст (универсальный признак, отражающий поколенческие особенности, а значит, влияние национальной истории на современный облик молодежи).

В любой республике признак пола как социально-демографический показатель всегда оказывал и оказывает сильное влияние на результаты социологического исследования. Поэтому традиционно учет этого признака как социально-индикатора различий имеет важное значение для получения социального портрета общества и его гендерных общностей как субъектов действия и развития.

РАЗВИВАЛАСЬ ЛИ В СССР ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ?

Эпитета «гендерная» не было. Но исследования положения женщин, семьи, социальных ролей женщин и мужчин, видов социальной активности и поведения (особенно — трудового) проводились очень широко. Выпускались небольшие статистические сборники «Женщины в СССР», которые сегодняшним языком можно назвать гендерной статистикой. Исследования влияния женщин на развитие советского общества сосредотачивались в нескольких областях научного знания: социологии, демографии, педагогики, психологии, истории. Женских журналов с прекрасным социальным содержанием было много. Ведущие среди них: «Советская женщина», «Работница» и «Крестьянка», выходявшие миллионными тиражами и пользовавшиеся огромным спросом среди советских женщин. Смешно слышать, когда говорят, что гендерных исследований в СССР не было. Не было слова «гендерные», но исследования положения женщин в СССР были всегда. Изучались женщины городские и сельские, женщины на работе и дома, а активные исследования в области социологии семьи дополняли эту тематику. Можно вспомнить работы А. Г. Харчева, С. И. Голлода, А. Панкратовой, И. С. Кона. Но работы того времени концентрировались в основном в двух социальных направлениях: семья и производство, т. е. труд.

Слово «гендер» как категория впервые зазвучало в СССР в последние годы его существования — в 1989–1990-х гг. Предыстория появления следующая. 1989 г. Перестройка шла полным ходом: демократия, выборы руководителей, их

смена и замена путем простого голосования коллектива. Упразднились идеологические отделы в республиканских и областных партийных органах.

После защиты докторской диссертации решением ЦК КПСС в ноябре 1988 г. меня перевели на работу в Академию общественных наук на кафедру к уважаемому профессору А.К. Уледову, а затем я стала заместителем заведующего кафедрой социологии профессора Ж.Т. Тощенко. Спустя некоторое время меня вызвал к себе ректор АОН, профессор Рудольф Григорьевич Яновский и предложил «оставить в покое» межнациональную тематику (которой я занималась много лет в Эстонии) и «серьезно заняться женщинами», женской тематикой. Прекрасно помню свою первую реакцию: «А что здесь изучать? Тут все и так всё знают». Шла перестройка, началась демократизация, страстное почитание общечеловеческих ценностей, и женщины как активная социальная сила стали все больше привлекать внимание руководства ЦК КПСС и его Генерального секретаря — Михаила Сергеевича Горбачева.

Я понимала, что просто так приглашать молодого доктора наук с предложением сменить научную специализацию ректор Академии общественных наук не станет. За этим должна крыться реакция на происходящие в обществе и в партии перемены. Попросила у ректора таймаут для раздумий и после обсуждения вопроса на «семейном научном совете» и рекомендации супруга (Заслуженного деятеля науки РФ, опытного дипломата и историка, профессора Ю.В. Борисова) «не торопиться с отказом», села за анализ литературы и персоналий.

Слово «гендер» еще не витало даже в научной атмосфере, хотя туманно просачивалось из некоторых зарубежных (в основном англоязычных) работ. Однако социологические исследования велись в стране очень активно. Начался второй ренессанс в отечественной социологии: вводились новые объекты исследований, значительно расширилась предметная область социологического анализа. В первом изданном в СССР в 1989 г. словаре по социологии* институционально было закреплено понятие «социология пола». Не будет лишним его напомнить: «Социология пола — область

социологии, изучающая закономерности дифференциации мужских и женских социальных ролей, полового разделения труда, культурные символы и социально-психологические стереотипы „мужественности“ (маскулинности) и „женственности“ (феминности) и их влияние на различные аспекты социального поведения, общественной жизни». Более того, там же отмечалось, что «еще К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что эти различия (в психике и поведении мужчин и женщин) зависят от сложной совокупности социально-экономических и культурно-идеологических факторов, требующих конкретного исследования».

Мотивация для освоения нового направления окончательно сложилась после того, как в социологической отечественной литературе я не обнаружила ни одного социологического исследования, где бы женщины или их общественное мнение рассматривались в качестве самостоятельного субъекта действий и политики. А ведь женщины составляли большинство населения СССР (53% в 1990 г.), как и во многих других странах.

Должна отметить, что признак пола всегда присутствовал (и присутствует) в социологических анкетных паспортчиках. Но это не означало, что гендерные массивы выделялись по признаку пола и анализировались в качестве самостоятельных объектов социологических исследований, — только как сравнительный фон-пейзаж: «женщины по сравнению с мужчинами». Более того, считалось, что самостоятельные массивы выделять нельзя, так как необходимы социологические итоги, характеристика позиций всего населения без каких-либо (говоря современным языком) «гендерных» нюансов и последствий. Такая ситуация в исследовательской практике окончательно определила мой выбор.

Однако свое согласие на научную перекавалификацию я оговорила одним принципиальным условием: разрешением на проведение масштабного всесоюзного социологического исследования общественного мнения женщин по вопросам перестройки и демократизации советского общества конца 80-х гг., исследовательских аналогов которому не было. Была получена поддержка ректора, и создан многонациональный исследовательский коллектив «Женщины и демократизация». В него вошли аспиранты и докторанты АОН — исследователи из ряда советских городов, а также из Чехословакии, Литвы, Латвии, Болгарии, Казахстана. К началу 1990 г. исследование было завершено.

* Краткий словарь по социологии. Гвишиани Д. М., Лапин Н. И., ред. М.: Политиздат; 1988. 479 с.

ГЕНДЕР НАСТУПАЕТ

События в стране развивались стремительно. В 1989 г. в ЦК КПСС, спустя 60 лет, по предложению М. С. Горбачева в партии восстанавливается должность секретаря ЦК по работе с женщинами. Им стала Галина Владимировна Семенова, хорошо известная в мире журналистики: главный редактор журнала «Работница» (имевшего миллионный тираж в СССР), кандидат философских наук. Так, в конце 80-х гг. в составе Политбюро ЦК КПСС появилась единственная женщина. Это придало ускорение развитию всего женского перестроечного движения: появились женские организации и общественные движения: активные, разноплановые, инициативные и самостоятельные. Избрание меня на Пленуме ЦК КПСС советником ЦК КПСС по вопросам женщин и демографии сыграло существенную роль в продвижении идей, сложившихся на базе итогов проведенного исследования. О значении выводов исследования, полученных в нем эмпирических данных, отношении к ним высшего политического руководства партии говорят лишь несколько из многочисленных фактов: презентация итогов исследования в АОН с участием секретаря ЦК КПСС, трансляция сюжетов мероприятия на 1 канале телевидения, десятки публикаций в центральных газетах и журналах, приглашение на Секретариат ЦК КПСС с выступлением по итогам исследования, публикация этих материалов в «Известиях ЦК КПСС» — авторитетнейшем в то время издании [2]. Сомнений не оставалось: это было «попадание в десятку».

Как исследователь я была удовлетворена результатом перехода на новую тематику. Риск преобразовался в позитивный и перспективный шанс развить новое направление в отечественной социологии. Идея приобрела траекторию реального развития в марте 1990 г., когда ЮНЕСКО обратилось к руководству страны с предложением провести в Москве международную конференцию по гендерным исследованиям, чего раньше в СССР никогда не было. Помню общее политическое и научное замешательство после предложения ЮНЕСКО. Как советника ЦК КПСС меня попросили разобраться с тем, что это такое: гендерные исследования и стоит ли принимать поступившее приглашение. С чем советская сторона может выйти на такой международный форум, есть ли у нас исследования для подобного мероприятия? Срок для ответа был дан короткий. Я снова засела за книги.

Итак, «гендер» в переводе с английского — пол, род, происхождение. Однако слово интерпретируется зарубежными исследователями как «социальный пол». Синоним в русском языке — «пол». Но в русской и советской социологии категория «пол» никогда не рассматривалась как сугубо биологическая характеристика личности, так как исторически является социально насыщенной категорией, элементом социально-демографической структуры общества по признаку пола. Тогда откуда «гендер»?

От адекватности, совпадения перевода. Как на английском языке пишется признак «пол» в любом документе? — “Sex”. Сексуальные отношения партнеров — это тоже “sex”. Естественно, в англоязычной терминологии возникла необходимость разделить категории «пол» (“sex”) как социальный признак личности и «пол» (“sex”) как технологию интимных отношений с партнером. Так западные ученые выделили отличительную категорию между двумя значениями одного слова “sex”: «гендер», что означает «социальный пол». Для западной социологии и социологии, это, конечно, актуально. Для отечественной науки, опирающейся на литературное богатство великого русского языка, обладающего тонким многообразием оттенков и нюансов выражения мыслей и социальных характеристик, такой проблемы не стояло. В русском языке никогда не отождествлялись, не путались (и не путаются) понятия «пол» и «секс» как по написанию, так и по смыслу (чего не скажешь про англоязычную литературу). Поэтому принципиальных научных споров, доказательств острой потребности разделения категорий «пол» как биологической (физиологической) и социальной характеристик в отечественной социологии и в научной литературе не возникало. Проведенное масштабное исследование «Женщины и демократизация» стопроцентно вписывалось в концепт гендерных исследований (исследование положения женщин как одной из гендерных общностей, самостоятельного субъекта политики).

Ответы на поставленные вопросы были найдены. Согласие ЦК КПСС принять в Москве международную конференцию — получено. Местом проведения была определена Академия общественных наук. Секретарю ЦК КПСС по вопросам женщин и демографии Г. Семеновой было поручено сделать политический доклад; а мне — научный доклад «Общественное мнение женщин как субъекта политики», представив

в качестве примера развития гендерных исследований социологический проект «Женщины и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам» [3, 4].

Конференция прошла с большим успехом, доклады зарубежных гостей были опубликованы в журнале «Социологические исследования». Советская сторона неожиданно для многих удивила своих западных коллег-исследовательниц: американку, француженку и канадку. Как выяснилось, от нас такого масштабного анализа гендерных исследований не ожидали. А конференция заняла особое место в развитии отечественной научной школы гендерной социологии.

Стало очевидным, что будут формироваться два сегмента исследований: *гендерные* (как микроисследования в малых группах, преимущественно с применением качественных методов) и *социогендерные* (как макроисследования среди больших гендерных общностей с применением количественных методов социологического анализа и исследования). Первый сегмент, скорее всего, будет формироваться на базе исследований преимущественно теоретико-философского, культурологического направлений, в большей мере сторонников западных подходов к «гендеру» как к социальному полу. Второй сегмент больше будет концентрировать социологов, непосредственно связанных с изучением макропроцессов социальной реальности, «заземленных» на исследования социальной пульсации изменяющегося российского общества и обладающих конкретной доказательной эмпирической базой. На этом в большей мере будет формироваться отечественная гендерная социология. Забегая вперед, отмечу: жизнь полностью подтвердила этот прогноз.

КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА ПОНЯТИЯ

Сильнейшее ускорение и упорядоченность процессу становления нового научного направления придало крупнейшее политическое событие конца XX в.: Всемирная конференция по положению женщин, прошедшая в Пекине в сентябре 1995 г., в которой участвовали представители 196 стран. Как член правительственной делегации РФ, непосредственный участник сессий и обсуждений документов пекинской встречи могу с уверенностью сказать: не столько достижения ученых (философов и социологов), сколько принятая на Форуме Пекинская декларация и Доклад по

положению женщин в мире как итоговый международный документ ООН определили весь стартовый понятийный аппарат современной гендерной социологии. Это совершенно нестандартная ситуация для научного продвижения нового направления.

В пекинской документах был предложен базовый понятийный аппарат гендерной теории — с одной стороны, а с другой — огромное социальное разнообразие направлений ее практического применения. Это был в полном смысле слова подарок со стороны большой политики всем исследователям в области гендера [5].

В этом контексте особенно показателен один конфликт, возникший на итоговом заседании Форума в связи с использованием в итоговом документе слова «гендер» вместо всем понятного слова «пол». Возникла беспрецедентная ситуация: ряд стран (в первых рядах был Ватикан) отказались подписывать документ, в котором на каждой странице по нескольку раз в самых разных научных сочетаниях мелькало слово «гендер»: «гендерные исследования», «гендерное равноправие», «гендерная политика», «гендерный баланс», «гендерная диспропорция», «гендерная идентификация», «гендерные барьеры», «гендерная дискриминация» и др. Представители правительственных делегаций просто не могли понять: почему в Докладе нет понятия «женщины», а на каждой странице многократно употребляется слово «гендер» в разных модификациях. Собирались экспертные группы, шли дебаты. Раскол по оси «гендер» казался непреодолимым. Чтобы вернуть дебаты в конструктивное русло, была принята специальная резолюция с разъяснением применения категории «гендер» в итоговом документе Форума.

Вот выдержка из этого документа: «...использовать категорию „гендер“ в общепринятом значении — пол, род, происхождение». После этого декларация, наконец, была принята всеми государствами — участниками Форума. Понятийный аппарат гендерной теории, введенный в документы пекинской встречи, стал основой гендерного глоссария для науки и практики. Так я получила последний аргумент в пользу разработки гендерной социологии как частной социологической теории.

Итог моей многолетней последовательной работы лег в институционализацию категории «гендерная социология» в российской социологической науке посредством введения по-

нения в «Социологической энциклопедии» [6, с. 518–521]. Согласно приведенному авторскому определению, гендерная социология (от греч. происхождение, род, рождающийся) — отрасль социологии и частная социологическая теория, изучающая закономерности развития и социального взаимодействия гендерных общностей (мужской и женской) во всех сферах общественной жизни, эволюцию их социальных статусов и отношений с учетом влияния культурных традиций, символов и стереотипов, а также биопсихологических особенностей пола на поведение и сознание гендерных социумов». «Предмет гендерной социологии — социальные статусы мужчин и женщин, их эволюция под влиянием конкретных условий (исторических, политических, социальных, духовных)». «Объект гендерной социологии — мужчины и женщины как крупные социально-демографические общности, различающиеся социальным статусом и ролевыми функциями, особенностями психологического склада, поведения и сознания» [6, с. 519]. Основы этого направления в советской социологии были заложены в 70-х гг. на базе развития социологии пола.

Надо заметить, что гендерные исследования проводились в СССР еще в 20-е гг. (хотя как таковое понятие «гендерные» в тот период не использовалось). В основу советской концепции социологии пола было заложено известное идеологическое положение, согласно которому «женский вопрос» в том виде, в каком он достался нам от капитализма, в СССР решен окончательно» [7]. Женская эмансипация стала показателем достижения принципа гендерного равноправия.

Чем различаются гендерная социология эпохи рыночной экономики и советский концепт социологии пола? Я не согласна с мнением некоторых современных российских исследователей о, якобы, отсталости отечественной социальной, гуманитарной, социологической науки от западной гендерной отрасли. Кстати, категория «гендерная социология» на западе в тот период времени вообще не использовалась. И российский концепт стал, по существу, одним из первых институционально прописанных. Конференция Юнеско (1990 г.) по гендерным исследованиям, затем Пекинская Всемирная конференция по положению женщин (1995 г.) стали своего рода реперными точками в развитии гендерной социологии и гендерного направления в России, способствовали широкой популяризации и легализа-

ции понятия «гендер», «гендерные исследования» для научного профессионально-тематического самоопределения многих исследователей (в том числе и моего).

Как исследователь я проверила в ходе конференций и научных дискуссий с зарубежными коллегами ряд новых рабочих гипотез относительно интеграции женщин как социально-демографической (а говоря современной терминологией — гендерной) общности в социальные процессы и отношения в эпоху перемен, экономических трансформаций, изложив их в 2012 г. в большой монографии «Гендерная социология и российская реальность», ставшей своего рода онтологией развития рыночной экономики в России в гендерном измерении [8]. Для меня стал очевидным ряд научно-аксиоматических положений:

1. Гендерная социология в России обладает научной преемственностью развития и опирается на методологические принципы социологии пола как частной социологической теории. Однако, в отличие от нее, изучает в качестве равноправных объект-субъектов обе гендерные общности: и мужскую и женскую. Вместе с тем традиционно основной акцент в социологических исследованиях делается на изменениях социального статуса и ролевых функций женщин. Однако протекающая в социальной реальности институционализация отцовства как социального института будет ускорять исследовательский интерес к изучению мужской гендерной общности.

2. Парадигма изучения женщин как самой крупной гендерной общности в социальной структуре российского общества и в масштабах мировой системы строится на признании особенностей ее эволюции и ее базовых ценностей в зависимости от степени социальной интеграции в этот процесс двух системообразующих гендерных общностей: женской и мужской.

3. Эволюция общества, трансформация его социальной структуры и отношений повышают гендерную чувствительность процессов, влияние социально-психологических, социально-ролевых и социокультурных особенностей гендерных общностей; влекут за собой развитие новых направлений и подходов к изучению общества как макросистемы с глубокими страновыми национальными различиями, но при сохранении общих для этих общностей социальных и общечеловеческих ценностей, сближающих гендерные процессы в разных страновых социумах.

В МОДУСЕ НАСТОЯЩЕГО СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

К началу третьего тысячелетия гендерные исследования как инструмент гендерной социологии значительно расширились и обогатились. В России развиваются несколько гендерных направлений. Сильно выросла и окрепла сфера гендерной социологии, институционально оформленной в 2003 г. Признанием обладает научная школа «Гендерная и экономическая социология» на базе Финансового университета при Правительстве РФ, имеющая свои филиалы, научные площадки и последователей в ряде крупных российских университетов: Санкт-Петербургском, Южном Федеральном, Волгоградском [9]. Научная школа в будущем году будет проводить юбилейную

XX Гендерную научно-практическую конференцию, посвященную актуальным проблемам гендерного равноправия и гендерным ресурсам развития социального потенциала рыночной экономики.

В Финансовом университете, в других российских вузах введены гендерные дисциплины (гендерная социология, гендерная экономика, феминизация бедности, гендерная геронтология и пр.). В Санкт-Петербургском государственном университете введена магистерская программа «Гендерные исследования».

Но это уже предмет отдельного разговора о развитии гендерной социологии и ее первоосновы — социологии пола — в модусе настоящего и будущего социального времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Силласте Г. Мысли и дела молодежи. Таллин: Ээсти Раамат; 1985. 135 с.
2. Силласте Г. Женщины и политика. *Известия ЦК КПСС*. 1991;(1):66–69.
3. Силласте Г. Общественное мнение женщин в условиях политического плюрализма. Женщины и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам (Результаты социологического исследования). М.: АОН; 1991. 78 с.
4. Силласте Г. Исследование общественного мнения женщин: концепция состояние перспективы. В кн. Демократия без женщин — не демократия. Социологические очерки. М.: Дипакакадемия МИД; 1991. 238 с.
5. Силласте Г. Гендерная социология: от научных поисков и споров к научной школе. Ростов н/Д: Фонд науки и образования; 2016. 79 с.
6. Силласте Г. Социологическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль; 2003. С. 518–521.
7. Силласте Г. Социолог об итогах IV Всемирной конференции по положению женщин. М.: Знание; 1996. 92 с.
8. Силласте Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Инфра-М; 2012. 680 с.

REFERENCES

1. Sillaste G. Thoughts and actions of young people. Tallin: Eesti Raamat; 1985. 135 p. (In Russ.).
2. Sillaste G. Women and politics. *Izvestiya TsK KPSS*. 1991;(1):66–69. (In Russ.).
3. Sillaste G. Public opinion of women in the context of political pluralism. In: Women and democratisation: public opinion of women on topical socio-political issues (Results of sociological research). Moscow: AON; 1991. 78 p. (In Russ.).
4. Sillaste G. Research on women's public opinion: the concept of the state of perspective. In the book. Democracy without women is not a democracy. Sociological Essays. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs; 1991. 238 p. (In Russ.).
5. Sillaste G. Gender sociology: From scientific research and disputes to scientific school. Rostov na Donu: Fond nauki i obrazovaniya; 2016. 79 p. (In Russ.).
6. Sillaste G. Sociological encyclopedia. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 2003:518–521. (In Russ.).
7. Sillaste G. Sociologist on the outcome of the IV world conference on women. Moscow: Znanie; 1996. 92 p. (In Russ.).
8. Sillaste G. Gender sociology and the Russian reality. Moscow: Infra-M; 2012. 680 p. (In Russ.).

ТЕМА НОМЕРА: МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-14-23
УДК 316(045)

СПЕЦИФИКА КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ*

Бродовская Елена Викторовна,

*д-р полит. наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций,
Финансовый университет; главный научный сотрудник Института перспективных исследований,
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
brodovskaya@inbox.ru*

Домбровская Анна Юрьевна,

*д-р социол. наук, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий,
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
an-doc@yandex.ru*

Пырма Роман Васильевич,

*канд. полит. наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций,
Финансовый университет, Москва, Россия
pyrma@mail.ru*

Азаров Артур Александрович,

*канд. техн. наук, начальник отдела информатизации и связи Администрации Центрального района,
г. Санкт-Петербург, Россия
artur-azarov@yandex.ru*

Аннотация. В статье содержатся результаты всероссийского исследования параметров критического мышления молодежи, выполненного с помощью методов массового онлайн-опроса молодых пользователей РФ и экспертного интервью. Определены основные характеристики готовности молодого поколения России критически осмысливать проблемы функционирования сетевого пространства. Авторы представляют результаты многомерного анализа, устанавливающего зависимость между спецификой критического мышления молодежи и ее принадлежностью к различным типам профессиональной культуры. Ключевым продуктом исследования служат систематизированные рекомендации органам власти по созданию условий для повышения уровня критического мышления российской молодежи.

Ключевые слова: критическое мышление; цифровизация; медиапродукты; профессиональная культура; массовое онлайн-анкетирование; экспертный опрос

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

THE SPECIFICITY OF CRITICAL THINKING OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION*

Elena V. Brodovskaya,

Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Chief Researcher, Institute of Advanced Studies, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
brodovskaya@inbox.ru

Anna Yu. Dombrovskaya,

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

an-doc@yandex.ru

Roman V. Pyrma,

Cand. Sci. (Politics), Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

pyrma@mail.ru

Artur A. Azarov,

Cand. Sci. (Engineering), Head of the Information and Communication Department of the Administration of the Central District of St. Petersburg, Russia

artur-azarov@yandex.ru

Abstract. *The article contains the results of the all-Russian study of the parameters of critical thinking of young people, performed using the methods of a mass online survey of young users of the Russian Federation and expert interviews. The authors established the basic characteristics of the readiness of the younger generation of Russia to critically interpret the problems of the functioning of the network space. We also present the results of a multivariate analysis that establishes the relationship between the specifics of critical thinking of young people and their belonging to different types of professional culture. The key product of the research is systematised recommendations to the authorities on the creation of conditions for raising the level of critical thinking of Russian youth.*

Keywords: *critical thinking; digitalisation; media products; professional culture; mass online survey; expert survey*

Процесс цифровизации общества представляет собой целый комплекс возможностей и вызовов в первую очередь для представителей молодого поколения, социализация и адаптация к условиям современного рынка труда которого происходит отчасти в интернет-пространстве. В связи с этим дискуссионными являются вопросы относительно определения масштаба и характера влияния цифровизации на профессиональную культуру молодежи. С одной

стороны, уровень вовлеченности российской молодежи в интернет-коммуникацию соответствует показателям стран, лидирующих в этом процессе (США, Швеция и др.). С другой стороны, такая надпрофессиональная компетенция, как критическое мышление, входящая в перечень наиболее востребованных и причисляемая ВЭФ к компетенциям будущего, в условиях дефицита качественных образовательных, профессиональных цифровых сред в школах, ссузах и вузах России, не

* The article was prepared according to the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

получает должного развития. Исходя из этого, одной из гипотез прикладного исследования является предположение, согласно которому цифровизация без целенаправленной профессиональной навигации может снижать уровень развития критического мышления. Вместе с тем этот процесс дифференцирован в зависимости от стратегии профессионализации в цифровой среде.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ специфики критического мышления и восприятия молодежью продуктов цифровых коммуникаций основывался на подходах различных отечественных и зарубежных научных школ к определению этих процессов.

Данные подходы можно разделить на несколько групп. К первой относится подход Всемирного экономического форума, в котором делается акцент на две позиции: способность аргументированно подвергнуть сомнению любую информацию и навык преобразования аналитических продуктов в технологию решения проблемы. Таким образом, Всемирный экономический форум определяет критическое мышление как способность скептически оценивать аргументы, допущения, абстрактные понятия, данные, чтобы вынести суждение и сформулировать соответствующие предложения для решения проблем (http://www3.weforum.org/docs/WEFUSA_NewVisionforEducation_Report2015.pdf).

В подходе Р. Пола к понятию критического мышления также фигурирует способность к выработке способов разрешения проблемных ситуаций: «критическое мышление — самонаправленное, самодисциплинированное, самоконтролируемое и самокорректирующее мышление, влекущее эффективные способности общения и решения проблем» [1].

Ко второй группе следует отнести подход Д. Обстфельда и его соавторов, в котором устанавливаются важные признаки критического мышления: способность находить или создавать смыслы (*sense making*), навыки интерпретации и осмысления выявленных закономерностей [2].

Третья группа подходов к критическому мышлению фокусируется на содержании этого процесса. Так, Э. Глейзер способность критически мыслить составлял из трех элементов:

1) вдумчивое рассмотрение проблемы и темы, входящих в круг переживаний; 2) знание методов логического анализа и рассуждений; 3) навыки применения этих методов [3].

Четвертый тип подходов к критическому мышлению, представленный трудами П.А. Фэйсиона (<https://assessment.trinity.duke.edu/sites/assessment.trinity.duke.edu/files/page-attachments/CriticalThinking-AStatementofExpertConsensusforPurposesofEducationalAssessmentandInstruction.pdf>), фиксирует в основе критического мышления следующие когнитивные умения: интерпретация, анализ, оценка, умозаключение, объяснение и саморегулирование.

В следующем подходе, разработанном В.Р. Руджэро [4], устанавливаются методы критического мышления: раскрытие интеллектуального контекста, осознание проблемы правильного хода мысли и разработка стратегии устранения этих проблем.

Важной отправной точкой теоретического анализа критического мышления современной молодежи в начале эмпирического исследования является то место, которое отведено критическому мышлению в компетентностной модели работника XXI в. (www.p21.org/storage/documents/p21-stateimp_curriculuminstruction.pdf). Анализируемая компетенция входит в число инновационных навыков наряду с навыками решения проблем и способностью к творчеству.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ уровня критического мышления и специфики восприятия российской молодежью продуктов цифровых коммуникаций осуществлен в ходе интерпретации данных массового опроса в формате онлайн-анкетирования (1500 респондентов в возрасте от 15 до 24 лет, выборочная совокупность репрезентативна по территории проживания, полу и возрасту) и экспертного интервью (35 экспертов — ведущих специалистов в сфере цифровизации образования).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структура описания результатов прикладного анализа:

- данные экспертного опроса об уровне критического мышления и восприятия молодежью продуктов цифровых коммуника-

ций, способности их интерпретации, умений дифференцировать медиапродукты по целям, задачам, социальной значимости;

- линейное распределение значений переменных массового опроса, относящихся к специфике критического мышления российской молодежи;

- кросс-табличное распределение взаимосвязи характеристик типов профессиональной адаптации молодежи РФ и специфики критического мышления ее представителей;

- предложения по повышению уровня критического мышления и восприятия молодежью продуктов цифровых коммуникаций.

Состояние сформированности критического мышления и восприятия молодежью продуктов цифровых коммуникаций наиболее полно отражено в результатах экспертного опроса.

В ходе оценки сформированности у российской молодежи критического мышления и умения дифференцировать (определять достоверность и оценивать социальную значимость) цифровые медийные продукты в условиях выбора профессии эксперты назвали три уровня развития данных способностей у российской молодежи:

1. Высокий или продвинутый уровень сформированности критического мышления характеризуется наличием компетенции, связанной со способностью аккумулировать данные об интернет-ресурсах и систематизировать поиск информационных платформ, содержащих необходимые данные; навыка идентификации критериев достоверной и недостоверной информации, валидных и невалидных, социально-значимых и незначимых сетевых ресурсов, а также умением конструктивно применять потенциал новых медиа в поиске нужной информации.

2. Средний уровень сформированности умения заключается в умеренном развитии компетенции систематизации способов поиска нужной информации и определения достоверной информации. Данный уровень характеризуется ориентированностью в основном на популярные интернет-ресурсы, предопределяющие неспособность самостоятельного и осознанного отбора нужной информации. К среднему уровню критичности мышления эксперты относят принятие решений на основе эмоциональной оценки или влияния авторитета.

3. Низкий уровень сформированности критического мышления связан с неспособностью дифференцировать цифровые медийные продукты по степени достоверности и социальной значимости, применением в процессе поиска информации узкого круга интернет-ресурсов и преимущественным использованием информации, извлеченной из социальных медиа. Низкий уровень критического мышления эксперты связывают и с низкими когнитивными способностями определенной части молодежи, зависимостью от мнения референтного окружения, некритичным восприятием информации. Этот уровень отличается полной зависимостью от гаджетов, а также поверхностными знаниями об основных образовательных и профессиональных онлайн-площадках.

Исследование уровней критического мышления молодежи в момент восприятия продуктов цифровых коммуникаций базировалось на определении критического мышления как сложного процесса, включающего цепочку мыслительных операций, характеризующихся критичностью восприятия, способностью к рефлексии, развитостью когнитивных процессов. Способность к рефлексии — это возможность получить знание благодаря собственным умозаключениям, в результате возникновения сомнений и актуализации целеполагания на выработку рефлексивных гипотез. Данный процесс актуализирует в сознании индивида мотивы на неприятие категоричности воспринятой информации.

В этой связи в инструментарии массового опроса российской молодежи используются переменные, которые призваны показать, какие личности и институты являются авторитетными в сети Интернет для молодежи и на чьи мнения и суждения преимущественно опираются молодые люди при формировании собственной картины мира (какую информацию они подвергают критическому осмыслению).

Согласно данным исследования наиболее авторитетными для российской молодежи являются общественные организации (33%), члены семьи (32%), Интернет в целом (31,4%) и известные люди (30,8%) (рис. 1). Каждый пятый опрошенный считает, что можно ориентироваться на позицию и мнение друзей (22%). Таким образом, среди лидеров, формирующих установки и взгляды российской молодежи, — субъекты из цифровой среды

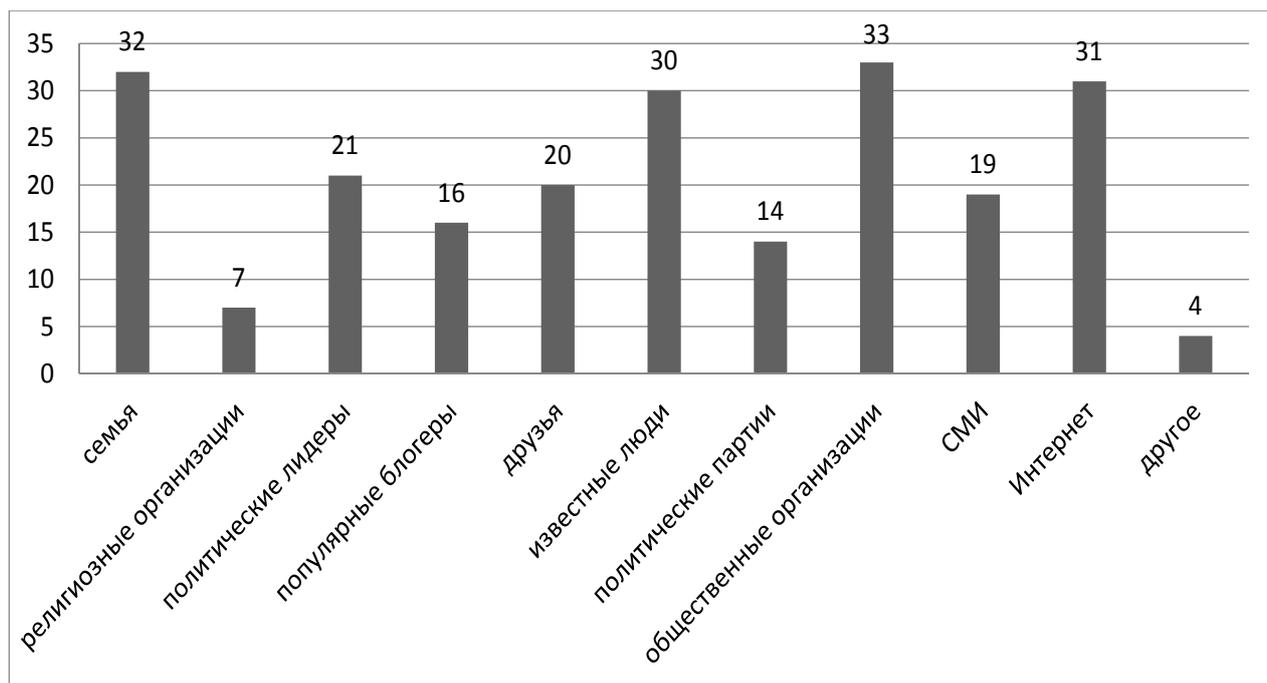

Рис. 1. Представления молодежи о лидерах мнений, в %

и микросоциальное окружение. Примечательно, что довольно небольшая доля респондентов воспринимает политические и религиозные организации как авторитетные и влиятельные с точки зрения формирования общественного мнения. Такой субъект политической системы, как политические партии, считает лидерами мнений 14,4% респондентов, а религиозные институты — 6,9%. Такие тенденции в распределении ответов характерны для респондентов вне зависимости от их социально-демографических характеристик.

Еще одним параметром, указывающим на способность к критическому мышлению, является установка российской молодежи по отношению к противозаконному контенту. Распределение ответов опрошенных на вопрос об актуальности проблемы распространения контента, связанного с идеями национализма, радикального исламизма и т. д., указывает на то, что суммарно две трети респондентов считают данную проблему важной и острой. При этом одна треть (30,8%) категорично заявляет, что распространение противозаконного контента — это проблема, требующая незамедлительного решения. Другая треть (32,2%) считает, что циркулирование экстремизма в сети Интернет недопустимо, однако им достаточно игнорирования такого контента. Пятая часть опрошенных (20,3%) имеет убеждение, что рас-

сматриваемая проблема их не коснется, и еще 16,8% респондентов демонстрируют полное непонимание значимости проблемы распространения незаконного контента в глобальной сети, представляющего опасность социальной стабильности и общественному согласию (рис. 2). Таким образом, данная переменная указала на неспособность значительной части российской молодежи к осознанию важности обеспечения информационной и социально-психологической безопасности в цифровом пространстве.

Весьма показательным параметром служит также отношение респондентов к свободе и контролю в Интернете. Осознание важности регулирования государством законности контента в целях сохранения информационной безопасности в сети Интернет демонстрируют суммарно 28,4% опрошенных (9,4% совершенно уверены в такой необходимости и 19,0% скорее понимают значимость этого контроля). Около пятой доли респондентов (19,3%) никогда не задумывались о необходимости контроля в глобальной сети. И наибольшая часть опрошенных — 52,3% — в той или иной степени отрицает допустимость данного контроля и уверена в том, что Интернет — это пространство абсолютной свободы и отсутствия какого бы то ни было регулирования (рис. 3). Такую позицию чаще высказывают представители

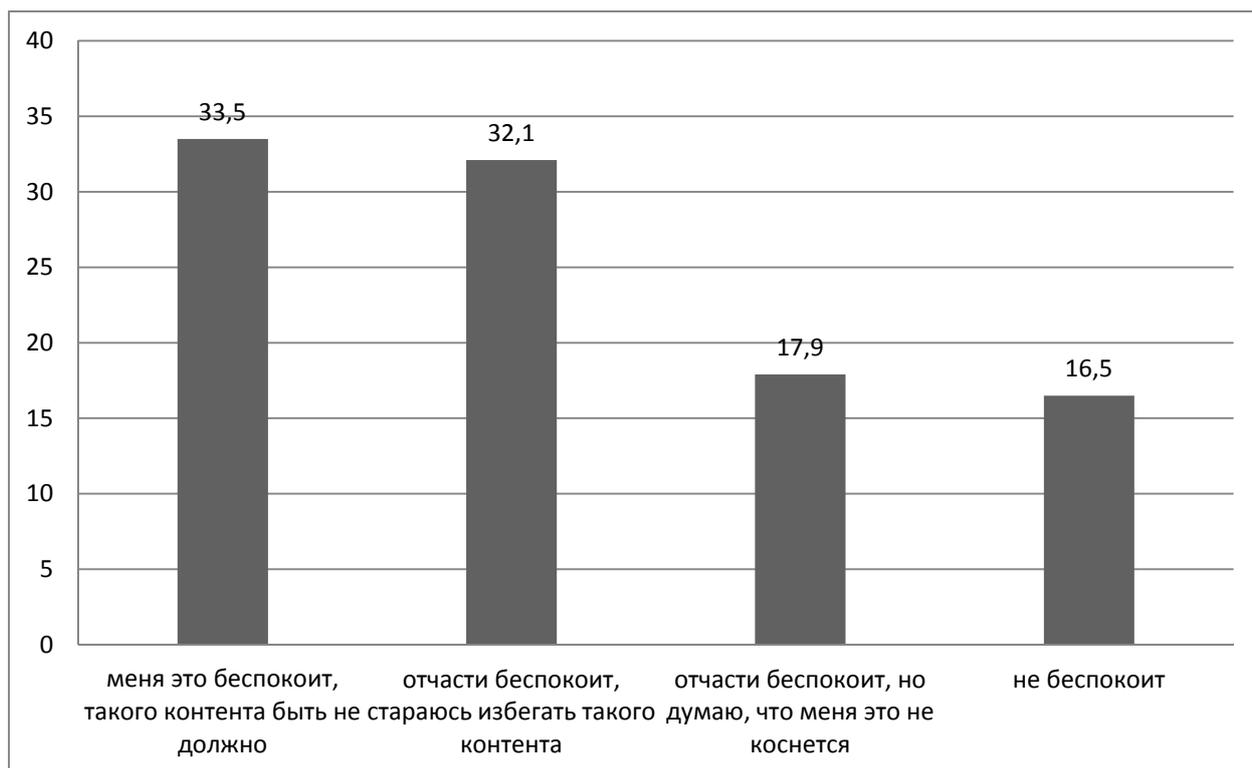

Рис. 2. Оценка молодежью степени серьезности проблемы онлайн-пропаганды национализма, другого незаконного контента, в %

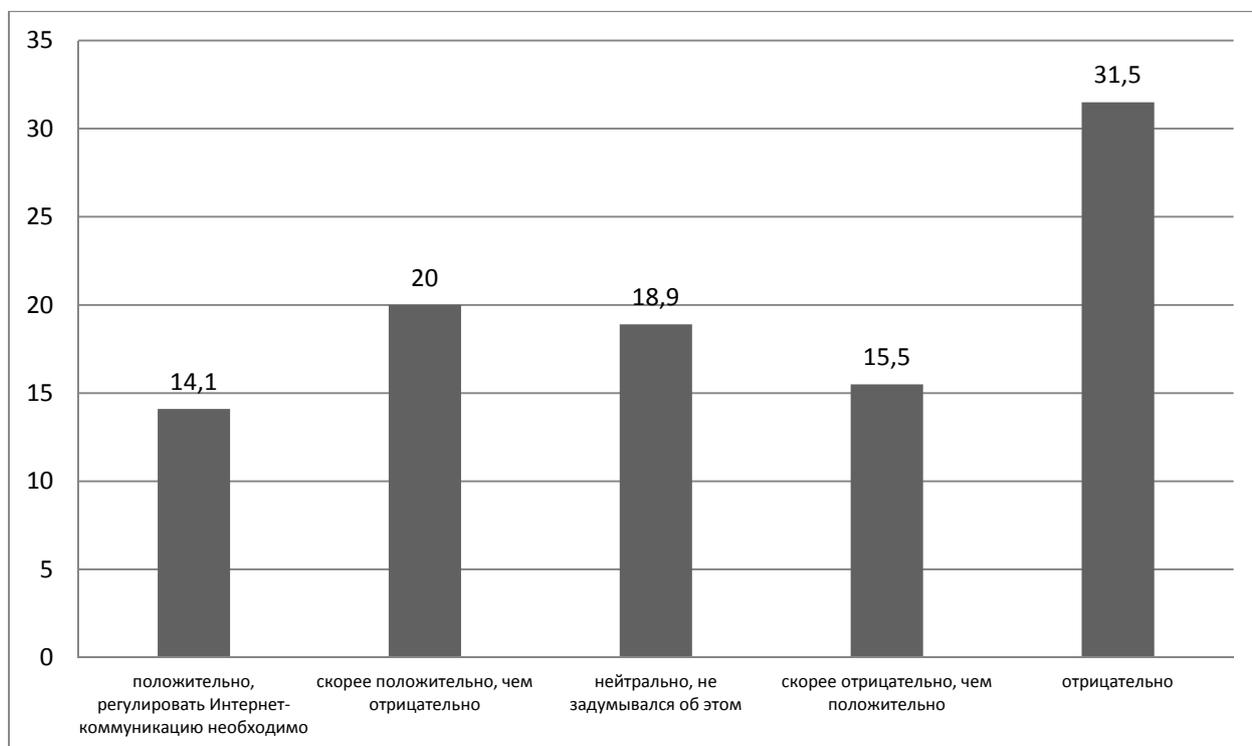

Рис. 3. Отношение молодежи к контролю интернет-контента, в %

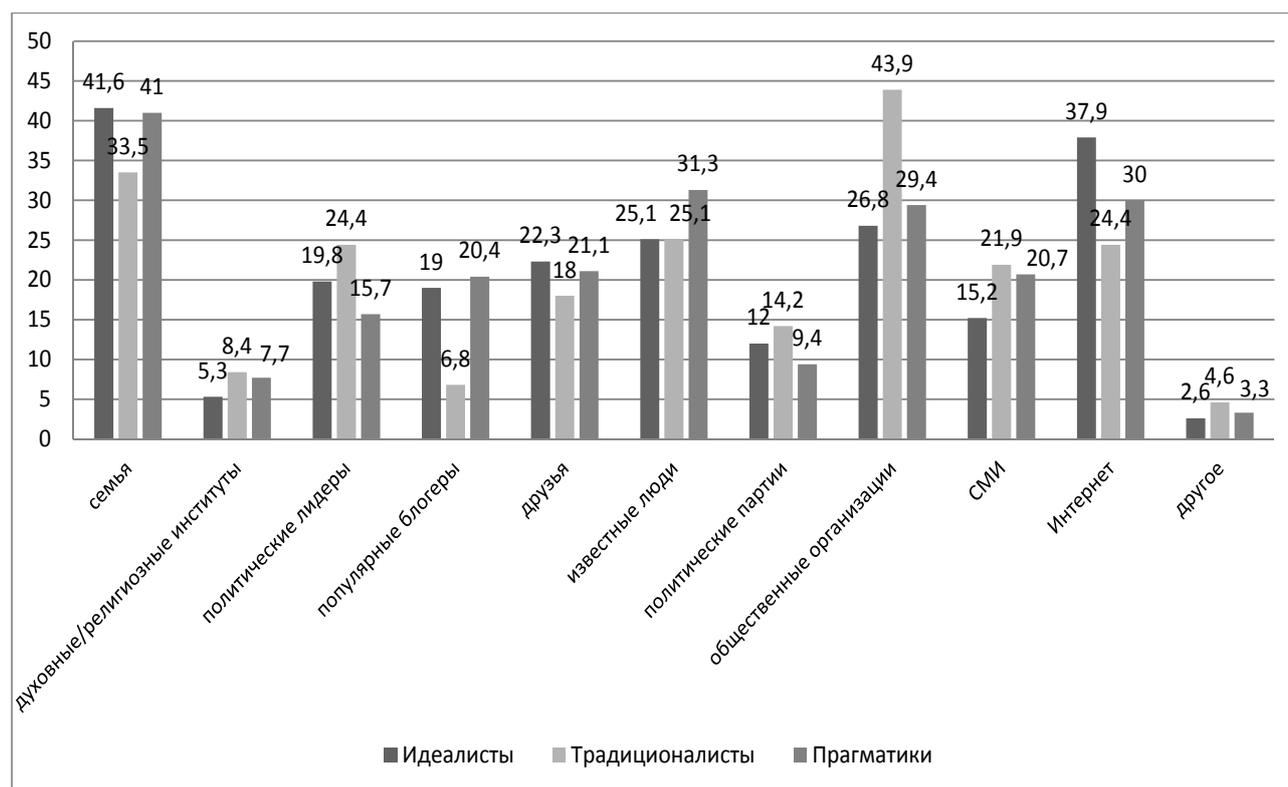

Рис. 4. Представления молодежи разных типов профессиональной культуры о лидерах мнений, в %

типа «идеалист» и «прагматик», что объясняется их интенсивными онлайн-практиками и установкой на полную свободу в процессе получения, производства, транслирования, обмена и перепоста своего авторского контента в глобальной сети.

Исследование показало, что российская молодежь значительно дифференцирована по уровню критического мышления и способности определять степень достоверности и значимости интернет-ресурсов и медиа-продуктов. Данный показатель взаимосвязан с типами профессиональной, социокультурной и гражданской адаптации, а также стратегией интернет-поведения (данные типы выявлены с помощью кластерного анализа методом К-средних SPSS Statistics 24.0).

Наиболее высокий уровень способности к критическому мышлению демонстрируют идеалисты. Это тип профессиональной, социокультурной и гражданской адаптации, для представителей которого характерно интенсивное использование цифровых каналов в процессе профессиональной адаптации, высокая осознанность профессионального выбора, позитивное отношение к онлайн-практикам профессиональной деятельности, гражданской

и социокультурной активности. Идеалисты обладают навыками систематизированного и целенаправленного поиска достоверной и значимой информации в глобальной сети и составляют более четверти (28%) респондентов.

Идеалисты в большей степени, чем другие опрошенные, доверяют семье в процессе формирования установок и ценностей (41,6%) гораздо более часто, чем прагматики и традиционалисты, считают Интернет каналом влияния на формирование общественного мнения (37,8%) и в самой наименьшей степени доверяют религиозным институтам (5,3%) (рис. 4).

Среди идеалистов больше молодежи (по сравнению с другими опрошенными), не считающей экстремизм в сети значимой проблемой (24,1%), и больше доля тех, кто не только отказывается признать необходимым государственное регулирование сети, но относится к такому контролю резко негативно (34,7%) (рис. 6).

Средняя степень критичности мышления характерна для прагматиков, насчитывающих 40,3% опрошенных. Им свойственно умеренное использование цифровых каналов в процессе профессиональной адаптации, осознанность

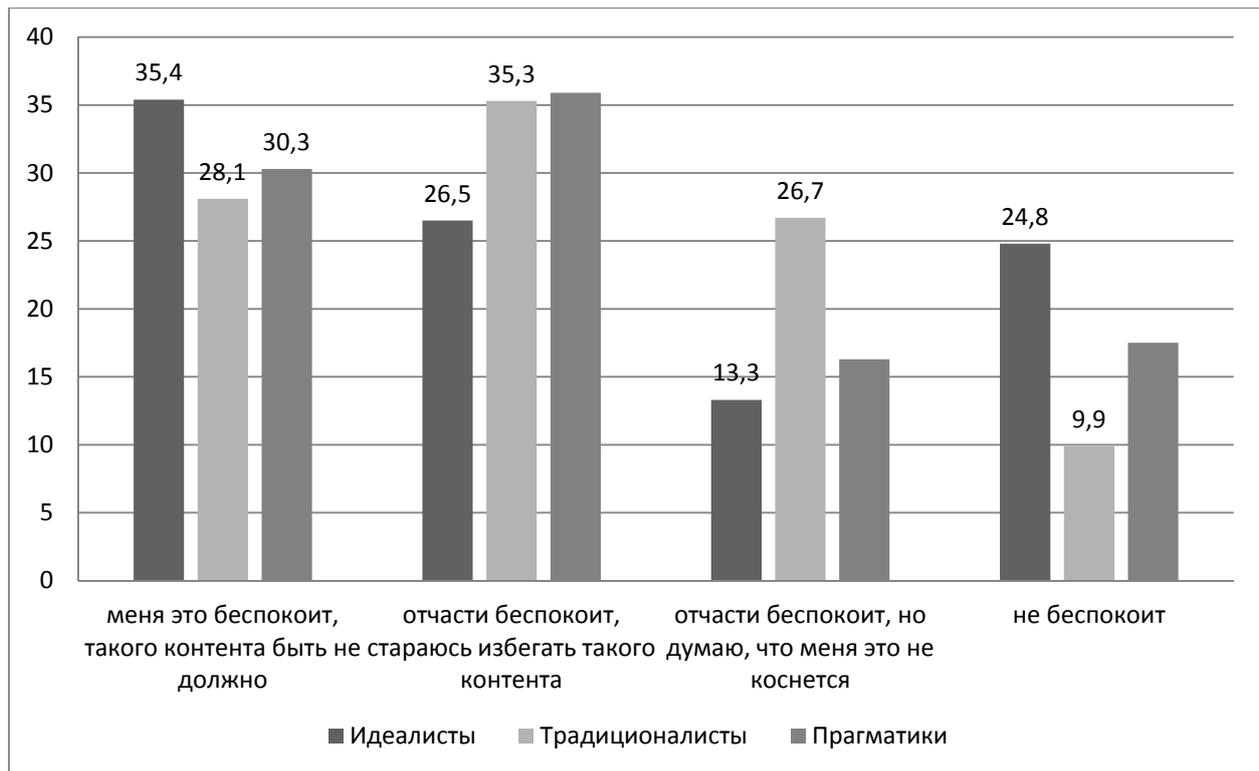

Рис. 5. Оценка молодежью разных типов профессиональной культуры степени серьезности проблемы онлайн-пропаганды национализма и др. незаконного контента, в %

профессионального выбора, позитивное отношение к онлайн-практикам профессиональной деятельности, гражданской и социокультурной активности. Прагматики наиболее часто, в сравнении с остальными опрошенными, воспринимают популярных блогеров (20,4%) и СМИ (20,7%) как лидеров общественного мнения и наименее часто признают политических лидеров как способных повлиять на позиции и мнения молодых россиян (9,4%) — см. рис. 4.

Прагматики в наибольшей степени, в сравнении с идеалистами и традиционалистами, осознают опасность экстремистского сетевого контента (66,2%) (рис. 5).

Вместе с тем 47,4% представителей этого кластера не признают важность государственного регулирования интернет-контента (рис. 6). Прагматикам в наибольшей степени присуще противоречие между осознанием проблемы и пониманием необходимости ее решения.

Традиционалисты, в силу слабо развитых цифровых компетенций, не проявляют способности к критическому мышлению и дифференциации медиа-продуктов по степени достоверности и социальной значимости (их 31,7% в общей совокупности респондентов). Их отличает игнорирование цифровых кана-

лов в процессе профессиональной адаптации, отсутствие осознанности профессионального выбора, скептическое отношение к онлайн-практикам профессиональной деятельности, гражданской и социокультурной активности.

Традиционалисты — единственный кластер молодых россиян, которые на первую позицию выдвигают общественные организации в качестве лидеров общественного мнения (43,9%), и несколько чаще, чем представители других типов профессиональной культуры, называют политиков, а также религиозные институты лидерами мнений (24,4 и 8,4% соответственно). Вместе с тем прагматики менее всего доверяют популярным блогерам (6,8%) и Интернету как каналу влияния на формирование общественного мнения (24,4%) (см. рис. 4).

Среди традиционалистов меньше всего, по сравнению с остальными кластерами, тех, кто не выражает озабоченность экстремизмом в сети Интернет: лишь 9,9% не обеспокоены распространением незаконного контента в Интернете и меньше всего (25,6%) тех, кто резко отрицательно относится к государственному регулированию интернет-контента (см. рис. 5).

Таким образом, идеалисты наиболее позитивно воспринимают Интернет как канал вли-

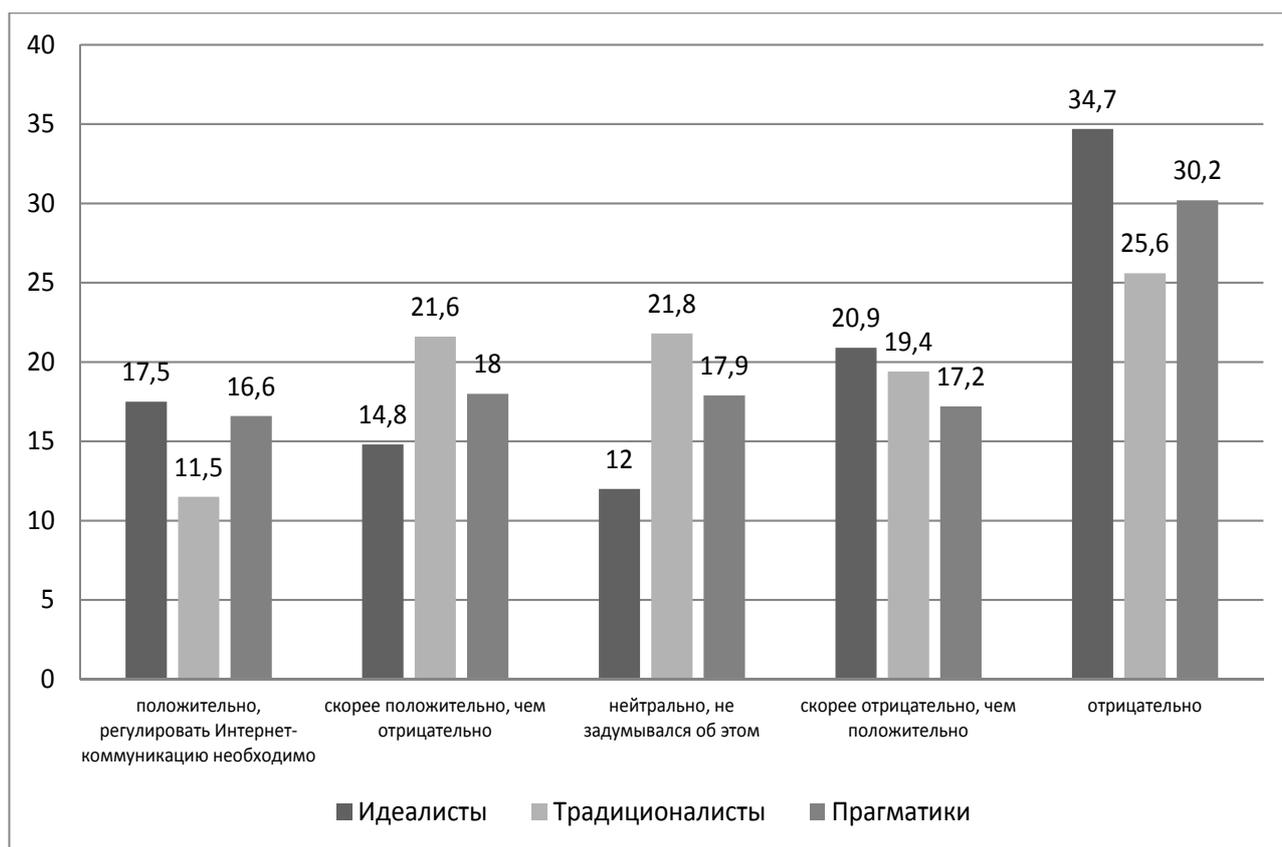

Рис. 6. Отношение молодежи разных типов профессиональных культур к контролю со стороны государства над интернет-контентом, в %

яния на общественное мнение и считают его пространством абсолютной свободы, в котором неприемлемы никакие формы контроля. Прагматики, при существенном доверии к различным акторам — лидерам мнений в Интернете, осознают значимость проблемы незаконного контента в глобальной сети, но при этом менее всего склонны к пониманию необходимости принятия мер для решения данной проблемы. Традиционалисты, довольно скептически относящиеся к возможностям формирования общественного мнения сетевыми акторами, признают не только проблему распространенности экстремистских сообщений в Интернете, но и в наибольшей степени — важность контроля государства над контентом глобальной сети (рис. 6).

По результатам проведенного исследования разработаны следующие предложения Министерству высшего образования и науки РФ и Министерству просвещения РФ по повышению уровня критического мышления и восприятия молодежью продуктов цифровых коммуникаций.

1. Организационная и финансовая поддержка осуществления школами и вузами мони-

торинга состояния критического мышления у старшеклассников и студентов по методике hall-тестирования.

2. Инициирование внесения в рабочие программы учебных дисциплин обязательной темы, связанной с формированием у старшеклассников и студентов навыков поиска образовательной и профессиональной информации в глобальной сети.

3. Инициирование создания вузами факультативных курсов, проектно-аналитических сессий в рамках проектов дополнительного профессионального образования, направленных на овладение старшеклассниками и студентами компетенциями самостоятельного и осознанного отбора медиапродуктов, умения дифференцировать цифровые медийные продукты по достоверности и социальной значимости.

4. Внедрение в практику приемных комиссий (прежде всего, при поступлении в магистратуру и аспирантуру) методики оценки уровня критичности мышления абитуриента, его способности к самостоятельному поиску достоверной информации в глобальной сети,

умения определить степень объективности, качество и ценность интернет-контента.

5. Осуществление координации процесса достижения преемственности в работе школ, ссузов, вузов, отделов по работе с молодежью, НКО и других организаций по развитию когнитивных способностей представителей российской молодежи, связанных с навыком критичного восприятия информации из сетевых ресурсов, обретением необходимого уровня независимости от мнения референтного окружения, навыком оценки социальной значимости медиапродукта и преодолением полной зависимости от гаджетов (создание региональных, муниципальных, школьных, вузовских программ тренингов и мастер-классов по развитию у молодого поколения критического мышления в процессе восприятия медиапродуктов).

6. Стимулирование в формате грантов и конкурсов осуществления научно-исследовательскими коллективами анализа использования и изучения возможностей расширения применения цифровых коммуникаций

в системе высшего образования для повышения уровня профессиональной культуры молодежи.

В качестве развития данного исследования могут быть выделены следующие основные направления:

- сравнение полученных результатов критического мышления молодежи в области функционирования сетевого пространства с критическим мышлением, связанным с другими областями жизнедеятельности человека;
- установление связей между уровнем критического мышления человека и его психологическими характеристиками;
- установление связей между уровнем критического мышления и уровнем обеспечения безопасности человека при использовании интернет-коммуникаций. Также представляется необходимым продолжение работы по систематизации существующих и выработке новых рекомендаций органам власти по созданию условий для повышения уровня критического мышления российской молодежи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Paul R., Elder L. The Miniature Guide to Critical Thinking Concepts and Tools. Foundation for Critical Thinking Press, 2008.
2. Weick K., Sutcliffe K. M., & Obstfeld, D. Organizing and the process of sensemaking. *Organization Science*. 2005;16(4):409–421.
3. Glaser Edward M. An Experiment in the Development of Critical Thinking. New York: Bureau of Publications, Teachers College, Columbia University; 1941.
4. Руджэро В. Р. По ту сторону эмоций и чувств: руководство по критическому мышлению. М.: Флинта: Наука; 2006. 440 с.
5. Ruggiero Vincent Ryan. Beyond Feelings: A Guide to Critical Thinking. Moscow: Flinta; 2006. 440 p. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-24-31

УДК 304.2;37.04(045)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ*

Кафтан Виталий Викторович,

*д-р филос. наук, доцент, профессор Департамента политологии, Финансовый университет, Москва
Россия*

kaftanvit@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу профессиональной культуры молодежи. Дается характеристика профессиональной культуры как заложенного в человеке творческого потенциала, его способностей, талантов, уровня достижения социальных целей и идеалов, а также воплощения их в практической деятельности. Раскрывается различие между профессиональным отбором, направленным на выявление наиболее способных людей и отсеивание остальных кандидатов и профессиональной ориентацией, позволяющей молодому человеку самостоятельно и ответственно избрать свой будущий род занятий. Анализируется влияние цифровых средств в процессе подготовки молодых кадров для предстоящей деятельности, при этом указываются как позитивные, так и негативные последствия их применения. Проводится сравнение способов формирования профессиональной культуры в США, Финляндии, Китае. Большое внимание уделяется изучению исторического опыта привития профессиональной культуры советской молодежи, даются характеристики педологическому и деятельностному этапам развития профессиональной культуры в Советском Союзе. Раскрываются особенности развития профессиональной культуры молодежи в современной России. Делается вывод о необходимости приобщения молодежи к имеющимся традициям и ценностям в интересах формирования новых интеллектуальных и политических элит.*

Ключевые слова: *профессиональная культура молодежи; профотбор; профориентация; идентификация; цифровые технологии.*

FORMATION OF PROFESSIONAL CULTURE OF YOUTH IN THE DIGITAL ECONOMY: FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE**

Vitalii V. Kaftan,

Doctor of Philosophy, Professor, Department of political science, Financial University, Moscow, Russia

kaftanvit@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the professional culture of youth. In the beginning, the author presents a description of the concept of professional culture as inherent in the human creative potential, his abilities, talents, level of achievement of social goals and ideals, as well as their implementation in practice. Further, the author defines the difference between professional selection aimed at identifying the most capable people and screening out other candidates and professional orientation, allowing the young person to independently and responsibly choose their future occupation. Also, the author analysed the impact of digital tools in the*

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared according to the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

process of training young professionals for the upcoming activities, while indicating both positive and negative consequences of their use and compared the ways of formation of professional culture in the United States, Finland, China. At the same time, the author paid much attention to the study of the historical experience of instilling a professional culture of the Soviet youth and pointed out characteristics of the pedagogical and activity stages of development of professional culture in the Soviet Union. In conclusion, the author reveals the features of the development of a professional culture of young people in modern Russia and concludes that it is necessary to introduce young people to the existing traditions and values in the interests of the formation of new intellectual and political elites.

Keywords: *the professional culture of youth; professional selection; professional orientation; identification; digital technologies*

Культура — одно из самых сложных и многогранных явлений жизни человека и общества, о чем свидетельствует наличие множества ее определений. Насчитывается до тысячи различных подходов к уяснению сущности культуры. В рамках настоящего исследования приобретают особое значение две противостоящих друг другу позиции в отношении культуры, принадлежащие немецким мыслителям И. Канту и С. фон Пуфендорфу. Согласно учению Канта, культура — это все, что создано человеком, т.е. способ и содержание жизнедеятельности людей, отличающиеся от природы, понимаемой как способ жизни растений и животных. Культура существует в виде «культуры умения», направленной на достижение человеком цели и «культуры воспитания», которая предназначена для «освобождения воли от деспотизма вождельний» [1, с. 464]. Данное определение излишне широко трактует возможную культурную деятельность человека, поэтому к ней можно отнести не только возвышенные произведения искусства, но и самые низменные и разрушительные его дела, в том числе, например, производство оружия массового уничтожения.

Пуфендорф определяет культуру как самые лучшие достижения человечества, при этом культура связывается с личностью, ее качеством и мерой развития [2]. Этот подход представляется более оправданным, поскольку подчеркивает гуманистическую природу человеческой деятельности в сфере культуры и ее направленность на создание прогрессивных изменений. По меткому выражению Ф. Ницше, культура — это тонкая яблочная кожура, отделяющая нас от раскаленного хаоса бытия.

Слово «культура» происходит от латинского слова *cultura* — «возделывание земли», такое

ее значение сохранилось в современном понятии «агрокультура». Именно так перевел М. Т. Цицерон на латинский язык греческое понятие «*пайдея*» (от др.-греч. παιδεία — воспитание детей), имея в виду совершенствование человека. Подобно тому, как земля обрабатывается плугом, культура воспитывает человека, формируя его ценностные ориентиры, мировоззренческие идеалы, транслирует из поколения в поколение духовные традиции.

Одним из важнейших проявлений культуры является ее профессиональная направленность, ведь сама культура (*пайдея*) в античности означала в наибольшей степени формирование человека не только как гармонически развитого существа, члена общества, но и предполагала и оказание помощи ему в выборе дальнейшей деятельности.

Культура в этом случае позволяет человеку развивать внутренний мир, творчески реагируя на социальные требования, осознавать их моральный, политический и эстетический смысл, принимать решения и делать нравственный и профессиональный выбор.

Поступки, выбор человека говорят о его внутренней и внешней культуре. Мотивируя собственные поступки или же опираясь (осознанно или нет) на избранную им культурную традицию, человек ориентируется на присущие ему потребности — природные и социальные.

Для характеристики заложенного в человеке творческого потенциала, его способностей, талантов, уровня достижения социальных целей и идеалов, а также воплощения их в практической деятельности используется термин «профессиональная культура».

Профессиональная культура (от лат. *professio* — род трудовой деятельности) представляет собой степень овладения социальной группой специфическим видом трудовой де-

тельности, которая выступает мерой и способом реализации сущностных сил и творческих способностей в процессах и результатах специализированной деятельности.

Профессиональная культура включает в себя две составляющих: *праксиологическое* (от др.-греч. *πράξις* — деятельность) и *духовное*. Если первое характеризует способ взаимодействия субъекта профессиональной деятельности с орудиями, средствами и предметом труда, то второе — степень готовности субъекта к осуществлению собственной деятельности.

В *праксиологической составляющей* выделяют такие базисные элементы, как профессиональное мышление, представляющее собой наличие профессионально значимых теоретических и прикладных знаний, практических навыков и умений, необходимых специалисту для осуществления профессиональной деятельности.

В *духовной составляющей* выделяются:

- профессиональное сознание как продукт взаимного обогащения общественного сознания и профессиональной культуры, отраженный в качестве бытия определенной группы, локализованной в нише определенного вида профессиональной деятельности;
- профессиональное самосознание — устойчивые представления об определенной социальной, психологической и нравственной идентичности членов группы, о ее свойствах как целого (социально-психологическая консолидация группы, социальное положение группы);
- профессиональное мировоззрение — социальная позиция, занимаемая профессиональной группой по отношению к реальности, к перспективам развития общества, к своему профессиональному окружению;
- профессиональная мораль — часть общей трудовой морали, которая выступает в качестве специфических ценностей, норм и отношений, регулирующих поведение субъекта профессиональной деятельности.

Приобщение к профессиональной культуре происходит с помощью двух различных социальных процессов: профессионального отбора и профессиональной ориентации.

Процедура *профотбора* проводится с помощью психологических тестов, интеллектуальных и физических испытаний личности для принятия решения о ее включении в кадровый резерв.

Профорентация, напротив, представляет собой свободный, но в то же время ответственный выбор одного из вариантов трудовой деятельности, предлагаемых в системе информирования и рекламы. Принципиальное различие между указанными процессами состоит в активности участия личности при определении своей будущей специальности, а также возможности внешнего влияния на самоопределение молодого человека.

В основе как профотбора, так и профорентации лежит *идентификация* (от лат. *identifico* — отождествлять), понимаемая как обретение индивидом самоидентичности с определенной социальной группой и присущей ей профессиональной культурой.

Навыки, необходимые для конкурентоспособности на современном глобальном рынке трудоустройства, постоянно меняются. Глобальная конкуренция, технический прогресс и непрерывность инновационных процессов создают другие условия приема на работу, изменяют сроки пребывания и процессы продвижения по службе. Поэтому работники вынуждены переучиваться, — в противном случае их заменят более высококвалифицированными сотрудниками или машинами. Исходя из этого, они должны непрерывно мониторить возникновение технических инноваций, использование которых в области профессионального ориентирования представляется как никогда актуальным.

Среди преимуществ использования цифровых средств в процессе подготовки профессиональных кадров — оптимизация процесса обучения и его демократизация, которая обусловлена практически повсеместной доступностью онлайн-сферы для каждого человека. Также стоит упомянуть и существенное упрощение переработки научной и производственной информации, что, в свою очередь, способствует ее лучшему запоминанию и дальнейшему качественному применению.

Однако исследование Организации экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Cooperation and Development — OECD) об уровне владения цифровыми технологиями среди подростков показало, что «в целом ученики, которые умеренно пользуются компьютерами в школе, демонстрируют более высокие результаты в учебе, чем те, кто использует их постоянно...

Ученики, которые пользуются компьютерами очень часто, демонстрируют гораздо более низкие результаты, даже с учетом их социального положения и демографических показателей» [3, с. 35–36].

Из этого следует, что технологии, безусловно, расширяют доступ к получению профессиональных знаний и навыков, но, тем не менее, существует риск рассеивания внимания ученика, его десоциализации, а также склонности к принятию на веру любой информации, полученной в Сети.

Фундаментальные реформы в сфере образования и профессиональной ориентации способствуют повышению внимания отечественных и зарубежных экспертов к вопросу влияния цифровых технологий на профессиональную культуру молодежи. Рассмотрим специфику приобщения молодежи к профессиональной культуре на примерах таких стран, как США, Финляндия, Китай и Россия.

Говоря о применении информационных технологий для развития профессиональной культуры в США, необходимо отметить, что она в основном ориентирована на жесткий профотбор. Р.Л. Нолан разработал поэтапную теорию для описания роли информационных технологий и того, как она растет в рамках какой-либо организации. Эта модель включает в себя инициирование, заражение, контроль, интеграцию, администрирование данных и зрелость [4, с. 466–475]. Теория также показывает взаимосвязь между информационной технологией и этапами развития отрасли. Говоря об американской модели образования и включения цифровых средств в процесс профессионального ориентирования, можно с уверенностью утверждать, что она достигла стадии зрелости.

С начала 1990 г. США уделяли особое внимание политике в области использования цифровых технологий в сфере образования, а с конца 90-х гг. американские эксперты начали утверждать, что подобная практика оказывает непосредственное влияние на рост экономики [5, с. 6–13].

В американских школах и университетах активно используется компьютерная система управления карьерой для облегчения процесса принятия решений о трудоустройстве. Несмотря на повсеместное применение, ее результаты были подвергнуты относительно

небольшим эмпирическим исследованиям. Среди ограничений такой системы эксперты выделяют внимание к удовлетворению запросов пользователей, а не к целям, связанным с карьерой, неспособность изучить потенциальные дифференциальные предложения системы, учитывающие гендерный, этнический или социально-экономический статус пользователя [6, с. 388].

Разработка и использование этих систем породили проблемы, актуальные с точки зрения обработки информации и теории принятия решений. Эти проблемы включают отсутствие обновления базы данных о профессиях, сложность процесса принятия решений о карьере, эффективность программы и контекст, в котором она внедряется. Некоторые американские исследователи пишут о приоритетности личного консультирования по вопросам карьеры над цифровыми альтернативами [7, с. 51–56].

Наибольший интерес представляет успешный опыт Финляндии в применении цифровых технологий для профессионального ориентирования каждого гражданина, с учетом его индивидуальных способностей и социальных предпочтений. Финляндия стала одной из первых стран, ратовавших за повсеместное распространение доступа к Сети. Согласно Департаменту статистики Финляндии, в 2002 г. около 66% финнов использовали Интернет. У каждого второго жителя страны был компьютер с доступом в Интернет дома, а 32% финнов ежедневно пользовались компьютером. В 2010 г. использование Интернета стало еще более распространенным явлением. Сейчас до 86% финнов являются интернет-пользователями [8]. Это отразилось и в программах по профориентации в учебных и специальных профессиональных учреждениях страны.

Финская система образования отличается сетевой структурой, а ее управление децентрализовано [9]. Эти признаки делают систему открытой и инклюзивной. Так, отечественный исследователь О.Б. Скородумова выделяет несколько ключевых принципов такой модели: органическая связь деятельности университетов, бизнеса и государства через сетевые структуры; отсутствие иерархии; причастность к достижениям новых информационных технологий всех образовательных структур; положительное отношение к технологиям и информатизации всех слоев общества; отсутст-

вие движений антиглобализма; низкая общая и компьютерная преступность; доминирование интегрирующей функции Интернета [10].

Включение использования информационно-коммуникативных технологий в школьные и университетские учебные планы в качестве обязательного элемента программы по созданию квалифицированных кадров имеет положительные результаты. Согласно этой программе каждый студент должен быть ознакомлен с существующими карьерными планами и услугами. Цель — профессионально ориентировать учащихся в долгосрочной перспективе. Другая цель состоит в том, чтобы учащиеся могли развивать свои навыки для оценки и выбора тех или иных качественных услуг в Интернете для удовлетворения индивидуальных потребностей в выборе карьерного пути [11, с. 6–9].

Финская биржа труда обеспечивает профессиональное ориентирование граждан в течение всей их жизни, что было закреплено в основных нормативных документах в области образования и рынка труда. Для оценки возможной области трудоустройства кандидата в школах и университетах регулярно проводятся компьютерные тесты, по результатам которых будущий соискатель обретает представление о возможной профессии, максимально совместимой с его навыками и увлечениями [12].

Система обретения молодым человеком своей профессиональной идентичности в *Китае* носит гибридный характер. С одной стороны, Китай, сражаясь за первое место среди экономик мира, заинтересован в воспроизводстве специалистов высокого уровня в сферах промышленности, торговли, науки, и для этого нужны талантливые представители молодежи, готовые к творческой самореализации, т. е. получение навыков профессиональной культуры должно быть связано с профориентацией. С другой стороны, активное противодействие сильным азиатским традициям клановости, nepотизма, коррупции, мешающим эффективному развитию страны, а также большая конкуренция в молодежной среде, вызванная отсутствием перспектив у сельских жителей и наличием огромных возможностей для выпускников вузов, требуют ужесточения профессионального отбора, увеличения сложности вступительных испытаний.

Цифровая революция дала китайскому правительству своевременную возможность

представить революцию в области информационных технологий и реформу образования как важную национальную политику, что отразилось в «Национальной программе по реформе и развитию среднего и высшего образования на период с 2010–2020 гг.». В ней было сказано, что «используя цифровые технологии в сфере образования, Китай сможет обеспечить модернизацию образования, а затем содействовать дальнейшим изменениям и инновациям китайской системы образования, способствуя появлению в будущем высококвалифицированных профессиональных кадров» [13, с. 5–9].

Повсеместной информатизации в основном подверглись высшие учебные заведения Китая, в то время как детские сады и школы оставались верны классическим прикладным методам обучения. Так, китайские эксперты считают, что с 90-х гг. до начала нового тысячелетия строительство системы применения цифровых технологий в образовательном процессе в Китае фокусировалось на создании серии информационных систем управления университетом, таких как система финансового управления и система автоматизации делопроизводства. Несмотря на это, уровень информатизации оставался низким в течение этого периода, так как большее внимание уделялось администрированию и аппаратному обеспечению, а не самой информатизации преподавания [14, с. 10, 11].

С началом 2000-х гг. университеты КНР сосредоточились на модернизации оборудования и настройке автоматизации. Поэтому компьютерная система автоматизации и система управления вступили в эпоху быстрого развития.

Первым шагом к информатизации образования стало появление так называемого цифрового кампуса, главной целью создания которого стала интеграция всех информационных ресурсов университета [15]. Среди задач проекта — построить стандартную платформу цифровой интеграции среди всех университетских отделов для обмена информацией и общения. Таким образом, сотрудничество между различными отделами университета стало более удобным, а административная поддержка обучения — более эффективной. Сегодня большинство университетов в Китае сосредоточено на создании простого виртуального кампуса межсетевого взаимодействия.

Тем не менее, по мнению китайских экспертов, из-за каждодневного появления новых видов информационных технологий и инструментов очень сложно эффективно поддерживать данную систему для удовлетворения социальных потребностей на базе традиционного цифрового кампуса. Таким образом, университеты не поспевают за прогрессом в области цифровых технологий. В настоящее время китайские вузы сталкиваются с проблемой обеспечения адекватного образования в каждой области обучения, а также с проблемой развития у студентов необходимых навыков и знаний для эффективного использования информационных технологий на будущем рабочем месте [16, с. 20–25].

Советский Союз, в силу необходимости подготовки кадров для ускоренной индустриализации, один из первых в мире стал уделять большое внимание вопросам развития профессиональной культуры на государственном уровне.

В 1930-е гг. в СССР динамично развивалась система подготовки кадров и профессионального отбора, построенная на принципах модного в то время психологического учения педологии¹.

Педология, по мнению одного из ее основоположников А. Залкинда, была ориентирована на поиск методов организованного и всестороннего влияния на «человека, который еще не успел приобрести твердые коммунистические инстинкты, заменяющие прежние рефлексy, пригодные для естественно-натуралистической, но не социально-технократической жизни» [17, с. 5]. Однако в рамках педологии, по сути, господствовал формальный подход, система громоздких и малоэффективных тестов была призвана определять не только профессию, но и жизненное предназначение и, следовательно, судьбу человека² без комплексного выявления его личностных социально-культурных особенностей и предпочтений, ориентируясь лишь на фиксацию биологических факторов и имеющихся природных способностей. В 1936 г. постановлением ЦК ВКП (б) «О педологических

извращениях в системе Наркомпросов» педология фактически была запрещена³.

Несмотря на отдельные попытки педагогов-новаторов [таких как А. С. Макаренко (воспитание в коллективе и через коллектив), В. А. Сухомлинский (опора на гуманизм и «радостный труд»), В. Ф. Шаталов (педагогика сотрудничества)] использовать в интересах развития профессиональной культуры школьников индивидуально-дифференцированный подход, предполагающий внимание и учет направленности и творческих возможностей каждой личности, в стране в силу необходимости массовой подготовки рабочих и ИТР господствовала унификация и стандартизация.

В 1970–1980-е гг. благодаря успехам советской психологии в направлении развития в системе образования деятельностного подхода, разрабатываемого отечественными учеными А. Р. Лурией, Л. С. Выготским и Д. Н. Узнадзе, была создана довольно стройная двухуровневая система профессиональной ориентации и подготовки кадров, основанная на разветвленной сети ПТУ (профессионально-технические училища) и УПК (учебно-производственные комбинаты). Те из учеников, кто в силу специфики своих способностей, а иногда и неуспеваемости или личных обстоятельств не желал продолжать обучение в школе после 8-го класса, переходил для овладения рабочими специальностями и средним профессиональным образованием в ПТУ⁴.

В то же время считалось, что каждый выпускник школы должен иметь навыки одной из рабочих или технических профессий для того, чтобы он мог трудоустроиться без дополнительной подготовки, хотя ориентиром для большинства школьников 10-х классов являлось получение высшего институтского образования⁵. Этой цели служила развернутая по всей стране сеть УПК.

³ Политической подоплекой данного решения было то, что результаты тестов часто показывали значительно более высокий уровень потенциальных возможностей у представителей молодежи — выходцев из «бывших», упраздненных в ходе революции сословий и интеллигенции, результаты представителей рабочего класса и крестьянства оказывались значительно скромнее.

⁴ Высшей иерархией в сети профессионального образования выступал техникум, предназначенный для подготовки к самостоятельной деятельности в тяжелой и легкой промышленности специалистов технологического уровня.

⁵ Однако даже после окончания высшего учебного заведения в оплату труда существовал значительный перекоc, зарплата инженера существенно уступала окладу высококвалифицированных рабочих, не окончивших вуз.

¹ Педология (от др. греч. παιδός — ребенок; λόγος — наука) — экспериментальное учение, направленное на дифференцирование учеников в процессе их обучения на основе их отбора по интеллектуальным качествам, ставившее своей целью инициировать ускоренное развитие ребенка в интересах воспитания «нового человека».

² Ученики, не прошедшие жесткого тестирования, считались умственно отсталыми и дефективными.

Первые попытки использовать оцифровку массива информации, связанного с профессиональной ориентацией молодежи, предпринимались именно в рамках развития УПК. Несмотря на серьезные успехи в обучении школьников по всей стране конкретной рабочей профессии (автомеханика, парикмахера, чертежника, радиста и др.) с едиными стандартизированными программами подготовки и почти полный охват ими выпускных классов школы, отбор на конкретные специальности оставлял желать лучшего, практически не учитывались психологические качества, знания и навыки отдельных личностей.

В 1990-е гг. даже эта несовершенная система профотбора оказалась почти полностью разрушена. Навязывание широким массам идей о приоритете материальных ценностей над духовными, превосходстве интеллектуального труда над физическим привели к серьезным перекосам в подготовке кадров. Каждый стремился получить высшее образование, довольно часто — фиктивное, по наиболее перспективным (с точки зрения высокого уровня потребления) профессиям юриста, управленца-менед-

жера, экономиста в ущерб производственным, инженерным и техническим специальностям. Это привело к фактическому расформированию системы профессионально-технических училищ и техникумов.

В условиях современного модернизационного развития *России* эта проблема была осмыслена руководством страны и принят ряд мер с опорой на зарубежный опыт, которые направлены на ликвидацию дисбаланса в профессиональной ориентации молодежи, повышение престижности технических профессий, а также использование новых возможностей для привлечения людей к занятости в сфере зарождающейся в России цифровой экономики.

Таким образом, необходимо отметить, что профессиональная культура играет важнейшую роль в приобщении молодежи к имеющимся традициям и ценностям и дает возможность для формирования новых интеллектуальных и политических элит, способных к управлению процессами дальнейшего совершенствования политической жизни и модернизации экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кант И. Критика способности суждения. Сочинения. Т. 5. М.: Мысль; 1966.
2. Пуфендорф С. фон О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб.: Нестор-История; 2011.
3. Волкер Т. Финская система обучения. Как устроены лучшие школы в мире. М.: Альпина Паблшер; 2018.
4. King J. L., Kenneth L. Kraemer. Evolution and organizational information systems: an assessment of Nolan's stage model. *Communications of the ACM*. 1984;27(5 May):466–475.
5. Roblyer M. D. Getting our Nets Worth. The Role of ISTE's National Educational Technology Standards. *Learning and Leading with Technology*. 2003;30(8):6–13.
6. Kristyn M. Fowkes and Ellen Hawley McWhirter, Evaluation of Computer-Assisted Career Guidance in Middle and Secondary Education Settings: Status, Obstacles, and Suggestions. *Journal of Career Assessment*. 2007;15March:388.
7. Gati I. Computer-Assisted Career Counseling: Dilemmas, Problems, and Possible Solutions. *Journal of Counseling & Development*. 2011;(73):51–56.
8. Nurmela J., Parjo L., Ylitalo M. Miksei Internet yhteyttä kotiin? [Why the homes do not have Internet access?]. URL: http://www.stat.fi/tup/tietoaika/tilaajat/ta_08_02_internet.html.
9. Лайне К. Структура и управление культурной политикой в Финляндии, 1999. URL: www.dvinaland.ru/culture/Publications/ЕoC/ЕoC_19994/04.pdf (дата обращения: 26.09.2018).
10. Скородумова О. Б. Культурная политика Финляндии и ее роль в формировании новой модели информационного общества. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2008_4/Skorodumova.pdf.
11. Offer M. Working with guidance technology, module 2. In National Extension College, Developing adult guidance skills. Cambridge: National Extension College. 2001:6–9.
12. Vuorinen R. Quality of guidance provision in Finnish education, Finland National conference on lifelong guidance entitled Consultation on Quality Standards in Lifelong Career Guidance. Ljubljana. 2012. 19 Sept.

13. Лянг Лин Мей, Люблю Йонг Гуй, Сан, Син Мин. Развитие и исследование последствий использования информационных технологий в сфере высшего образования. *Современные образовательные технологии*. 2012;22(1):5–9.
14. Xu Mian, Wang Jingguang, Current Situation, Problems and Solutions in Higher Education. *The Chinese Journal of ICT in Education*. 2003;(10):10–1
15. Lupu A. R., Bologna R., Sabau G., Muntean M. The Romanian Universities in the Process of Data and Information System Integration, 7th WSEAS Int. Conf. on Artificial Intelligence, Knowledge Engineering and Data Bases (AIKED'08). 2008:527–531.
16. Zhangting Z. China Education Informatization in Past Decade. *China Educational Technology*. 2011;22(1):20–25.
17. Залужный А. С., Фараджев К. В. Аарон Залкинд — Педология: утопия и реальность. М.: Аграф; 2001.

REFERENCES

1. Kant I. Criticism of Judgment. In: Kant I. Works. Vol. 5. Moscow: Thought, 1966. (In Russ.).
2. Pufendorf, S. von. On The Duty of Man and Citizen According to the Natural Law. St. Petersburg: Nestor-History; 2011. (In Russ.).
3. Volker T. the Finnish system of education. How do the best schools in the world? Moscow: Alpina Publisher; 2018. (In Russ.).
4. King J. L., Kenneth L. Kraemer. Evolution and organizational information systems: an assessment of Nolan's stage model. *Communications of the ACM*. 1984;27(5 May):466–475.
5. Roblyer M. D. Getting our Nets Worth. The Role of ISTE's National Educational Technology Standards. *Learning and Leading with Technology*. 2003;30(8):6–13.
6. Kristyn M. Fowkes and Ellen Hawley McWhirter. Evaluation of Computer-Assisted Career Guidance in Middle and Secondary Education Settings: Status, Obstacles, and Suggestions. *Journal of Career Assessment*. 2007;(15 March):388.
7. Gati I. Computer-Assisted Career Counseling: Dilemmas, Problems, and Possible Solutions. *Journal of Counseling & Development*. 2011;(73):51–56.
8. Nurmela J., Parjo L., Ylitalo M. Miksei Internet yhteyttä kotiin? [Why the homes do not have Internet access?]. URL: http://www.stat.fi/tup/tietoaika/tilaajat/ta_08_02_internet.html.
9. Line K. Structure and management of cultural policy in Finland. 1999. URL: www.dvinaland.ru/culture/Publications/EoC/EoC_19994/04.pdf (accessed 26.09.2018). (In Russ.).
10. Skorodumova O. B. Finland's Cultural policy and its role in the formation of a new model of the information society. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2008_4/Skorodumova.pdf (In Russ.).
11. Offer M. Working with guidance technology, module 2. In: National Extension College, Developing adult guidance skills. Cambridge: National Extension College; 2001:6–9.
12. Vuorinen R. Quality of guidance provision in Finnish education. Finland National conference on lifelong guidance entitled Consultation on Quality Standards in Lifelong Career Guidance. Ljubljana. 2012, 19 Sept.
13. Lyang Lin Mei, Jong Gui, San Sin Min. Development and study of the consequences of the use of information technologies in higher education. *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii*. 2012;22(1):5–9. (In Russ.).
14. Xu Mian, Wang Jingguang, Current Situation, Problems and Solutions in Higher Education. *The Chinese Journal of ICT in Education*. 2003;(10):10–1.
15. Lupu A. R., Bologna R., Sabau G., Muntean M. The Romanian Universities in the Process of Data and Information System Integration. In: 7th WSEAS Int. Conf. on Artificial Intelligence, Knowledge Engineering and Data Bases (AIKED'08); 2008:527–531.
16. Zhangting Z. China Education Informatization in Past Decade. *China Educational Technology*. 2011;22(1):20–25.
17. Zaluzhnyi A. S., Faradzhev K. V. Aaron Zalkind — Pedology: utopia and reality. Moscow: Agraf; 2001. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-32-37

УДК 32.019.5(045)

«МЯГКИЕ» ТЕХНОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В 2000–2010-Е ГОДЫ*

Шатилов Александр Борисович,

канд. полит. наук, профессор,

декан факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

ashatilov@fa.ru

Аннотация. Молодое поколение традиционно является «взрывоопасным» с точки зрения протестной и даже экстремистской активности. При этом для нейтрализации такого рода деструктивных настроений в среде молодежи требуется целый комплекс мер, который включает в себя не только использование силовых и административных рычагов, но и софт-технологий воздействия. В статье рассматривается динамика «мягких» практик, использовавшихся и используемых правящим политическим режимом в плане профилактической работы с поколениями Y и Z, также анализируется эффективность и креативность таких практик. Одновременно ставится проблема активизации идейно-мировоззренческой работы с российской молодежью, особенно в плане восстановления ее взаимопонимания со старшим поколением.

Ключевые слова: радикализм; экстремизм; молодежь; власть; софт-технологии; «мягкая сила»; профилактика; молодежная политика

“SOFT” TECHNOLOGIES OF THE RUSSIAN AUTHORITIES IN THE PREVENTION AND NEUTRALIZATION OF EXTREMIST MANIFESTATIONS IN THE YOUTH ENVIRONMENT IN 2000–2010 YEARS*

Aleksandr B. Shatilov,

Cand. Sci. (Politics), Professor, Dean of the Faculty of Sociology and Political Science,

Financial University, Moscow, Russia

ashatilov@fa.ru

Abstract. The generation of young people is traditionally “explosive” regarding protest and even extremist activity. At the same time, to neutralise this kind of destructive mood among young people, a whole range of measures is required, which includes not only the use of power and administrative levers but also soft technologies of influence. The article deals with the dynamics of “soft” practices used, and until now using, by the ruling political regime regarding preventive work with generations Y and Z. The author also analysed the effectiveness and creativity of such practices. At the same time, the author posed a problem of activation of ideological work with the Russian youth, especially regarding restoring its understanding with the older generation.

Keywords: radicalism; extremism; youth; power; soft technologies; soft power; prevention; youth policy

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared according to the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

Приход к власти В. В. Путина в 2000 г. сначала не внес какие-либо существенные изменения в молодежную политику, которая в «лихие 90-е» характеризовалась инертностью и даже индифферентностью по отношению к молодому поколению. На первом этапе новый президент и его команда основное внимание уделили более насущным и оперативным вопросам — обеспечению территориальной целостности страны, политической стабилизации, равноудалению олигархов, зачистке оргпреступности, борьбе с терроризмом и пр. Молодое поколение по-прежнему было предоставлено само себе. Хотя определенные импульсы в ее отношении у власти уже появлялись. В частности, такого рода месседжи были посланы через культовый фильм тех лет «Брат-2»: патриотизм, правда, суверенитет.

Рубежным, с точки зрения активизации власти на молодежном направлении, стал 2002 г. 9 июня 2002 г. произошли масштабные беспорядки на Манежной площади, формально связанные с поражением российской сборной по футболу от сборной Японии на чемпионате мира. Российские болельщики (преимущественно молодежь), наблюдавшие за поединком на широкоформатном экране у стен Кремля, после матча устроили погромы и столкновения, с которыми несколько часов не могли справиться даже спецподразделения милиции, прямо в центре столицы. В результате беспорядков пострадали несколько десятков человек, 1 юноша был убит. Огромный ущерб был нанесен окружающей инфраструктуре, оказались сожжены десятки автомобилей. Такой всплеск насилия и иррациональной деструкции заставил власть вплотную заняться молодежной политикой, используя как силовые, так и профилактические меры воздействия на молодежную среду.

Так, в качестве «кнута» выступил закон о борьбе с экстремизмом, принятый Госдумой фактически сразу по итогам вышеуказанных беспорядков. Он ужесточал наказание за такого рода преступления, позволял приостановить или прекратить деятельность политических и общественных организаций, признанных экстремистскими, предусматривал ответственность за размещение «подрывных» материалов в СМИ и сети Интернет. Также закон заявлял начало активной профилактической работы на данном направлении, в частности регламентировал такие превентивные меры, как предостережение

и предупреждение о недопустимости экстремистской деятельности для организаций и частных лиц. Также предусматривались кадровые санкции в отношении лиц, уличенных в противоправной экстремистской деятельности. В частности, отныне им можно было ограничивать «доступ к государственной и муниципальной службе, военной службе по контракту и службе в правоохранительных органах, а также к работе в образовательных учреждениях и занятию частной детективной и охранной деятельностью»¹.

Однако было ясно, что чисто силовыми и карательными мерами решить проблему молодежного экстремизма невозможно. Соответственно, на уровне администрации президента Российской Федерации было принято решение о начале системной и масштабной работы с молодежью с целью ее активного вовлечения в политическую и общественную жизнь под эгидой государства. Руководство этой работой было возложено на заместителя руководителя администрации президента В. Ю. Суркова и его команду политтехнологов. Форсирование молодежной политики также было связано с чередой цветных революций, которые прокатились по постсоветским странам в первой половине «нулевых» («бульдозерная революция» в Югославии в 2000 г., «революция роз» в Грузии в 2003 г., «оранжевая революция» на Украине в 2004–2005 гг.). В этих событиях, связанных с насильственным свержением законной власти, самое активное участие приняла молодежь, прежде всего, студенческая, и не было никакой гарантии, что подобные события Запад не иницирует также и в России.

Соответственно, власть предпринимает следующие инициативы в плане реализации эффективной молодежной политики:

1. Создаются массовые молодежные движения, ориентированные на сотрудничество с властью и участие в ее масштабных политических и социальных проектах («Наши», «Местные», «Молодая гвардия» и др.).
2. Происходит целенаправленная селекция и политическое рекрутирование молодежных лидеров, в том числе по линии неофициальных структур (например, Высшей школы управления).
3. Начинается регулярное проведение молодежных летних форумов с насыщенной и креативной повесткой дня («Селигер»).

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Ст. 15.

4. Поощряются различные формы студенческого самоуправления в вузах и колледжах.

5. В условиях идеологического плюрализма предпринимаются попытки сформулировать для молодежи базовые мировоззренческие ценности, ориентированные на возрождение России в качестве мощной, современной и инновационной великой державы.

6. В СМИ начинается активное обсуждение насущных проблем молодежи, а также ее перспектив как «нового поколения российских лидеров».

Такая масштабная и интенсивная работа с молодежью требовала от власти серьезных финансовых, информационных и организационных затрат. Кроме того, «наверху» существовали определенные опасения относительно дальнейшего политического поведения молодежных активистов, которые зачастую были довольно амбициозны и радикальны в своей деятельности. Поэтому, как только позволила ситуация, молодежная политика была перестроена и переведена на более системные рельсы. В частности, к завершению второго президентского срока В.В. Путина стало ясно, что внешним силам не удастся дестабилизировать ситуацию в России. Это дало возможность снизить охлократическую составляющую в молодежном движении, в то же время удержав ее в лояльном поле.

Первым делом была образована профильная административная инфраструктура для реализации молодежной политики. Сперва в 2007 г. был создан Государственный комитет Российской Федерации по делам молодежи, который возглавил представитель команды В. Суркова В. Якеменко, а в мае 2008 г. ГК был преобразован в Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь) во главе с С. Белоконевым. При этом нужно отметить, что статус Агентства регулярно повышался. Сперва оно функционировало в составе Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ, затем — под эгидой Минобрнауки, а в мае 2018 г. было передано в непосредственное подчинение Правительства Российской Федерации.

Одновременно принимается ряд нормативных документов, посвященных выстраиванию эффективной молодежной политики. В частности, в этом плане необходимо отметить «Основы государственной молодежной политики до 2025 года» (распоряжение Правительства России от 29.11.2014 № 2 403-р).

Ключевыми целями государственной молодежной политики были определены: совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития РФ, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны. Для их достижения планировалось реализовать шесть групп задач:

- формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы государства;
- развитие просветительской работы с молодежью, инновационных образовательных и воспитательных технологий, а также создание условий для самообразования молодежи;
- формирование ценностей здорового образа жизни, создание условий для физического развития молодежи, формирование экологической культуры, повышение уровня культуры безопасности жизнедеятельности молодежи;
- создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, а также внедрение технологии социального лифта (как способа изменения социального статуса);
- создание благоприятных условий для молодых семей, направленных на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи, всестороннюю поддержку молодых семей;
- формирование информационного поля, благоприятного для развития молодежи, интенсификация механизмов обратной связи между госструктурами, общественными объединениями и молодежью, повышение эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах патриотического и гражданского воспитания молодежи (<http://www.garant.ru/news/587972>).

В целом же работа с молодежью после 2008 г. становится более целенаправленной, точечной и профильной.

Прежде всего, это касается молодежных лидеров, которых теперь стали рекрутировать и продвигать не по принципу харизматичности, а по принципу знаний и эффективности. Безусловно, от них требовались навыки работы с массами, но все-таки основной упор делался на рациональных деловых качествах.

С этой целью по линии Президента и Правительства РФ стали создаваться кадровые резервы. С одной стороны, они были необходимы как подпитка для действующей элиты, с другой — создание таких резервов позволяло снизить накал противостояния между различными поколениями управленцев и бизнесменов. В этом плане нужно отметить федеральную программу «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 гг.)» (<https://rg.ru/2009/03/13/programma-dok.html>), утвержденную Указом Д. А. Медведева в марте 2009 г. В рамках этой программы особое место отводилось созданию федерального кадрового резерва и кадрового резерва субъектов РФ.

Однако ключевым моментом изменения отношения к понятию «кадровый резерв» следует назвать совещание Президента Российской Федерации с полномочными представителями Президента в федеральных округах 23 июля 2008 г. На повестку дня был вынесен вопрос о необходимости пересмотра подходов к кадровой политике, созданию целостной системы воспроизводства и обновления профессиональной элиты в стране². Примечательно, что вопрос о необходимости модернизации кадровой политики был поставлен Д. А. Медведевым одним из первых после избрания его на пост президента. Правительству Российской Федерации, администрации Президента, Общественной Палате было поручено обеспечить разработку и внедрение Программы подготовки резерва управленческих кадров. В августе 2008 г. была создана специальная Комиссия при Президенте по формированию и подготовке резерва управленческих кадров.

Особое место в системе резерва управленческих кадров на государственной гражданской службе занимает федеральный резерв управленческих кадров — группа высокопрофессиональных руководителей и специалистов, специально сформированная на основе индивидуального отбора и комплексной оценки по профессиональным и личностным качествам, рекомендованных в установленном порядке, либо на основе самовыдвижения, готовых за-

нять должности высшей, главной или ведущей групп в органах государственной гражданской службы федерального или регионального уровня (<http://gosszluzhba.gov.ru/rezerv>).

Для отбора в кадровый резерв на федеральном уровне была создана комиссия по формированию и работе с резервом управленческих кадров во главе с С. Е. Нарышкиным. Аналогичные комиссии были созданы и в регионах, где ими руководили главы субъектов РФ.

Процедура подачи заявки на вхождение в резерв была открытой: каждый мог заполнить анкету, а затем пройти тестирование и собеседование. Однако решение о зачислении в резерв принимала комиссия соответствующего уровня. Таким образом, процесс формирования резерва кадров сочетал открытый доступ к конкурсному отбору с закрытым подведением его итогов. Критерии отбора кандидатов для всех уровней резерва были едиными: возраст от 25 до 50 лет, высшее образование, опыт работы, высокая компетенция, положительная репутация, успешность, способности к управлению и стратегическому мышлению» (<http://gosszluzhba.gov.ru/Rezerv>).

Федеральный резерв управленческих кадров состоит из трех уровней: высший уровень резерва — это руководящий состав государственных органов федерального и регионального уровней, а также государственных корпораций и организаций, возраст резервистов до 50 лет; базовый уровень резерва — руководители среднего уровня государственных органов, государственных корпораций и организаций, возрастом до 45 лет; и перспективный уровень резерва — это государственные гражданские служащие, а также сотрудники государственных корпораций и организаций в возрасте до 35 лет. По состоянию на июль 2015 г. данный резерв включал 4601 человека.

С целью взрастить себе профессиональную и эффективную смену власти пошли даже на определенный риск. В частности, было принято решение регулярно направлять на зарубежные стажировки (прежде всего, в развитые страны Запада) представителей кадрового резерва с целью заимствования современных управленческих навыков и технологий. Кстати, примерно в это же время была запущена и специальная масштабная программа зарубежных стажировок для наиболее продвинутых и сильных студентов ведущих российских вузов. В соот-

² Вступительное слово Президента Российской Федерации на совещании по вопросам формирования резерва управленческих кадров, 23 июля 2008 г., Московская область, Горки. Официальный сайт Президента России (<http://www.kremlin.ru>).

ветствии с ней предполагалось, что не менее 20 тыс. человек будут отправлены за границу на включенное обучение (<http://www.stoletie.ru/print.php?ID=119873>). У проекта зарубежной «обкатки» кадрового резерва России были свои резоны: действительно, с учетом определенной отсталости нашей страны в области инноваций, IT-технологий, управленческих методик XXI в. требовалось заимствовать зарубежный опыт и творчески использовать его в процессе социально-экономической модернизации Российской Федерации. Тем не менее у данного проекта была и оборотная сторона. Во-первых, в определенной степени он способствовал «утечке мозгов» на Запад, во-вторых, был ориентирован на формальную подготовку кадрового резерва без учета отечественной национальной специфики.

Как бы то ни было, но за счет вышеуказанной работы руководству России удалось перетянуть на свою сторону наиболее перспективные и сильные молодые кадры, а также снять проблему поколенческого противостояния. Однако проблема борьбы с экстремизмом и радикализмом в молодежной среде все равно осталась. В этом плане примечательным явилось активное вовлечение молодежи в несанкционированные протестные акции (фактически массовые беспорядки) на Манежной площади 11 декабря 2011 г. под националистическими лозунгами, а также в «белоленточные» протесты 2011–2012 гг. Соответственно, потребовалось возобновление низкоуровневой работы с молодыми людьми 18–30 лет. При этом, по сравнению с периодом 2000–2008 гг., она велась более точно и менее политизировано. В условиях форсированной модернизации и внутриэлитного консенсуса власть не была заинтересована в нагнетании напряженности в обществе, поэтому ее не устраивала даже патриотическая радикализация молодежного движения. Соответственно, постепенно сворачивается или выхолащивается деятельность таких популистских организаций, как «Наши», «Местные», «Россия молодая», и, напротив, активно поддерживаются официальные и системные проекты, вроде «Молодой Гвардии Единой России». Более того, в последние годы именно партия власти становится своеобразным социальным лифтом. На партийную службу в «Единую Россию» приходят победители «Кадрового резерва» и активисты «Молодой Гвардии». Целью партии власти провозглашается систематическая работа

с молодым поколением, формирование молодой смены активных граждан, разделяющих идеологию партии. «Единая Россия» пыталась также заниматься созданием партшкол, полагая, что «стандарты политического образования должна создавать сама партия» (http://actualcomment.ru/er_nachinaet_diskussiyu_po_partshkolam.html).

Кстати, ЕР, наряду с Президентом и Правительством Российской Федерации, с 2009–2010 гг. стала принимать активное участие в формировании кадрового управленческого резерва. В частности, весьма важным оказался ее федеральный проект «Кадровый резерв — профессиональная команда страны», ставящий своей стратегической целью поиск, формирование и эффективное использование кадрового резерва для нужд государственной и муниципальной службы, партийного строительства, приоритетных сфер экономики Российской Федерации. В рамках проекта по всей России отбирались наиболее талантливые и перспективные кадры для привлечения их к партийной деятельности. Причем этот проект затронул не только столицу, но и многие региональные центры России: Брянск, Липецк, Иркутск, Ярославль, Башкортостан, Самару и многие другие. А в 2016 г. была запущена программа по рекрутированию кадрового резерва ЕР в Крыму.

В 2009–2018 гг. реформируется также проект создания молодежных образовательных и коммуникативных площадок. Так, постепенно прекращает свою деятельность излишне охлократический форум «Селигер», на смену ему приходят менее политизированные и технологические проекты: форум «Территория смыслов» на Клязьме, «Таврида» в Крыму, «Балтийский Артек» на побережье Балтийского моря, «Итуруп» на Дальнем Востоке, Северо-Кавказский молодежный форум «Машук» и др. Таким образом, происходит децентрализация молодежных форумов, что, по мысли руководства страны, должно было способствовать лучшему отбору кадров, большему охвату российской молодежи и, соответственно, более эффективной работе социальных лифтов.

Из других успешных «софт-практик» по профилактике молодежного экстремизма в 2000-е гг. можно отметить развитие молодежного предпринимательства. Как известно, бедность и безработица являются основной питательной средой для развития радикальных идей, поэтому как власть, так и отчасти крупный и средний

бизнес с 2011–2012 гг. начинают реализацию целого ряда молодежных предпринимательских инициатив и стартапов. Прежде всего, стоит отметить создание в 2011 г. Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ) во главе с молодым бизнесменом А. С. Никитиным (ныне губернатор Новгородской области). Оно выполняло три основные функции. Во-первых, привлекало к сотрудничеству и предоставляло финансирование перспективным молодежным бизнес-проектам; во-вторых, отбирало эффективных менеджеров и «обкатывало» их в структурах АСИ; в-третьих, разрабатывало инновационные инициативы для федерального и регионального уровня. Несколько позже появляются другие структуры, ориентированные на поощрение и раскрутку лучших молодежных бизнес-проектов. Например, в 2015 г. возникло молодежное движение по развитию бизнес-патриотизма «Сила».

Еще одним каналом удержания молодежных активистов в русле провластной повестки дня стали молодежные парламенты. В принципе первые из них стали возникать в субъектах РФ еще в конце 1990-х гг., а в 2001 г. появляется Общественная молодежная палата (ОМП) при Госдуме РФ. Однако без должного организационного, интеллектуального и финансового «окормления» они долго были эфемерными, маловлиятельными и бесперспективными структурами, в работе которых молодежь участвовала очень неохотно. Ситуация меняется в 2011 г., когда федеральная ОМП преобразуется в Молодежный парламент при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Молодые парламентарии развернули достаточно активную деятельность в столице и регионах по мобилизации молодежных лидеров, в основном из студенческой среды. Одновременно путем вовлечения активистов в провластные проекты они выводились из сферы влияния оппозиции, в том числе радикальной.

В последние годы (2013–2018 гг.) весьма удачной находкой власти в плане организации общественно полезной работы молодежи стало волонтерское движение. Особенно активно и массово волонтеры были задействованы при подготовке к зимней Олимпиаде в Сочи 2014 г., к Всемирному фестивалю молодежи и студентов 2017 г., чемпионату мира по футболу 2018 г. Волонтерство, с одной стороны, позволяло направить молодежную активность в системное

русло, а с другой — вызвать у молодых людей чувство сопричастности по отношению к важным государственным проектам.

В условиях дефицита финансовых ресурсов государственная власть также изыскала средства на поощрение студентов, наиболее успешных в плане учебы и общественной деятельности, за счет так называемой повышенной стипендии, которая, с одной стороны, спровоцировала здоровую конкуренцию в студенческой среде, а с другой — позволила косвенно «подкупить» наиболее активную часть студенчества, не дав ей уйти в поисках лучшей доли к оппонентам власти.

Тем не менее до сих пор остаются серьезные проблемы по линии идейно-мировоззренческой работы с молодежью.

1. Так, практически не дают никакой отдачи рутинные мероприятия по пропаганде толерантности и общественного согласия. Чаще всего они проводятся для галочки и редко сопровождаются интересным и познавательным контентом.

2. Средства массовой информации также весьма поверхностно, нетворчески и конъюнктурно освещают данную тему. Причем это касается как провластных, так и оппозиционных ресурсов.

3. Практически отсутствуют сильные агитационно-пропагандистские кадры, которые могут эффективно работать с молодежью в соцсетях, а также во внеаудиторной среде в вузах. И это при том, что молодые люди от 18 до 30 практически не смотрят ТВ, а черпают информацию, а значит, и основы мировоззрения, из сети Интернет.

4. Как показала практика 2000-х гг., сплочение молодежи вокруг власти происходит в том случае, когда руководство страны демонстрирует позитивный «экшн» и решительность во внутренней или внешней политике. Так было, например, в 2008 г. во время грузино-осетинской войны, так было и в период реинтеграции Крыма в 2014 г. Одновременно молодое поколение с большим энтузиазмом восприняло проведение в России зимней Олимпиады, Всемирного фестиваля молодежи и студентов, чемпионат мира по футболу. В то же время, как только ситуация становится более рутинной и консервативной, в молодежной среде (особенно студенческой) начинается фрондирование и политическое брожение. Это обстоятельство также стоит учитывать власти в ее работе по профилактике экстремистских и радикальных настроений среди молодежи.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-38-43

УДК 32.019.5(045)

ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛЬНЫМ И ЭКСТРЕМИСТСКИМ НАСТРОЕНИЯМ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ*

Осинина Дарья Дмитриевна,

магистрант 2-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
 daria_osinina@mail.ru

Аннотация. Сегодня все более актуальной становится проблема экстремизма и радикализма в обществе. Практика показывает, что ужесточение системы наказаний не ведет к снижению уровня преступлений экстремистского характера. В своей статье автор для противодействия радикальным и экстремистским настроениям в студенческой среде предлагает проводить работу с целью воздействия на ценностно-мировоззренческие установки молодежи, которые оказывают непосредственное влияние на восприятие молодыми людьми окружающей действительности. Исследование показало, насколько важна объединяющая идея и необходима причастность молодежи к какой-либо общности. Молодежь, разделяющая патриотические настроения, проходит через процесс социальной идентификации, который состоит в осознании того, что собственное благополучие и благополучие группы связаны между собой. Более того, уверенность молодежи в завтрашнем дне, осознание своего будущего сказывается на восприятии политической действительности и деятельности руководства страны. В контексте вышесказанного можно сделать вывод о том, что государству важно работать над формированием и продвижением патриотических проектов в студенческой среде, так как в условиях идейного вакуума активнее проявляются различные экстремистские идеологии и течения.

Ключевые слова: ценностно-мировоззренческие установки; молодежь; противодействие радикальным и экстремистским настроениям

THE VALUE SYSTEM AND IDEOLOGICAL ATTITUDES OF THE YOUTH AS A BASIS FOR COUNTERING RADICAL AND EXTREMIST SENTIMENTS IN THE STUDENTS' ENVIRONMENT**

Osinina D.D.,

2-year student of the Faculty of Sociology and Political Science,
 group PEOG 2-1m, Financial University, Moscow, Russia
 daria_osinina@mail.ru

Abstract. Today, the problem of extremism and radicalism in society becomes increasingly relevant. The practice shows that toughening of the system of punishments does not lead to a decrease in the level of extremist crimes. In the article, in order to counteract radical and extremist sentiments in the student environment, the author offers implementation of the value system and ideological attitudes of youth, which have a direct impact on the perception by youth people of the surrounding reality. The study showed how important is the existence of the unifying idea

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared according to the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

and the need for a youth's involvement in any community. Young people who share patriotic sentiments go through a process of social identification, which consists of the awareness that their own well-being and the well-being of the group are linked. Moreover, the confidence of young people in the future, and awareness of their future affects the perception of political reality and the activities of the country leaders. In the context of the above, the author concluded it is important for the state to work on the formation and promotion of patriotic projects among students because various extremist ideologies and trends are more actively manifested in the conditions of the ideological vacuum.

Keywords: *value system and ideological attitudes; youth; opposition to radical and extremist sentiments*

В современном мире остро стоит проблема распространения радикальных и экстремистских настроений в обществе. Растет уровень преступности экстремистского характера, несмотря на ужесточение системы наказаний. В частности, в России по статье о публичных призывах к экстремизму сумма штрафа в 2014 г. выросла со 100 до 300 тыс. руб., а мера наказания в виде лишения свободы увеличена с 3 до 4 лет (<https://lenta.ru/news/2014/02/04/extreme/>). Тем не менее в 2017 г. количество преступлений подобного рода выросло на 5%, было выявлено около 1000 экстремистов и пресечено 1500 преступлений экстремистского характера (<https://ria.ru/society/20180228/1515443344.html>). Обращаясь к причинам и факторам, подвигающим людей на восприятие и демонстрацию радикальных и экстремистских настроений, можно отметить, что варьируются они в пределах от социально-экономических до политических. Однако существенную роль в следовании или, наоборот, отклонении человека от установленных норм поведения играет принятая им и усвоенная в процессе первичной социализации система ценностей, демонстрирующая то, насколько индивидуальные ценностные ориентации репрезентируют надывдивидуальные (общественные) ценности. Таким образом, именно через призму ценностно-мировоззренческих установок люди воспринимают действительность и реагируют на нее.

Вышесказанное свидетельствует о серьезности проблемы распространения радикальных и экстремистских настроений в обществе, где самой незащищенной и подверженной влиянию социальной группой является молодежь, мировоззрение которой до конца не сформировано.

С целью предупреждения и противодействия радикальным и экстремистским настроениям

в студенческой среде было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 300 респондентов, а также 7 экспертов. География исследования — 10 городов, являющихся центрами притяжения студенческой молодежи из соседних регионов, а именно: Москва, Санкт-Петербург, Казань, Самара, Пермь, Уфа, Ставрополь, Тюмень, Новосибирск, Краснодар. Об уровне концентрации студенческой молодежи в данных городах свидетельствует количество бакалавров, магистров и специалистов согласно информации, предоставленной Федеральной службой государственной статистики¹. Для исследования была применена стихийная выборка. Возраст респондентов — 18–29 лет.

Обращаясь к понятийно-категориальному аппарату, отметим, что под экстремизмом, в широком смысле, понимается «приверженность к крайним взглядам и методам действий» [1], а под радикализмом — «политические идеи и действия, нацеленные на коренное изменение существующих социальных и политических институтов» [2].

Результаты исследования показали следующее. Во-первых, была выявлена закономерность: «патриотизм — позитивное восприятие происходящих в стране перемен». Категория «патриотизм» была выбрана не случайно, она выступает сегодня в роли национальной идеи. Патриотизм, будучи нравственным принципом, выражающимся в любви к Родине, привязанности к ней, особом отношении к ее интересам, их приоритетности над своими собственными, позволяет индивиду, разделяющему его, удовлетворить потребность в принадлежности к какой-либо общности и любви (третий уровень потребностей в пирамиде А. Маслоу).

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели, 2017. 5.27. Выпуск бакалавров, магистров, специалистов. Федеральная служба государственной статистики.

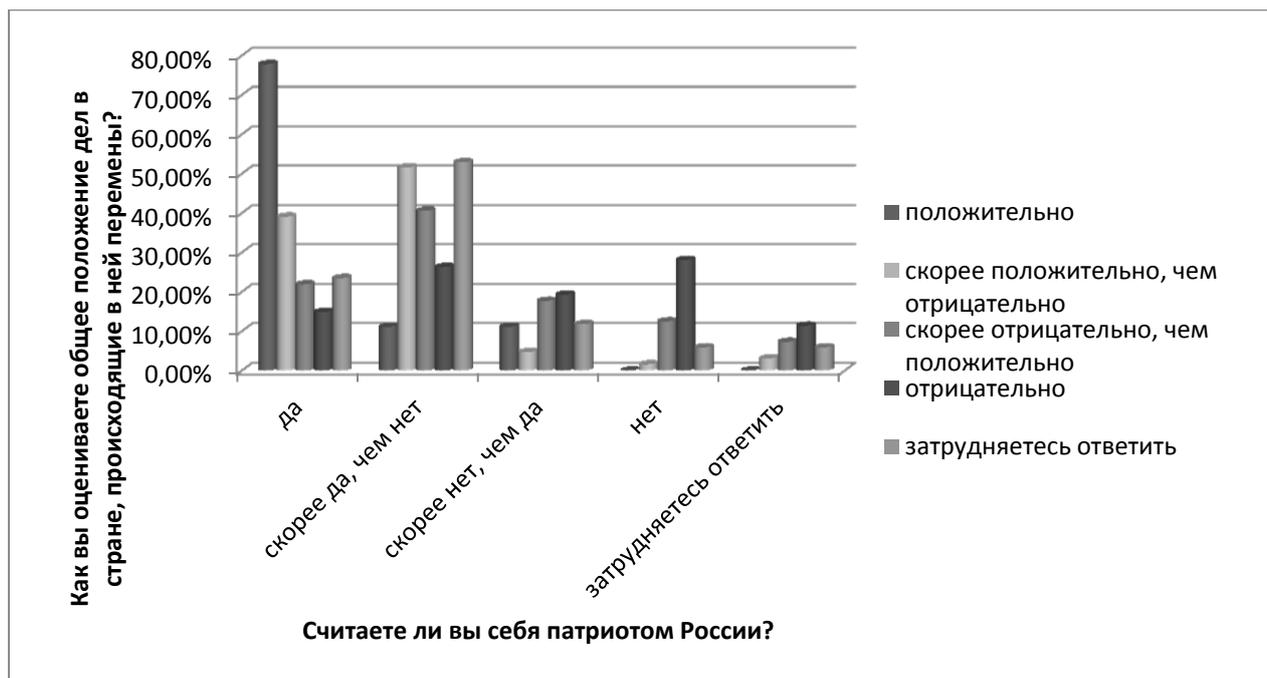

Рис. 1. Сопряженность «патриотизм – оценка ситуации в стране»*

* Диаграмма построена на основе таблицы сопряженности, сформированной в SPSS.

Разумеется, далеко не все индивиды испытывают потребность в сопричастности к чему-то или любви, соответственно, воспитание потребностей — одна из центральных задач формирования личности.

В ходе опроса было выявлено, что 62% респондентов считают себя патриотами России.

Итак, среди тех, кто положительно оценивает происходящие в стране перемены, 77,8% позиционируют себя как патриоты, из тех, кто «скорее положительно, чем отрицательно» оценивает происходящие в стране перемены, патриотами считают себя 39,1%. В то же самое время среди тех, кто не считает себя патриотами, общее положение дел в стране, а также происходящие в ней перемены 28,1% оценивают «отрицательно», 12,5% — «скорее отрицательно, чем положительно» (рис. 1).

Во-вторых, была выявлена закономерность «патриотизм — уверенность в реализации своих планов и стремлений». Через свое отношение к отечеству, отождествление себя с социальной группой «патриоты» молодежь демонстрирует свою социальную идентичность, т.е. то, насколько в системе ценностей молодого человека собственное благополучие и благополучие страны связаны между собой. Особую значимость процесс социальной идентификации имеет еще и потому, что он заключается

не просто в осознании принадлежности к социальной группе, но и в признании ценности этой принадлежности» [3].

Уверенность в реализации своих планов и стремлений — это важный индикатор социальной ориентации молодежи, под которой понимается осознание индивидом своего положения в системе социальных отношений как частицы класса, слоя, группы и т.п. [4]. Молодому человеку необходимо представлять себе образ будущего, а также свое место в нем. Это задает ему некий жизненный ориентир с целями и задачами. Образ будущего дает молодежи представление — ради чего жить, что делать и к чему стремиться. Чем четче это представление, тем яснее молодой человек видит свои перспективы и возможности. Задача государства — дать этот образ будущего молодым людям, сформировать условия для его реализации, связать будущее страны и будущее каждого отдельного человека посредством общей идеи. Подобная схема способствует выработке позитивной модели поведения молодого человека, его гармоничной социализации. В противном случае, при отсутствии образа будущего, молодое поколение начинает искать альтернативные способы и источники реализации своих амбиций, приложения энергии.

Так, анализ закономерности «патриотизм — уверенность в реализации своих пла-

Рис. 2. Сопряженность «патриотизм – уверенность в реализации своих планов и стремлений»

нов и стремлений» показал, что среди тех, кто «совершенно уверен в реализации своих планов и стремлений», 41,2% респондентов считают себя патриотами, еще 31,4% — «скорее патриотами, чем нет», и только 15,7% не отождествляют себя с патриотами. И, наоборот, среди тех, кто «совершенно не уверен в реализации своих планов и стремлений», 31% не считают себя патриотами, 20,7% «скорее не отождествляют себя с патриотами» (рис. 2).

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что уверенность в своих силах выше у тех молодых людей, кто ассоциирует себя со своим отечеством, у кого с ним связаны планы и идеи на будущее.

В-третьих, патриотическое отношение к родине, культуре и истории своего государства содействует формированию персональных фреймов (мотивов и ценностей) у молодежи, содействующих поддержанию социального порядка, позитивной социальной активности. Так, исследование выявило закономерность между категориями «патриотизм» и «личностный протестный потенциал». Среди тех, кто «скорее всего не примет участие в массовых акциях протеста», 77% считают себя патриотами. В то же самое время, среди тех, кто «скорее всего примет участие в массовых акциях протеста», 40% «скорее не считают себя патриотами, чем считают», еще 47,8% «не отождествляют себя

с патриотами», 21,7% — затрудняются ответить на вопрос (рис. 3).

В-четвертых, опрос показал понимание молодежи патриотизма как социального явления. На вопрос: «что, по вашему мнению, включает в себя понятие „патриот России“?» 40,3% респондентов ответили «гордость за великие достижения страны», 23% — «исполнение обязанностей гражданина, соблюдение законов государства». Однако только 2,3% опрошенной студенческой молодежи отождествляют понятие «патриот России» с «активной борьбой с угрозами, разрушающими страну изнутри». Указанные цифры свидетельствуют о невысоком уровне национально-государственной идентичности [3], для которой характерно не просто политическое сообщество, поддерживаемое этническими основаниями, а «сообщество, построенное на связях и интересах более значимых — территориальных, политических и экономических» [5].

В-пятых, учитывая, что под радикализмом в исследовании понимаются «политические идеи и действия, нацеленные на коренное изменение существующих социальных и политических институтов», респондентам с целью анализа их политических ценностей предлагалось выразить свое отношение к институту выборов как к главному инструменту народного волеизъявления, а также отношение к протестным акциям.

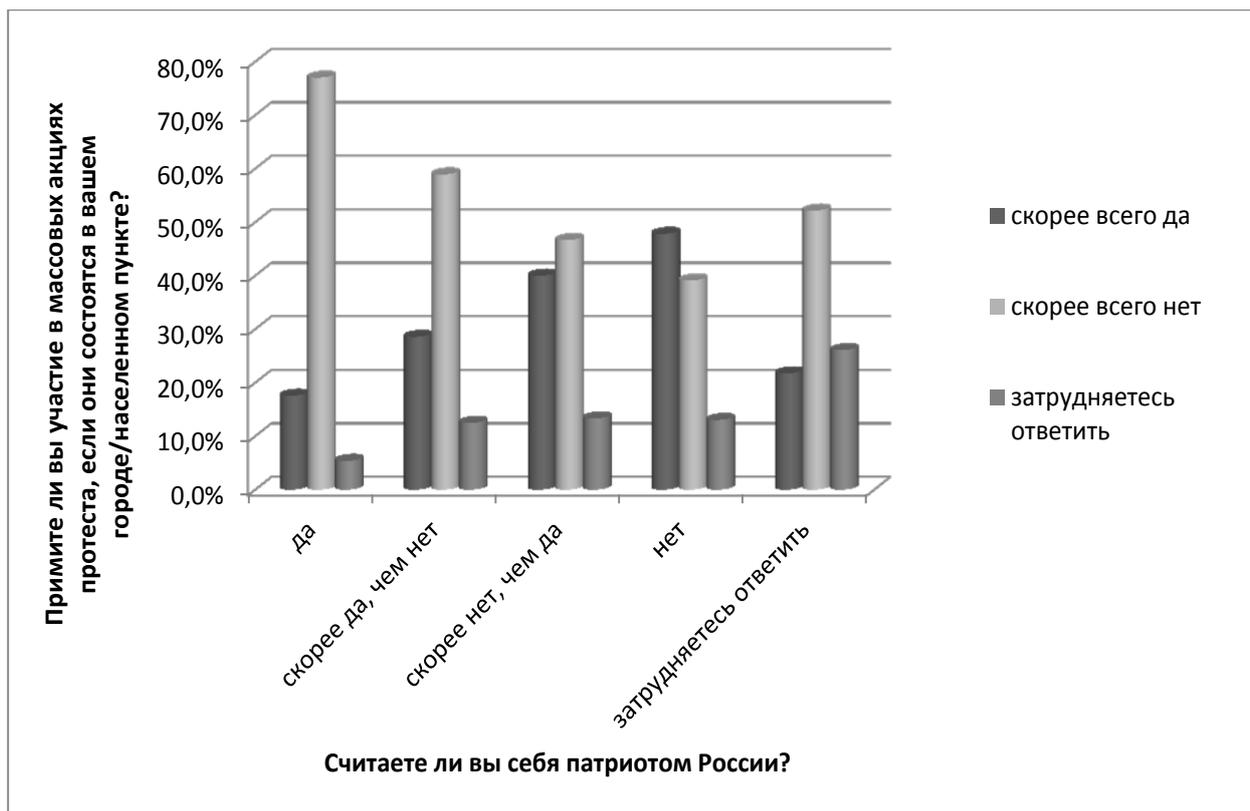

Рис. 3. Сопряженность «патриотизм – личный протестный потенциал»

Так, положительно к институту выборов относятся более 49%, из них 21% опрошенных всегда принимают участие в выборах, никогда не пропуская их, а 28% стараются принимать участие. В то же самое время 29% опрошенных никогда не принимают участие в выборах. В этом контексте интересно посмотреть, насколько удовлетворены молодые люди результатами выборов, так как их неудовлетворенность может являться ключевым фактором негативного отношения к институту выборов в целом. В качестве примера были взяты прошедшие в марте 2018 г. президентские выборы. Респондентам был задан вопрос: «удовлетворены ли вы тем, как прошли президентские выборы 18 марта 2018 г.?», на который 15% ответили, что полностью удовлетворены, 18,67% — «скорее удовлетворены», а 42% — «совершенно не удовлетворены». Дабы понять, насколько повлияла удовлетворенность прошедшими выборами на желание участвовать в следующих, респондентам был задан уточняющий вопрос: «примете ли вы участие в следующих выборах президента?» Лишь 31% ответили, что точно примут участие в следующих выборах президента, еще 26% — «скорее всего примут». Но показательна другая цифра: 35%

опрошенных пока не определились или затрудняются ответить, будут ли принимать участие в следующих выборах президента. Именно они являются той аудиторией, с которой нужно работать. Указанные цифры, с одной стороны, свидетельствуют о невысоком уровне удовлетворенности институтом выборов. С другой стороны, позитивным моментом является желание молодежи принять участие в следующих выборах, так как сам по себе протест или критическое отношение к действительности, свойственное молодым людям, куда важнее формы выражения этого протеста. Голосование является главным инструментом легального волеизъявления граждан, а рост позитивного отношения к нему содействует поддержанию социального порядка.

Другой категорией для анализа является отношение к протесту со стороны молодого поколения. В ходе опроса был определен протестный потенциал глазами молодежи и личный протестный потенциал. В отношении первого можно заметить, что 41% опрошенных допускают массовые акции протеста, а также выступления против падения уровня жизни и несправедливых действий властей, еще 50% считают их маловероятными. Однако принять

участие в массовых акциях протеста готовы только 23%. Подобные результаты говорят о том, что протест как явление и норма политической жизни допустимы в понимании молодежи, однако в системе ее политических ценностей они не закреплены. Подтверждением данному выводу может служить и тот факт, что 88% респондентов, в случае нарушения их прав, правомерными считают именно обращения в официальные органы власти и только 4,6% допускают участие в митингах и массовых акциях протеста, еще 2% выбирают вооруженные методы борьбы.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что на сегодняшний день отсутствует общая привлекательная разделяемая абсолютным большинством идея. Далеко не все молодые люди настроены патриотично. В то же время среди тех, кто отождествляет себя с патриотично настроенной частью населения, позитивнее восприятие ситуации в стране, а также выше уверенность в реализации своих планов и стремлений. Данный вывод демонстрирует, что патриотизм как идея и нравственный принцип служит поддержанию политического порядка, содействуя формированию политических ориентаций населения. Поддержанию социально-политического порядка содейст-

вует также удовлетворенность рассматриваемой социальной группы своим положением в системе общественных отношений. В этой связи отметим, что более 65% респондентов в целом уверены, что смогут реализовать свои планы будущее. В то же самое время, на вопрос: «какую роль, по вашему мнению, играет в политической жизни России молодежь?», 36% респондентов ответили «не оказывает серьезного влияния на политическую жизнь страны», еще 18% принимают участие в голосовании на выборах и 15% участвуют в митингах и акциях протеста. Лишь 16% опрошенных респондентов считают, что молодежь влияет на политику через различные общественные организации, политические партии. Опасность заключается в том, что молодежи, больше, чем какой-либо другой социальной группе, важна принадлежность к большому делу и признание, особую роль в системе политических ценностей которых описал американский социолог Р. Инглхарт. Молодой человек, находящийся в стадии формирования личности, оценивает себя признанием со стороны других. И если он не получает обратной связи с общностью, с которой себя ассоциирует, то начинает искать признание в других местах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коновалов В. Н. Политология. Словарь. М.: РГУ; 2010.
2. Ланцов С. А. Террор и террористы: Словарь. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; 2004.
3. Политическая социология. Учебник и практикум для академического бакалавриата. Ч. 2. Евгеньева Т. В., ред. М.: Изд-во Юрайт; 2018.
4. Осипов Г. В. Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА-ИНФРА-М; 1999.
5. Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология. Политические функции этничности. М.: Изд-во МГУ; 2011. С. 68.

REFERENCES

1. Konovalov V.N. Political science. Dictionary. Moscow: RGU; 2010. (In Russ.).
2. Lantsov S.A. Terror and terrorists: Dictionary. St. Petersburg: St. Petersburg University Press; 2004. (In Russ.).
3. Political sociology (Part 2). The tutorial and workshop for undergraduate students. Evgen'eva T.V., ed. Moscow: URight; 2018. (In Russ.).
4. Osipov G.V. The Russian sociological encyclopedia. Moscow: NORMA-INFRA-M; 1999. (In Russ.).
5. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. The ethnopolitology. Political functions of ethnicity. Moscow: Moscow State University; 2011:68. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-44-50

УДК 323(045)

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Галас Марина Леонидовна,

д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Департамента политологии,

Финансовый университет, Москва, Россия

MLGalas@fa.ru

Аннотация. В статье анализируется возможность применения «мягкой силы» в решении проблем внутренней политики современной России. «Мягкая сила» трактуется как концепт, демонстрирующий конструктивную идею или систему идей, направленных на создание модели организации стабильной (бесконфликтной) общественной (социально-политической) формации. Такая модель должна предупреждать социальную конфликтность, согласовывать интересы различных страт гражданского общества, государства. Эффективность модели обусловлена актуальностью легитимных инструментов и институтов «мягкой силы». За основу в статье принимается то, что общественная формация отражает социально-политический генезис гражданского общества, характеризуется ролью страт общественной структуры в обеспечении основ конституционного строя, гарантированностью законных прав и свобод гражданина и человека и эффективностью контроля за исполнением юридических обязанностей субъектов права, оптимальностью механизма поддержания общественного согласия, политического (государственного) режима.

Ключевые слова: «мягкая сила»; общественно-политическая формация; гражданское общество; стабильность; миграционная компонента

“SOFT POWER” AS A TOOL OF STABILITY OF SOCIO- POLITICAL FORMATION OF MODERN RUSSIA*

Marina L. Galas,

D. Sc. (History), Professor, Chief researcher of the Department of Political Science, Finance University,

Moscow, Russia

MLGalas@fa.ru

Abstract. This article analyses the possibility of the use of “soft power” in dealing with the problems of the domestic policy of contemporary Russia. “Soft power” is interpreted as a concept demonstrating constructive ideas or system of ideas aimed at the establishment of a model of stable (non-conflict) societal (socio-political) formations. Such a model should prevent the occurrence of social conflicts, coordinate the interests of different strata of civil society,

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared according to the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

and the State. The effectiveness of the model is due to the relevance of the legal instruments and institutions of "soft power". In the article, the author presupposed that public formation reflects the socio-political genesis of civil society. Secondly, it is characterised by the role strata of society in providing the foundations of the constitutional order. Thirdly, it warrants the legitimate rights and freedoms of a citizen and a person, and, finally, it provides the effectiveness of monitoring of the legal responsibilities of subjects of law, maintains optimal social cohesion mechanism and political (state) regime.

Keywords: "soft power"; social-political formation; civil society; resistance; migration component

Кинструментам «мягкой силы» для ведения успешной внутренней политики, обеспечивающей экономический рост и снижение уровня бедности и социальной незащищенности граждан, права и свободы человека, поступательное и бесконфликтное развитие социума, общественную безопасность, целеполагательную согласованность деятельности власти и гражданского общества, следует отнести: культуру и образование, воспитательно-просветительную деятельность, науку и инновационные и цифровые технологии, правовые системы и законодательство, организацию управления, политические и социальные ценности, информационный ресурс, позитивный национальный и международный имидж. Применение вышеперечисленных инструментов «мягкой силы» согласуется с национальными интересами и стратегическими национальными приоритетами¹.

Инструменты «мягкой силы» должны быть доступны для понимания всех субъектов права, соответствовать или не антагонизировать их интересам, правосознанию, ментальности, понимание справедливости [1, 2].

Культурные, образовательные, научные, воспитательно-просветительные инструменты «мягкой силы» нацелены, главным образом, на целевое обучение и формирование определенных профессиональных и социально-демографических групп, настроенных на взаимодействие с общественными организациями и государством в решении внутривнутриполитических задач.

Инструменты «мягкой силы» экономического характера могут быть представлены государственными стратегиями, концепциями, программами, национальными проектами; социально-экономическими, налоговыми

преференциями; государственно-частным партнерством; общественными финансами, социально ориентированными инвестициями и фондами; бюджетной политикой, системой сдержек и противовесов народнохозяйственных рисков, угроз. Ресурсами, задействованными государством для применения «мягкой силы», могут служить производимые продукты/товары и предоставляемые услуги, а также результаты интеллектуальной деятельности, защищаемой правом и государством.

Установление норм и законов, регулирующих деятельность по применению «мягкой силы», во многом определяет ее концепт, который закладывает базу для деятельности в этой сфере, наполняет содержанием, согласующимся с общественно-политической ситуацией в стране и мире.

Для определения уровня влияния цифровых технологий на развитие общественной формации важно обладать системой оценочных индикаторов². Такие технологии, как и информационные ресурсы, могут воздействовать на социокультурное и гражданско-правовое состояние гражданского общества как созидательно, так и деструктивно. Общественным институтам и государству необходимо сформировать соответствующие антидеструктивные иммунитеты, подготовить программные основы для профессионально-компетентного отбора продуктов цифровых коммуникаций, разработать механизмы сотрудничества правообладателей цифровых технологий с органами государственной власти и управления, образовательными учреждениями, институтами гражданского общества по созданию продуктов формирования правовой культуры граждан России.

Уровень конфликтогенности процесса социальной поляризации имеет тенденцию к сни-

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

жению в абсолютном большинстве регионов. Но угроза расширения негативных последствий и риск потенциальной социальной дестабилизации в регионах сохраняются и при усилении социального недовольства населения (прежде всего, снижением уровня жизни и материального положения, увеличением разрыва между сверхбогатыми и малоимущими) могут вызвать социальную дестабилизацию. Конституция Российской Федерации не содержит положений о социальной функции собственности и доступе к ресурсам, пользование которыми должно одновременно служить и общему благу. Это затрудняет совместную социально ориентированную деятельность органов государственной власти и частных собственников, направленную на обеспечение социальной стабильности.

Нормами права регулируется деятельность политических партий и иных общественных объединений, являющихся одной из форм «мягкой силы», а в системе социальных отношений составляющих социальный политический институт. Политические социальные институты обеспечивают функционирование общественного строя и стабильность государственного механизма. Стремление субъектов общественной жизнедеятельности к повышению своего социального статуса обуславливает целеполагательную самоидентификацию, что способствует формированию конструктивных форм социального взаимодействия между различными стратами гражданского общества.

Страта современного гражданского общества образуется в результате трансформации социальной структуры общества, что сопровождается изменениями социальных, экономических, культурных потребностей, политических ориентаций; образовательной мобильности; форм социальной активности в защите законных интересов, прав и свобод; уровня социальной стабильности. Анализ процесса стратификации выявил ряд социальных противоречий, сформировавшихся на трех уровнях: макроуровне (в обществе), мезоуровне (в регионах), микроуровне (межличностном)³.

³ На макроуровне — социальное противоречие между поставленными перед регионами мобилизационными задачами достижения экономической самостоятельности региона, поиски путей их выхода из состояния постоянной государственной дотируемости — с одной стороны, и ограниченным количеством регионов, способных развиваться в группе регионов-доноров, с другой. Это сигнализирует об экономической уязвимости региона и необходимости

Вместе с изменением социальной базы общества изменяются его социальные ценности, ориентации, виды экономического и политического поведения, социальные интересы и формы их защиты.

Различают подвиды социальной структуры: социально-демографическая, гендерная, социально-территориальная, социально-классовая (не имеет политической составляющей, трактуется как социологический вид стратификации по праву владения собственностью, обладанию и распоряжению ресурсами, по уровню материальной обеспеченности), социально-профессиональная, национальная (социально-этническая), конфессиональная (по вероисповеданию среди представителей разных конфессий), образующие своей совокупностью и взаимодействием социум. Помимо социальных групп и общностей социальная система (общество) состоит из социальных слоев, находящихся за пределами основного для данного общества деления.

По результатам социологического опроса, проведенного Г. Г. Силласте, стратификация приобрела разные формы (табл. 1).

Из таблицы видно, что признание факта имущественной и экономической стратификации (93,6%) практически единодушное. Последние два вида стратификации (особенно конфессиональная, которую менее 1% экспертов посчитали «очень глубокой») пока не имеют широкого распространения в российских регионах. В каждом втором регионе, по оценкам экспертов (от 48,6 до 52,3%), эти виды стратификации в их регионах фактически отсутствуют.

Для решения задачи согласования интересов гражданского общества предлагается

повышения эффективности регионального управления. На мезорегиональном уровне — противоречие между продолжающимся процессом стратификации общества и населения — с одной стороны, и рассогласованностью социально-экономических интересов региональных страт в достижении финансово-экономической независимости от государственных дотаций — с другой. Основными группами интересов, действующими во всех недотационных регионах, являются рентные (недвижимость, сырье) и экспортно-импортные группы. Опытные управленческие кадры (менеджмент) способны выстроить деятельность представительства гражданских интересов, однако не во всех регионах возможен такой кадровый «маневр». На микроуровне — социальное противоречие между стремлением личности к повышению своего социального статуса и улучшения материального положения — с одной стороны, и ограниченностью возможностей его реализации в регионе — с другой.

Таблица 1

Глубина стратификации в регионах, в % опрошенных

	Развивающаяся стратификация (очень глубокая + несущественная)	Очень глубокая	Несущественная	Фактически отсутствует	Затруднились ответить
Имущественная	93,6	62,4	31,2	3,7	2,8
Экономическая	93,6	57,8	35,8	3,7	2,8
Политическая	81,7	20,2	61,5	15,6	2,8
Классовая	59,8	22,4	37,4	29,0	11,2
Национально-этническая	42,2	4,6	37,6	48,6	9,2
Конфессиональная	36,7	0,9	35,8	52,3	11,0

использовать методологию системного подхода, в рамках которого интересы гражданского общества (как в целом, так и отдельных ответственных групп) рассматриваются в качестве сложной динамически изменяющейся системы с использованием интегрального критерия, построенного по принципу критерия лояльности [3].

Важным фактором успешного применения «мягкой силы» для обеспечения национальных интересов является гуманитарное сотрудничество, в том числе с соотечественниками, проживающими за рубежом, гражданами ЕАЭС, СНГ. Целесообразно развивать применение «мягкой силы» в решении вопросов миграции, адаптации и интеграции иностранных граждан.

Для решения вопросов миграции необходимо понимать состав внешних мигрантов, желательность/нежелательность пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, их коррелируемость со стратами российского гражданского общества. Автором статьи разработана правовая и социальная типологизация мигрантов в Российской Федерации.

Правовая типология строится на основе правового статуса иностранного гражданина (внешнего мигранта), находящегося на территории Российской Федерации, на основе

нормативно-правового критерия, на базе соблюдения правовых норм⁴ [4, 5].

Социальная типизация основана на критериях социальной структуры общества: возраст, гендерная принадлежность (по признаку пола), образование, квалификация, деструкция, цель прибытия, общественная активность, историческая и социокультурная общность, сферы экономики. Социальная типизация основана на критерии социальной структуры общества, его стратификации, поострена на процессе адаптации в российское общество. Такая типизация мигрантов коррелируется со стратификацией общества как социальной системы.

Стратификация мигрантов по соответствующим признакам (уровню образования, квалификации, профессии, социальному статусу и др.) позволит структурировать миграционные потоки и направлять трудовые ресурсы в те регионы, где наблюдается их недостаток.

⁴ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017); Указ Президента РФ от 22.06.2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»; Указ Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 (ред. от 14.06.2013) «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»; Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

Типизированные группы страт мигрантов в Российской Федерации

Типологические группы страт мигрантов	Виды страт
По критерию правового статуса	<ul style="list-style-type: none"> – Мигранты, временно пребывающие на территории Российской Федерации; – мигранты, временно проживающие на территории Российской Федерации; – мигранты, постоянно проживающие на территории Российской Федерации
По квалификации	<ul style="list-style-type: none"> – Мигранты, высококвалифицированные специалисты или работники; – мигранты, квалифицированные специалисты или работники; – мигранты, низкоквалифицированные работники
По исторической и социокультурной общности (титульное родство)	<ul style="list-style-type: none"> – Мигранты, соотечественники; – мигранты, не соотечественники
По образовательному критерию	<ul style="list-style-type: none"> – Мигранты с высшим профессиональным образованием; – мигранты со средним общим (полным) образованием; – мигранты со средним профессиональным (средним специальным образованием); – мигранты, имеющие ученую степень (кандидата и доктора наук), т.е. отличающиеся высоким качеством человеческого потенциала
По критерию деструкция	<ul style="list-style-type: none"> – Экономическая; – криминальная – экстремистская; – террористическая; – целевого пребывания
По экономической сфере и цели пребывания	<ul style="list-style-type: none"> – Деловая; – коммерческая; – работа по найму и оказание услуг; – служебная; – транзит; – туризм; – учеба; – частная

Анализ различных процессов миграции позволил типизировать миграционные стра- ты в зависимости от конкретных критериев (табл. 2).

При разработке проектов нормативных правовых актов в сфере миграции необходимо выделять желательные группы въехавших на территорию России⁵. Особенность префе-

ренциального вида мигрантов в том, что он объединяет два основных социальных инди- катора — квалификация и историческая и со- циокультурная общность. Анализ законода- тельных норм и потенциальных последствий

⁵ Предлагается следующая трактовка желательной мигра- ции — это законное, отвечающее социально-демографиче- ским, экономическим потребностям и социокультурным особенностям регионов Российской Федерации перемеще- ние людей, организованное принимающим государством или его административно-территориальным образова-

ем. Добиться наибольшего целевого значения желатель- ной миграции позволяет организованное государством и его административно-территориальным образованием перемещение людей, которое предлагается трактовать как деятельность органов государственной власти и управ- ления, направленную на оформление разрешительных документов для въезда/выезда, пребывания/проживания мигрантов на территории Российской Федерации, моти- вацию людей к перемещению, государственный контроль и надзор, оказание государственных услуг.

их правоприменения не выявил оснований для возникновения стратификационной миграционной деструкции в части дискриминации иностранных граждан и лиц без гражданства. Законодатель стремится создать систему сдержек и противовесов в целях предотвращения миграционных рисков, угроз для национальной безопасности и интересов страт гражданского общества, гармонизировать интересы населения Российской Федерации, в том числе и мигрантов.

С учетом региональных особенностей рынка труда и приоритетности трудоустройства российских граждан, Правительству Российской Федерации предоставлено право определять допустимую долю привлечения иностранной рабочей силы на территории Российской Федерации в отдельных ее частях, а также в различных отраслях экономики. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации правомочно вводит запрет на привлечение работодателями, ведущими деятельность на территории субъекта, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов по отдельным видам экономической деятельности.

Иностранные граждане с сентября 2016 г. обязаны осуществлять продление регистрации по патенту. Сложность процедуры трудоустройства внешних мигрантов объясняется стремлением государства контролировать миграционный процесс. С другой стороны, финансовые и временные затраты по трудоустройству иностранных граждан и лиц без гражданства могут приводить к поиску теневых путей обхода такой системы сдержек.

Сложной остается ситуация в отношении решения социально-экономических проблем народонаселения северных территорий, несмотря на применение такого инструмента «мягкой силы», как план мероприятий по реализации в 2016–2025 гг. Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 25.08.2016 № 1792-р. Целесообразно разработать комплекс дополнительных мер по предоставлению им субсидий, льгот и преференций, повышающих привлекательность этих территорий вселения для внутреннего перемещения трудовых ресурсов и желательных категорий внешних

мигрантов, в том числе учесть преференции, установленные в особых экономически зонах.

Признанными Россией международными нормами и национальным законодательством установлена система преференций для отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в части въезда на территорию Российской Федерации, пребывания и осуществления трудовой деятельности на территории страны. В качестве инструмента «мягкой силы» по обеспечению желательности (упорядочения, организации и баланса с национальным рынком труда, отраслевой структурой народного хозяйства, экономической и социальной ситуацией в регионах) могут трактоваться нормы, устанавливающие особенности правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, являющихся: высококвалифицированными специалистами; квалифицированными специалистами, носителями русского языка, родственниками граждан Российской Федерации, соотечественниками, обучающимися по очной и очно-заочной формам и выпускниками российских вузов, гражданами ЕАЭС⁶. В целях стимулирования переселения отдельных категорий иностранных граждан в Российскую Федерацию на постоянное место жительства упрощен порядок приема в гражданство Российской Федерации предпринимателям и инвесторам. Государство заинтересовано в длительности пребывания желательных иностранных работников и создает для них льготные условия налогообложения⁷.

Анализ структуры показателей, характеризующих составляющую деструктивности мигрантов, связанную с целями прибытия на территорию Российской Федерации, показывает, что наиболее склонны к девиантным проявлениям иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие на территорию Российской Федерации в целях осуществления трудовой деятельности по найму, в учебных целях и нелегально. Разрешение этой ситуации зависит и от эффективного применения инструментов «мягкой силы» по адаптации

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2015); Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13.06.2012).

⁷ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 05.04.2016, с изм. от 13.04.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2016).

и интеграции иностранных граждан и лиц без гражданства по принципу желательности.

Универсальным инструментом «мягкой силы» для привлечения в Россию и перемещения внутри страны желательных социально-демографических групп может служить Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее — Госпрограмма). Разрабатываются региональные программы переселения, в рамках которых организуется работа с участниками Госпрограммы и членами их семей, решаются вопросы трудоустройства и временного жилищного обустройства, создается механизм государственной поддержки соотечественникам в кризисных ситуациях. Актуализация этого инструмента будет способствовать адаптации и интеграции востре-

бованных категорий внешних мигрантов, ставших компонентой общественной формации Российской Федерации.

Таким образом, «мягкая сила» — комплекс инструментов решения не только внешних, но и внутривнутриполитических задач государства с опорой на потенциал гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные, экономические и другие ресурсы, альтернативные жестким практикам обеспечения национальных интересов. Одними из основных эффектов «мягкой силы» являются: сбалансированная политика в отношении объектов воздействия и субъектов права; подготовка общественного мнения и целеполагания; формирование социально-политической лояльности; воздействие посредством культурного (в широком толковании) и информационного пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Косачев К. Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Nerybu-a-udochku-15642>.
2. Мягкая сила. Мягкая власть. Междисциплинарный анализ. Коллективная монография. Борисова Е. Г., ред. М.: ФЛИНТА, Наука; 2015.
3. Юрзинова И. Л. Налоговая политика как инструмент управления социально-экономическим развитием Российской Федерации. Дис. ... д-ра экон. наук. М.; 2009. 259 с.
4. Миграционные риски для России: прогнозирование национальных угроз. Монография. Галас М. Л., ред. М.: РУСАЙНС; 2017. 203 с.
5. Галас М. Л., Герасимова И. В. Политические, экономические, социокультурные риски для современной России: миграционный аспект. Проблемы согласования интересов страт современного гражданского общества России: научно-практический словарь-справочник. М.: РУСАЙНС; 2017.

REFERENCES

1. Kosachev K. Not fish but a fishing rod. What is the peculiarity of the “soft power” of Russia? URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Nerybu-a-udochku-15642>. (In Russ.).
2. Soft power. Soft authority. Interdisciplinary analysis. Collective monograph. E. G. Borisova, ed. Moscow: FLINTA, Nauka; 2015. (In Russ.).
3. Yurzinova, I. L. Tax policy as a tool of management of social and economic development of the Russian Federation. Doctoral theses. Moscow; 2009. 259 p. (In Russ.).
4. Migration risks for Russia: forecasting national threats. Monograph. Galas M. L., ed. Moscow: RUSAINS; 2017. 203 p. (In Russ.).
5. Galas M. L., Gerasimova I. V. Political, economic, social and cultural risks for modern Russia: migration aspect. In: Problems of coordination of interests of strata of modern civil society of Russia: Scientific and practical dictionary-reference book. Moscow: RUSAINS; 2017. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-51-58
УДК 316.77116(045)

СОБЫТИЙНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Герасимов Сергей Викторович,

канд. пед. наук, доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия
votje82@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика, связанная с событиями и их ролью в формировании концепта реальности. Вопрос событийного конструирования реальности требует нового онтологического осмысления в связи переходом к информационному обществу, в котором большая часть событий, оказывающих влияние на концептосферу, носит характер не казуальный, а рукотворный. В период формирования постиндустриального общества событие становится специальным, поводом для новостей. В условиях динамически развивающихся цифровых технологий специальные события выходят за рамки удобного маркетингового инструмента и становятся уникальными элементами создания целого спектра новых и гибридных реальностей, находясь в междисциплинарном поле. Цель статьи – рассмотреть малоисследованную эволюцию события в специальное событие на примере формирования современного социально-политического пространства. Кроме этого, появилась необходимость определения роли события как функции, управляющей генерацией реальностей, способной преодолеть междисциплинарные барьеры и связать различные уровни стратифицированной социальной реальности на примере изучения уровня власти. Для исследования использовались традиционные методы философского анализа и рефлексии, логико-диалектический анализ исследуемого предмета, постклассический принцип дополнительности описаний. В результате удалось определить основные функции специальных политических событий в конструировании социально-политической реальности, определить их возможности по интеграции реальности, разделенной субкультурными барьерами. Специальные политические события в качестве коммуникационных каналов нового типа позволяют преодолеть кризис, возникший в результате взаимной изолированности гуманитарных и естественных наук, могут способствовать интеграции, совместной институционализации и развитию в условиях информационного общества.

Ключевые слова: специальные события; специальные политические события; социальная реальность; концепт социальной реальности; информационное общество; конструирование реальности; политическая реальность; власть

EVENT CONSTRUCTION OF REALITY: SOCIAL AND POLITICAL OPPORTUNITIES

Sergey V. Gerasimov,

Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor, Department of communication technologies and public relations,
St. Petersburg State University of Economics;
National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with the problems associated with the events and their role in the formation of the concept of reality. The issue of event-driven construction of reality requires a new ontological understanding in connection with the transition to the information society, in which most of the events that affect the concept sphere, is not casual, but human-made. During the formation of the post-industrial society, the event was not just an event, but a “special” event, an occasion for news. In the context of dynamically developing digital technologies, special events go beyond a convenient marketing tool and become unique elements of creating a range of new and hybrid

realities, being in an interdisciplinary field. The purpose of the study is to consider the little-studied evolution of the event into a special event on the example of its role in the formation of the modern socio-political space. Also, there was a need to determine the role of events as a function of managing the generation of realities, functions able to overcome interdisciplinary barriers and link different levels of stratified social reality on the example of the study of the level of power. For the study, the author used the traditional methods of philosophical analysis and reflection, logical-dialectical analysis of the subject, the post-classical principle of complementarity of descriptions. As a result of consideration of the problem, it was possible to determine the main functions of special political events in the construction of socio-political reality, to determine their ability to integrate reality, divided by subcultural barriers. Special political events, as communication channels of a new type, can help to solve the crisis that has arisen as a result of the mutual isolation of the Humanities and Natural Sciences, can promote integration, joint institutionalisation and development in the information society.

Keywords: *special events; special political events; social reality; the concept of social reality; information society; construction of reality; political reality; power*

ВВЕДЕНИЕ

Проблема специальных событий в XXI в. возникает в связи с двумя основными направлениями развития социальной концептосферы. Во-первых, произошла смена концептов социальных пространств. Индустриальное общество, в котором специальные события выполняли функцию удобных инструментов маркетинговых кампаний по продвижению товаров, услуг, персонажей или идей, сменилось обществом постиндустриальным и затем перешло в фазу информационного и даже постинформационного. Во-вторых, сместился акцент с различных событий, которые происходили спорадически и периодически освещались в СМИ, к специальным событиям [1], которые в XXI в. моделируются, планируются и реализуются как информационные поводы и способы кросскультурной коммуникации [2]. Изменились возможности самих специальных событий: их инструментальные функции, решающие конкретные задачи в прикладных отраслевых технологиях, существенно расширились, дойдя до смыслообразующих практик новой социальной реальности. Под смыслообразующими практиками, например, можно понимать технологии брендинга, которые создают вокруг брендируемого объекта персональную реальность со своими законами, нарративами, героями [3]. Целью подобного миротворчества является выработка новых систем социального взаимодействия на рефлексорном уровне. В отличие от предыдущих систем комплексного воздействия на целевую аудиторию, новые технологии создают полноформатные миры своим объектам. Они создают новый мифодизайн объекту брендинга и социальной реальности, окружающей его.

В политической сфере в качестве примера можно рассмотреть эволюцию событий от инструмента символической политики до создания полноценных кинематографических, игровых миров, куда перенесены идеи политического строительства реальностей. Другим примером концептогенеза может послужить роль события в строительстве стратегии информационных войн [4]. С развитием цифровых технологий произошло перетекание процесса конструирования реальности в цифровую среду. Информационное общество все быстрее и точнее верифицирует и реифицирует модели специальных событий и социальных реальностей.

В силу расширения знаний о мире, в результате развития различных отраслей знания, концепты развития также проходят свои траектории развития, производя постоянную трансформацию концептосферы. В информационном обществе можно говорить о феномене сплита реальностей. Социальная реальность теперь состоит из множества различных реальностей, представляющих собой систему связанных и коммуницирующих между собой пространств: социального, научного, политического, культурного, военного, делового, фэнтезийного и прочих. Каждая из реальностей, подобно матрешке, состоит из целого комплекса составных реальностей и, расщепляясь далее, представляет собой сложную рекурсивную конструкцию.

В условиях информационного общества понятие социально- политической реальности требует уточнения. Несмотря на то что интуитивно каждый понимает значение термина «социально-политическая реальность», тем не менее следует уточнить его границы и комму-

никации с другими реальностями, роль специальных политических событий в этих коммуникациях и конструировании социальной реальности. В силу того, что понятием «событие» оперируют все науки — гуманитарные, естественные и точные — необходимо также уточнить, что является событием для реальности: почему одни события в политической жизни становятся значимыми, а другие проходят незаметно.

Для десигнации термина «социально-политическое событие» рассмотрим необходимые и достаточные признаки множества всех событий, исходя из того, что политические события — подмножество этого множества.

СОБЫТИЯ

События — один из главных элементов смысловой картины мира, отвечающий за ее онтологическое основание. Познание, осмысление действительности предполагает построение данных, описаний, зависимостей, нарративов, ключевую роль в которых играют конкретные события.

События можно охарактеризовать по-разному, в зависимости от того, в каком предметном поле они рассматриваются, а также — от того, какой функционал событий берется во внимание. Событийный ряд служит источником и маркером развития социальной жизни: события можно соотнести с историческим процессом, анализом состояния социума, развитием конкретных сторон жизни социума, социальной коммуникацией, формированием нематериальных активов. Все эти сферы прирастают событиями, которые привлекают внимание, формируют память, закрепляют картину мира. В зависимости от уровня изучения событие может быть явлением и бытовым, и научным, и политическим, и религиозным. Обозначая проблему политического события в политическом пространстве, мы отмечаем, нас интересует феномен социального события в управленческом контексте, что позволяет не ограничиваться в рассмотрении описаниями, но вести его в контексте возможностей конструктивного преобразования реальности.

ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ СОБЫТИЕМ?

Событие — это процесс, который регистрируется наблюдателем как изменение некоторого параметра или группы параметров (характеристик,

определений) денотата во времени. Тогда можно говорить о том, что событие — это некоторая сущность, которая описывает изменение других сущностей по какой-то оси координат (например, по времени). С этой точки зрения события как явления во времени, формирующие опыт, рассматривал А. Бергсон [5]. С точки зрения А. Н. Уайтхеда, события являются основным элементом строительства реальности: он понимал события как пространственно-временные происшествия [6]. Они имеют свои имена, уникальность, значения, и в аристотелевском понимании — сущность.

Б. Спиноза утверждал, что события — это причинно-следственная основа пантеизма, и в этом мире нет такой реальности, форм, элементов и единиц, которые не были бы событийны [7]. М. Хайдеггер определяет событие как базовый элемент, род первоначального различия, которое описывает являемость бытия [8]. Как и Бергсон через понятие “Durée” (протяженность, длительность), Хайдеггер определяет событие как уникальное явление, которое не привязано к пространственно-временным координатам, через понятие “Dasein” (вот-бытие или здесь-бытие). При этом оба эти понятия связаны через событие. Как понятие развязанное (не имеющее привязки) со временем и пространством в трактовке Бергсона использует событие и А. Бадью: «...Событие не принадлежит к порядку реальности. Мысль здесь ориентируется на отличие события от его текущей имитации, которую можно назвать фактом... Событие есть то, чего недостает фактам, и то, что задает этим фактам истинность» [9 с. 53–54]. М. Ю. Лотман считает, что «событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» [10 с. 282].

В этой связи оказывается полезным вспомнить введенное Аристотелем понятие модальности как способа бытия какого-либо объекта или протекания какого-либо явления, события [11]. При этом событие приобретало модальность, потому что ему придавалось значение управляемого процесса, которое готовили, проводили, завершали, ждали и т.д. Действительно, если уподобить событие сигналу, то оно будет определяться передачей некоторой системы знаков, которые регистрируются как-ким-нибудь одним или несколькими органами чувств, непосредственно или опосредованно, через различные приборы, несущие информа-

цию о каком-либо событии, состоянии объекта, либо передающие команды управления. Таким сигналом может быть выстрел, кодовое слово, знак, начало движения или остановка, жест, изменение температуры, давления, радиации. Все что угодно попадает под описание события как сигнала. В этом смысле событие — это разновидность процесса: все события являются подмножеством множества процессов и выделяются из него своим свойством внесения изменения в систему. Существует одно необходимое и достаточное условие — отличие события от фонового изменения, называемого «шум»: этот сигнал должен получить наблюдатель или регистратор, которому оно адресовано. Подразумевается наличие у такого наблюдателя возможности для приема сигнала, дешифровки и системы анализа, заданной заранее, до начала события. В технике сигнал — всегда событие, т.е. изменение состояния системы или любого ее компонента, опознаваемое логикой системы как значимое. Событие, не опознаваемое системой наблюдателя, его логической или технической системами отношений как значимое, сигналом не является. Событие в рамках данного исследование — это значимое для системы изменение предыдущего состояния. Данное определение необходимое и достаточное для построения модели события.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Учитывая вышесказанное, из общего родового множества событий можно выделить различные виды, включая политические специальные события, вводя условия их существования в различных пространствах.

Рассмотрим некоторые исследования, посвященные изучению специальных политических событий. Информационный поток, связанный с понятиями «событие», «политическое событие» и «политическая реальность» имеет тенденцию к развитию. Кроме того, сама политическая реальность делится на все новые и новые направления, связанные с разнообразными методологическими подходами в исследовании политического пространства [12]. Новые методы порождают новые системы описания реальности, появляется эффект сплита (split) или сплиттинг, разделяющий реальность на смежные реальности. Кроме сплита существует и обратный процесс, который можно оха-

рактеризовать как поиск общих знаменателей, сквозной десигнации, общих моделей.

Многие исследователи говорят о событийности власти [13]. Одним из популярных дискурсов становится обсуждение концепта события в координатах «уникальность-универсальность». Например, Ж-Л. Ненси считает, что событие нenumerуемо и уникально [14], С. Золян, в свою очередь, рассматривает общие свойства различных событий [15]. Поиску критериев разделения событий и фактов посвящена работа А. Бадью. У. Сьювелл использует методику вычитания исследуемого события из исторического ряда аналогичных событий, описывая ее как «полную событий темпоральность (eventful' temporality)» [16]. Кроме этого, в описание политической реальности внесли важный вклад работы таких авторов, как Ф. Фюре [17], Б.В. Марков [18], Д. И. Аксеновский [19], А. Ф. Филиппов [20], Р. Купманс [21] и др.

Х. Арендт выделяет коммуникационную составляющую политического события как «действие человека (или лиц) и то, что порождается этими действиями между людьми, вещами и отношениями» [22]. Данное условие является необходимым, поскольку все события — элемент коммуникации, в том числе и невербальной, сигнальной и т.д. В этом контексте все, что происходит в социальном пространстве — это элементы, причины или следствия социальной коммуникации. Поскольку политическая реальность — это частный случай социальной реальности, то по-прежнему сложно разделить социальную и политическую коммуникации до исследования границ политического в социальном.

Политические события — явление социальной жизни, имеющее отношение и к системе принятия решений (policy), и к системе фиксации и реализации принятых решений (politics), т.е. к концептосфере политического. Это относится как к сфере власти, политическому процессу, анализу состояния социума, развитию конкретных сторон жизни социума, так и к социальной коммуникации, формированию нематериальных активов — все эти сферы прирастают событиями, которые привлекают внимание, формируют память, закрепляют картину мира. За рамками исследования остается очевидная политическая рекурсия других событий: социально-бытовых, маркетинговых, научных и религиозных. Их перформативная

власть в опосредованном виде несет функции политического [23], поскольку эти виды событий формируют пространство массмедиа.

Таким образом, специальное событие — организованная заранее, ограниченная по времени коммуникация двух и более субкультурных групп. В политическом специальном событии среди целей присутствует коммуникация, решающая политические задачи.

ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Политическое пространство сформировалось как частный случай пространства социального, поэтому можно предположить, что некоторые модели концептуализации социального пространства будут эффективно работать в пространстве политическом.

Возникают вопросы: как связано и чем различается социальное и политическое пространство, кроме того, что они соотносятся как причина и следствие, общее и частное? можно ли построить границы политического пространства в сфере власти? можно ли выделить власть в общей концептосфере человека? Если проанализировать основные тренды развития человека [24], то мы можем заметить возникновение уровня событийной власти на самых ранних этапах развития человеческих сообществ и даже в животной природе, где роль вожака стаи, стада и правила поведения в группе определяется в результате процессов естественного отбора. Согласно дискретно-фрактальной модели опирающейся, например, на концептосферу Н. Гартмана [25], властная или управляющая событийная коммуникация присутствует на всех условных уровнях развития человеческого общества.

- Первый, *животный уровень*, тождественный у человека и животного, подразумевает наличие власти как необходимого инструмента в системе бытовых коммуникаций, связанных с безопасностью общины, захватом и удержанием жизненного пространства, заботой о потомстве, строительством жилищ, добычей пищи. К первому, в большой степени рефлекторному, уровню относят и власть культур, культуры, правила, кодексы и артикулы, табу и прочие нормы коллективной жизни. В этом уровне наступление нового порядка формируется с помощью событий, относящихся к социально-бытовой природе: рождения,

смерти и браки лидеров, события календарного цикла, привязанные к условиям труда и отдыха, массовые народные гуляния и праздники, обряды, ритуалы, культовые события и т.д.

- Второй, *маркетинговый уровень*, связан с образованием новых орудий труда, появлением излишков провианта, годящегося к обмену или продаже. В этом уровне власть становится товаром, который можно купить, продать, обменять. Количество материальных ресурсов расслаивает общество на классы, касты, субкультуры. Власть в новом уровне выполняет более сложные функции, в том числе: управление, контролирование маркетинговых операций, обслуживание и совершенствование торговых коммуникаций, участие в организации и реализации алгоритмов по переделу собственности с помощью силы. В маркетинговом уровне наступление изменения в системе определяется событиями, влияющими на получение прибыли во всем ее разнообразии. Это выставки, презентации, тесты, дегустации, показы продукции, профессиональные праздники, ярмарки и так далее. В маркетинговом уровне также используются специальные события из предыдущего, бытового, уровня как информационный повод, служащий сигналом для привлечения внимания целевой аудитории.

- Третий уровень, *власти*, представляет собой «власть внутри власти». Власть как система управления внешней, по отношению к ней, средой внутри себя неизбежно реализует те же самые модели управления и коммуникации, выстраивая иерархию властных уровней, распределяя пространства ответственности. Этот уровень рекурсивен по отношению к самому себе и состоит из 4 субуровней:

- Инстинктивная власть — рудиментарная интенция, основанная на особенностях мозга выделять различные химические соединения, доставляющие человеку ощущение эйфории в случае, когда он может управлять другими людьми и делает это [26].

- Власть как источник дохода, некий навык, который можно обменять на деньги (профессия).

- Власть как игра, разновидность спортивного соревнования, которое может продолжаться фактически любое количество времени.

- И, наконец, власть как теоретическая и прикладная наука со своим предметным

и методологическим полем, своими ценностями и нарративами.

К собственной ступени «власти во власти» относят: театральные и шоу-бизнес, модельный и медиабизнес, публичность и известность. Также на этом уровне сублимированную власть представляет почет и уважение.

Классическим примером визуализации пространства власти являются вооруженные силы: каждый участник по внешним признакам может определить, кто главный, а кто равный. Именно система знаков различия и принципы скалярности в менеджменте были перенесены из армии в корпоративную культуру для повышения производительности труда. Политическая сфера развивается за счет своего специфического набора событий: инногурации, приемы, партийные и правительственные съезды, парады, переговоры и т.д.

- Замыкает фрактально-дискретную модель уровень знаний, где власть представлена, например, в науке. При этом она, хотя и не сильно, но артикулирована с помощью индексов цитируемости, ученых степеней и званий, должностей и т.д. Как и в предыдущих уровнях, специальные события, служащие поводом для перехода в новое состояние, имеют свои специфические черты: конференции, вручения премий, семинары, съезды и т.д.

Таким образом, власть как управляющая событийная коммуникация присутствует в любом обществе и выстраивается в любых социальных группах рефлекторно-автоматически (например, как у Уильяма Голдинга в «Повелителе мух», в Стенфордском тюремном эксперименте и других случаях) — от простых векторов «управляемый-управляющий», до сложных динамических систем со своими весами и противовесами.

ВЫВОДЫ

Как было показано на примере власти, множество различных событийных коммуникаций постоянно формируют концепт реальности.

Создание и управление событийной реальностью выступает универсальным междисциплинарным «клеем», который в условиях сплита реальностей позволяет удерживать самостоятельные дисциплины от разбегания в разные стороны и инкапсуляции в рамках собственных субкультур. Многие исследователи считают, что междисциплинарные проекты по исследованию реальности более эффективны, чем узкоотраслевые. В первую очередь специальные события — ключ к новой реальности сотрудничества гуманитарных и технологических областей знания. Стив Джобс как-то сказал: «Наша технология повенчана со свободными искусствами, с гуманитарными науками, отсюда и результат, который побуждает петь наши сердца» [27]. В качестве коммуникационного канала специальные события несут уникальный потенциал дальнейшего развития не только технологий, но и самого человека, социально-культурной реальности. «Культурную революцию, в которую мы вовлечены, нельзя свести к истории битов и байтов, как жизнь Галилея — к парным линзам. В эпоху Ренессанса главным были не телескопы, а осознание того, что Земля — это маленькая планета, которая вращается вокруг заурядной звезды в ничем не примечательной части Вселенной. Сегодняшняя история — прежде всего о человеческой трансформации, об отношении к миру... Цель в том, чтобы органично соединить разум и машины, так спроецировать эволюцию человека, чтобы прямо распространить власть наших мыслей на Вселенную» [28, с. 11, 20].

Примерами применения событийного гуманитарного разворота могут послужить концепции новых коммуникативных практик [29–31], неоинституционализм, ориентирующийся на процесс событийного порождения и развития социальных, правовых институтов [32, 33], когда институты предстают не только и не столько результатом коммуникативных процессов, сколько самими процессами устойчивой коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Герасимов С. В. Массовые праздники как фактор развития социального партнерства. Дисс. ... канд. пед. наук. СПб.: СПбГУКИ; 2007.
2. Герасимов С. В. Массовые праздники и социальное партнерство. СПб.: Алетейя; 2016.
3. Тульчинский Г. Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. СПб.: СПбГУ; 2013.
4. Малинова О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля. Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН; 2012.
5. Bergson H. The Creative Mind: An Introduction to Metaphysics. New York: Philosophical Library; 1946.

6. Whitehead A.N. *Essays in Science and Philosophy*. London: Philosophical Library; 1947.
7. Спиноза Б. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Изд. 2-е. СПб.: Наука; 1999.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem; 1997.
9. Бадью А. *Метаполитика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. М.: Логос; 2005.
10. Лотман М.Ю. *Структура художественного текста*. М.: Издательство «Искусство»; 1970. 383 с.
11. Аристотель. *Метафизика*. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы; 2006.
12. Тульчинский Г.Л. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм. *Публичная политика*. 2017;(1):76–98.
13. Сморгунов Л.В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии. *Полис. Политические исследования*. 2011;(1):123.
14. Нанси Ж-Л. *Бытие единственное множественное*. Минск: Логвинов; 2004.
15. Золян С.Т. «Повторяемость» событий в историческом дискурсе: семантика и прагматика. Репрезентация событий. Интегративный подход с позиций когнитивных наук. М.: Языки славянской культуры; 2017.
16. Sewell W., Jr. *Logics of History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago: University of Chicago Press; 2005.
17. Фюре Ф. *Постижение Французской революции*. СПб.: Инапресс.
18. Марков Б.В. *Понятие политического*. М.: РОССПЭН; 2007.
19. Аксеновский Д.И. Политическое событие как экономия и предел власти: опыт категоризации. *Вестник РГТУ*. 2008;(1):25–35.
20. Филиппов А. Ф. Пространство политических событий. *Полис. Политические исследования*. 2005;(2):6–25.
21. Koopmans R., Statham P. Political Claims-Analysis: Integrating Protest Event and Political Discourse Approaches. *Mobilization: The International Journal of Research and Theory about Social Movements, Protest and Collective Behavior*. 1999;4(2).
22. Ernst V., Hans F. Hannah Arendt and the Method of Political Thinking. *Social Research*. 1997;44(1)164.
23. Tresch A., Sciarini P., Varone F. The Relationship between Media and Political Agendas: Variations across Decision-Making Phases. *West Eur. Polit.* 2013;36(5):897–918.
24. Герасимов С.В. Некоторые тренды человеческого развития. *Философские науки*. 2015;(3):133–137.
25. Hartmann N. *Zur Grundlegung der Ontologie*. Berlin: De Gruyter; 1935.
26. Rizzolatti G., Craighero L. The mirror-neuron system. *Annu. Rev. Neurosci.* 2004;(27):169–192.
27. Carmody Tim. Without Jobs as CEO, Who speaks for the Arts at Apple? *Wired*, Aug. 29, 2011.
28. Garreau J. *Radical evolution: The promise and peril of enhancing our minds, our bodies—and what it means to be human*. New York: Broadway Books; 2005:11, 20.
29. Habermas J. *On the pragmatics of social interaction: Preliminary studies in the theory of communicative action*. Cambridge, MA: The MIT Press; 2001.
30. Dijk T. van. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London; 1998.
31. McCloskey D. *The Rhetoric of Economics*. University of Wisconsin Press; 2000.
32. North D. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press; 2005.
33. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Business; 2012.

REFERENCES

1. Gerasimov S.V. Mass holidays as a factor in the development of the social partnership. Thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. St. Petersburg: SPbGUKI; 2007. (In Russ.).
2. Gerasimov S.V. Mass holidays and social partnership. St. Petersburg: Aleteya; 2016. (In Russ.).
3. Tulchinsky G.L. *Total Branding: The mythology of the post-informational society*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2013. (In Russ.).
4. Malinova O. Yu. Symbolic politics: contours of the problem field. *Symbolic politics*. Issue. 1: Designing the notion of the past as an imperious resource. Moscow: INION RAS; 2012:24–33. (In Russ.).
5. Bergson H. *The Creative Mind: An Introduction to Metaphysics*. New York: Philosophical Library; 1946.

6. Whitehead A.N. *Essays in Science and Philosophy*. London: Philosophical Library; 1947.
7. Spinoza B. *Works*. In 2 vol. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg: Science; 1999. (In Russ.).
8. Heidegger, M. *Genesis and time*. Moscow: Ad Marginem; 1997. (In Russ.).
9. Badiou A. *Metapolitics: Can one think politics? A short treatise on metapolitics*. Moscow: Logos; 2005. (In Russ.).
10. Lotman M. Yu. *Structure of the artistic text*. Moscow: Publishing house "Art"; 1970. 383 p. (In Russ.).
11. Aristotle. *Metaphysics*. Moscow: Institute of Philosophy, theology and history of St. Foma; 2006. (In Russ.).
12. Tulchinsky G. L. Explanation in political science: constructivism vs positivism. *Public policy*. 2017;(1):76–98. (In Russ.).
13. Smorgunov L. V. Eventive political knowledge and its significance for contemporary comparative political science. *Policy. Political studies*. 2011;(1):123. (In Russ.).
14. Nancy Zh. *Being is the only plural*. Minsk: Logvinov; 2004. (In Russ.).
15. Zolyan S. T. "Repeatability" of events in historical discourse: semantics and pragmatics. Representation of events. Integrative approach from the standpoint of cognitive sciences. Moscow: Languages of Slavic culture; 2017:186–208. (In Russ.).
16. Sewell W., Jr. *Logics of History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago: University of Chicago Press; 2005.
17. Fyure F. *The Comprehension of the French Revolution*. St. Petersburg: Inapress; 1998. (In Russ.).
18. Markov B. V. *The concept of political*. Moscow: ROSSPEN; 2007. (In Russ.).
19. Aksenovsky D. I. The political event as a saving and limit of power: An experience of categorisation. *Herald of the RSUH*. 2008;(1):25–35. (In Russ.).
20. Filippov A. F. The space of political events. *Policy*. 2005;(2):6–25. (In Russ.).
21. Koopmans R., Statham P. Political Claims-Analysis: Integrating Protest Event and Political Discourse Approaches. *Mobilisation: The International Journal of Research and Theory about Social Movements, Protest and Collective Behavior*. 1999;4(2).
22. Ernst V., Hans F. Hannah Arendt and the Method of Political Thinking. *Social Research*. 1997;44(1):164.
23. Tresch A., Sciarini P., Varone F. The Relationship between Media and Political Agendas: Variations across Decision-Making Phases. *West Eur. Polit.* 2013; 36(5):897–918.
24. Gerasimov S. V. Some trends in human development. *Philosophical sciences*. 2015;(3):133–137. (In Russ.).
25. Hartmann N. *Zur Grundlegung der Ontologie*. Berlin: De Gruyter; 1935.
26. Rizzolatti G., Craighero L. The mirror-neuron system. *Annu. Rev. Neurosci.* 2004;(27):169–192.
27. Carmody Tim. Without Jobs as CEO, Who speaks for the Arts at Apple? *Wired*, Aug. 29, 2011.
28. Garreau J. *Radical evolution: The promise and peril of enhancing our minds, our bodies—and what it means to be human*. New York: Broadway Books; 2005:11(20).
29. Habermas J. *On the pragmatics of social interaction: Preliminary studies in the theory of communicative action*. Cambridge, MA: The MIT Press; 2001.
30. Van Dijk T. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London; 1998.
31. McCloskey D. *The Rhetoric of Economics*. University of Wisconsin Press; 2000.
32. North D. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press; 2005.
33. Acemoglu D., Robinson J. A. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Business; 2012.

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-59-65
УДК 303.722.22:332.143(045)

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Матковская Оксана Григорьевна,

канд. экон. наук, доцент,

заместитель декана факультета финансов и банковского дела, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

matkovskaya_ksu@mail.ru

Сидорович Ксения Юрьевна,

студентка 4-го курса факультета финансов и банковского дела, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

ksyusha97@hotmail.com

Аннотация. Предметом исследования авторов статьи является система показателей, комплексно отражающая социально-экономическое развитие регионов Республики Беларусь. Авторами на основании определенного набора показателей, комплексно отражающих социально-экономическое положение отдельных территорий Республики Беларусь, построены интегральные характеристики, по значениям которых территории размещены в пространстве латентных факторов, и проведен анализ их социально-экономической дифференциации. Построение произведено на основе приложения факторного анализа интегральной характеристики, вбирающей в себя весь набор исходных социально-экономических признаков, для последующего изучения дифференциации областей Республики Беларусь по исследуемому процессу. Исследование базируется на применении многомерных статистических методов, а именно – факторного анализа. Практическая значимость исследования состоит в расширении возможности сравнения территорий по социально-экономическим параметрам развития. Предложенные аспекты построения интегральных характеристик оценки состояния социально-экономического развития позволят определить направления совершенствования социальной политики для решения выявленных проблем дифференциации на отдельных территориях.

Ключевые слова: факторный анализ; центроидный метод; дифференциация; графическая интерпретация; матрица; регионы Республики Беларусь

FACTOR ANALYSIS OF SOCIO-ECONOMIC DIFFERENTIATION OF THE REGIONS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Oksana G. Matkovskaya,

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,

Deputy Dean of the Faculty of Finance and Banking

Belarusian State Economic University

Minsk, Republic of Belarus

matkovskaya_ksu@mail.ru

Kseniya Yu. Sidorovich,

4th-year student of the Faculty of Finance and Banking

Belarusian State Economic University

Minsk, Republic of Belarus

ksyusha97@hotmail.com

Abstract. Subject. In the article, based on a certain set of indicators, comprehensively reflecting the socio-economic situation of individual territories of the Republic of Belarus, we constructed integral characteristics, according to which the territories are located in the space of latent factors, and analysed their socio-economic differentiation. The subject of the study is a system of socio-economic indicators that comprehensively reflect the socio-economic development of the regions of the Republic of Belarus.

Goal. Construction based on the application of factor analysis of the integral characteristic, which includes the entire set of initial socio-economic characteristics, for the subsequent study of the differentiation of the regions of the Republic of Belarus in the process under study.

Methods. We based our study on the multidimensional statistical methods, namely, factor analysis.

Results. The practical importance of the study consists of the expansion of the possibility of comparing the territories by socio-economic development parameters.

Conclusions. The proposed aspects of constructing integral characteristics of assessing the state of socio-economic development will allow us to determine the directions for improving social policy to solve the identified problems of differentiation in individual territories.

Keywords: factor analysis; centroid method; differentiation; graphic interpretation; matrix; regions of the Republic of Belarus

Вопросам изучения уровней социально-экономического развития населения во все времена уделялось большое внимание. Важнейшей задачей такого рода изучения является выявление закономерностей изменения основных показателей, характеризующих и реально отражающих уровень социально-экономического развития. Для этого проводятся исследования, охватывающие как всю страну, так и отдельные ее регионы, что позволяет проследить различия в уровне жизни в зависимости от социальных и экономических условий проживания на отдельных территориях.

Уровень ВВП, ВНП, экспорта, импорта, общее состояние экономики в условиях кризиса, уровень здоровья населения, уровень безработицы, условия для ведения предпринимательской деятельности и многие другие показатели учитываются при определении рейтинга страны на международном уровне. Например, один из таких мировых рейтингов-исследований опубликовала британская некоммерческая организация The Legatum Institute* (<http://www.prosperity.com/>). Рейтинг «наиболее про-

цветающих государств мира» составлялся с учетом ряда экономических и социальных показателей (89 критериев оценки).

Другим показателем оценки является рейтинг стран мира по уровню счастья (World Happiness Report) — исследовательский проект международной программы «Сеть решений устойчивого развития» при Организации Объединенных Наций (UN Sustainable Development Solutions Network), который измеряет показатель счастья населения в странах мира (<http://worldhappiness.report/>).

Именно с целью повышения качества жизни населения по сравнению с развитыми странами мира была разработана программа «Социально-экономическое развитие Республики Беларусь на 2016–2020 гг.». Однако для того, чтобы улучшить тот или иной регион, необходимо дать справедливую оценку его положению относительно других областей страны.

В нашем исследовании для анализа исходной системы показателей, характеризующих социально-экономическое положение областей Республики Беларусь и отдельно — города Минска, был применен факторный анализ.

Теоретической основой для исследования послужило предварительное ознакомление с исследуемой проблемой и методами ее изучения в учебных

* Индекс процветания Института Legatum (The Legatum Prosperity Index) — комбинированный показатель британского аналитического центра The Legatum Institute, который измеряет достижения стран мира с точки зрения их процветания.

Таблица 1 / Table 1

Система показателей социально-экономической дифференциации регионов Республики Беларусь / System of indicators of socio-economic differentiation of the regions of the Republic of Belarus

X_1	Уровень малообеспеченного населения (в % от общей численности населения)
X_2	Удельный вес занятого населения региона в общей численности занятого населения по республике
X_3	Уровень зарегистрированной безработицы (в % к общей численности рабочей силы)
X_4	Реально располагаемые денежные доходы населения (в рублях)
X_5	Уровень задолженности по кредитам, выданным банками физическим лицам (в % от общей суммы задолженности по республике)
X_6	Коэффициент пенсионной нагрузки (отношение численности пенсионеров к численности населения трудоспособного возраста)
X_7	Удельный вес потребительских расходов в общей сумме денежных расходов населения
X_8	Обеспеченность населения жильем (m^2 общей площади на 1 жителя)
X_9	Обеспеченность населения легковыми автомобилями (на 1000 человек, штук)

Источник: разработано авторами.

пособиях как белорусских [1], так и зарубежных авторов [2–6].

При анализе использовались статистические данные, полученные с сайта Национального статистического комитета Республики Беларусь, которые и послужили информационной базой исследования (<http://belstat.gov.by>).

С целью изучения социально-экономической дифференциации регионов Республики Беларусь авторами была составлена система аналитических показателей (табл. 1), отвечающая принципу комплексного подхода в анализе.

Выбор показателей осуществлялся на основании следующих критериев:

- международная система оценки;
- влияние на ВВП;
- влияние на уровень и качество жизни населения.

В нашем исследовании показатели были интегрированы с применением факторного анализа (центроидный метод Л. Терстоуна), который используется в качестве упрощенного аппроксимационного расчета метода главных факторов (<http://statsoft.ru/home/textbook/modules/stfacan.html>).

В процессе компьютерной обработки данных в ППП Statistica были вычислены собственные значения главных факторов, дисперсии главных факторов, их доли в общей дисперсии, накопленный процент дисперсии (табл. 2).

В нашем случае первые главные факторы несут достаточно высокую информационную нагрузку,

при этом потребность в изучении других главных факторов отпадает. В частности, F_1 объясняет около 70% общей дисперсии элементарных признаков, F_2 — около 17% общей дисперсии признаков.

Связь между общим фактором и переменной характеризуется факторной нагрузкой, которая равна коэффициенту корреляции между ними. Матрицы факторных нагрузок главных факторов F_1, F_2 представлены в табл. 3.

Матрица A отражает, насколько те или иные социально-экономические показатели повлияли на выявление латентных факторов F_1 и F_2 . Для матрицы A выполняется следующее условие: $A'A = \lambda$, т.е. $\sum a_{jr}^2$, или

$$\sum a_{j1}^2 = 6,288763;$$

$$\sum a_{j2}^2 = 1,490280.$$

Исчисленная матрица факторных нагрузок (A) (см. табл. 3) дает основание для записи следующего уравнения связи:

$$F_1 = 1 / 6,289 (0,855 Z_{11} - 0,909 Z_{12} + 0,885 Z_{13} - 0,964 Z_{14} - 0,910 Z_{15} + 0,909 Z_{16} + 0,876 Z_{17}).$$

Между F_1 и признаками $X_1 - X_7$ наблюдается тесная связь. Наибольший вклад в величину F_1 вносит признак X_4 — реально располагаемые денежные доходы населения. Большой удельный вес имеют также признаки X_2 — удельный вес занятого населения региона в общей численности занятого населе-

Таблица 2 / Table 2

Собственные значения факторов и их вклад в дисперсию признаков (коэффициенты) / The intrinsic values of the factors and their contribution to the variance of the characteristics (coefficients)

	F_1	F_2
Собственные значения факторов (λ_{1j})	6,288763	1,490280
Вклад фактора в дисперсию признаков ($\sum a_{1j}^2$)	0,698751	0,165587

Источник: разработано авторами.

Таблица 3 / Table 3

Матрица факторных нагрузок (A) (коэффициенты) / The matrix of factor loads (A) (coefficients)

X_n	F_1	F_2
X_1	0,854848	-0,237257
X_2	-0,908804	-0,162279
X_3	0,885181	-0,151004
X_4	-0,963803	-0,002618
X_5	-0,910296	-0,272750
X_6	0,909265	0,311049
X_7	0,875971	-0,278246
X_8	0,676143	0,711728
X_9	-0,373782	0,793551

Источник: разработано авторами.

ния по республике; X_5 — уровень задолженности по кредитам, выданным банками физическим лицам (в % от общей суммы задолженности по республике); X_6 — коэффициент пенсионной нагрузки (отношение численности пенсионеров к численности населения трудоспособного возраста).

Распределение знаков в полученном уравнении для F_1 абсолютно логично: рост уровня малообеспеченности населения (X_1), рост уровня зарегистрированной безработицы (X_3), увеличение коэффициента пенсионной нагрузки (X_6), рост удельного веса потребительских расходов в общей сумме денежных расходов населения (X_7) приводят к снижению благосостояния населения. В свою очередь, рост удельного веса занятого населения региона в общей численности занятого населения по республике (X_2), увеличение реально располагаемых денежных доходов населения (X_4), повышение уровня задолженности по кредитам, выданным банками физическим лицам (X_5), приводят к повышению социальной стабильности. Следует также отметить, что F_1 с X_2, X_4, X_5 имеет обратную связь.

В результате такого распределения значений факторных нагрузок и знаков при каждом признаке, включенном в анализ, есть все основания интерпретировать первый выявленный фактор F_1 как «снижение социальной стабильности».

Факторные нагрузки по второму обобщенному признаку F_2 (уровень обеспеченности населения материальными ресурсами) распределились следующим образом:

$$F_2 = 1 / 1,49 (0,712 Z_{28} - 0,794 Z_{29}).$$

Из уравнения следует, что увеличение уровня обеспеченности населения материальными ресурсами отражается на росте обеспеченности населения жильем (X_8) и легковыми автомобилями (X_9).

Таким образом, второй латентный фактор F_2 интерпретируем как «уровень обеспеченности населения материальными ресурсами».

Расчет матрицы значений обобщающих признаков (F_{ij}) дает возможность представления распре-

Таблица 4 / Table 4

Матрица оценок элементов собственного вектора (коэффициенты) / The matrix of estimates of elements of an eigenvector (coefficients)

№	Область	F_1	F_2
1	Брестская	0,25369	0,04746
2	Витебская	0,68979	-0,50542
3	Гомельская	0,54695	-1,20641
4	Гродненская	0,09835	1,406
5	г. Минск	-2,20994	-0,56005
6	Минская	-0,00369	1,22446
7	Могилевская	0,62485	-0,40605

Источник: разработано авторами.

Социально-экономическая дифференциация регионов Республики Беларусь в 2016 г. (коэффициенты) / Socio-economic differentiation of the regions of the Republic of Belarus in 2016 (coefficients)

Источник: разработано авторами.

деления значений выявленных факторов в разрезе наблюдаемых территорий (табл. 4).

На основании распределения значений факторов каждую исследуемую территорию (область) можно представить на координатной плоскости. Графическое расположение областей позволяет говорить о наличии дифференциации среди регионов Республики Беларусь относительно друг друга по значениям исследуемых признаков (см. рисунок).

На рисунке можно выделить две группы областей и три аномальных объекта.

В первую группу вошли Минская и Гродненская области. У данной совокупности наблюдает-

ся наибольшее значение по фактору F_1 «уровень обеспеченности материальными ресурсами». Значения фактора можно объяснить, например, уровнем рождаемости. На уровне Республики Беларусь Гродненская и Минская области занимают 1- и 3-е места соответственно. Следовательно, можно сделать предположение о высоком уровне выплат пособий, субсидий, выдаче льготного жилья. Кроме того, Минскую и Гродненскую области существенно отделяет от других регионов показатель «Индексы инвестиций в основной капитал» (1- и 2-е места). Можно сделать вывод о том, что на данных территориях наблюдается

приток денежных средств, обеспечивающий рост доходов населения.

В целом по Республике Беларусь очень велик удельный вес пенсионеров. Исключением является столица — город Минск, который и выделился среди других в качестве аномального объекта.

Ко второй группе целесообразно отнести Могилевскую и Витебскую область. Данная совокупность объектов обладает самым низким уровнем социальной стабильности (F_2). Объяснений такой дифференциации может быть несколько:

- за 2016 г. Могилевская и Витебская области имеют самые высокие коэффициенты смертности;
- одним из важнейших показателей состояния региона является ВРП (валовой региональный продукт). По Витебской и Могилевской областям он является самым низким (7496,1 и 6841,2 млн руб. соответственно).

Данную совокупность областей отличает и достаточно низкий уровень обеспеченности материальными ресурсами, что объясняется следующими показателями:

- низкий коэффициент рождаемости по сравнению с другими регионами;
- самые высокие значения естественной убыли населения;
- самые низкие показатели инвестиций в основную капитал.

Кроме описанных совокупностей представляется возможным выделить три аномальных объекта — г. Минск, Гомельскую и Брестскую области.

Город Минск выгодно отличается от всех других объектов — он обладает самым высоким уровнем социальной стабильности (F_2). Данный факт вполне поддается объяснению:

- В городе сосредоточена значительная часть кредитно-финансовых организаций, банковских учреждений, предприятий, где есть большое количество рабочих мест. Как следствие — город Минск обладает самым низким уровнем безработицы по республике.

Именно на город Минск приходятся самые большие значения экспорта и импорта товаров (8139,5 и 10812,0 млн долл. США), что объясняет высокие показатели доходов населения. Как уже было сказано, в столице сосредоточена большая часть финансового сектора экономики, участие в котором приносит населению максимальный доход.

В Минске наблюдается высокоскоростное, по сравнению с другими регионами, внедрение

результатов научно-технического процесса, что способствует росту доходов и снижению удельного веса малообеспеченных граждан.

- В Минске высокий уровень естественного прироста населения, что также сказывается на уровне социальной стабильности (2,7 на 1000 человек населения). Также в Минске самое маленькое значение удельного веса населения старше трудоспособного возраста (22,6% к общей численности населения).

Однако по уровню обеспеченности материальными ресурсами (F_1) Минск занимает далеко не первые позиции. Это происходит из-за высокой плотности населения (20% всех жителей страны) и большого количества людей, с одной стороны, и ограниченности ресурсов (например, того же жилья) — с другой.

Вторым аномальным объектом будем считать Брестскую область. Данный регион можно назвать «медианным». Показатели его функционирования не являются критическими.

Третьим аномальным объектом стала Гомельская область. Если говорить об уровне социальной стабильности (F_2), то по данному фактору объект не обладает «худшим» расположением, уступая Витебской и Могилевской областям. Однако фактор F_1 «уровень обеспеченности населения материальными ресурсами» привел Гомельскую область к полному «упадку» относительно других объектов. В Гомельской области сумма денежных доходов в расчете на душу населения является самой низкой по республике (417,7 руб.). Конечно, нельзя не упомянуть о трагедии на Чернобыльской АЭС, сказавшейся на развитии территории Гомельской области: 64,1% территории считаются загрязненными, что влияет на обеспеченность населения жильем.

Приложение методов факторного анализа при изучении существующей дифференциации регионов в Республике Беларусь по социально-экономическому развитию позволило прийти к следующим выводам:

1. В результате обобщения исходной группы показателей выявлены два латентных фактора, суммарный вклад которых составляет порядка 80 и более процентов общей дисперсии.

2. Между факторами и объясняющими признаками наблюдается как прямая, так и обратная зависимость. Рост одних показателей приводит к увеличению значений факторов, а рост других — к их уменьшению.

3. Графическое отображение объектов (шести областей Республики Беларусь и г. Минска) в фак-

торном пространстве позволило более четко определить дифференциацию регионов Республики Беларусь относительно друг друга.

4. По уровню обеспеченности материальными ресурсами (F_1) 1-е место заняла Гродненская область, последнее — Гомельская.

5. Наилучшими характеристиками по значению фактора F_2 «социальная стабильность» обладает город Минск, наихудшими — Витебская область.

Таким образом, предложенная классификация позволила сделать определенные шаги в решении построения образа. Так, появилась возможность выделить типы с различающимся уровнем социально-экономического развития.

В то же время нельзя не указать на наличие определенной неоднородности в пространственном размещении наблюдаемых объектов. Такого рода неоднородность состава групп регионов объясняется в основном различием значений обо-

бщенных факторов, характеризующих социально-экономическое положение. При этом в некоторых областях рост экономических и социальных показателей происходит более быстрыми темпами, что, в свою очередь, становится следствием наиболее выгодного положения данных регионов относительно других объектов в пространстве латентных факторов, отражающих социально-экономическое положение.

С учетом выявленных тенденций развития регионов можно сделать вывод, что централизованное управление должно быть в первую очередь ориентировано на комплексное решение задач экономического и социального характера. Проведенное исследование дифференциации территорий по уровню социально-экономического развития может значительно повысить результативность социальных мероприятий, направленных на стабилизацию социально-экономического положения регионов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сошникова Л.А. Многомерные статистические методы. Учебное пособие. Минск: БГЭУ; 2015. 198 с.
2. Блюмин С.Л., Суханов В.Ф., Чеботарев С.В. Экономический факторный анализ. Монография. Липецк: ЛЭГИ; 2004. 148 с.
3. Коптева Е.П. Факторный анализ стоимостно-ориентированной финансовой политики предприятия. Монография. М.: Креативная экономика; 2012. 160 с.
4. Колодежная М.Ю., Лимарева Ю.А. Анализ показателей социально-экономического развития зарубежных стран. Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. XVII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2014;2(17):96–105. URL: [http://sibac.info/archive/economy/2\(17\).pdf](http://sibac.info/archive/economy/2(17).pdf) (дата обращения: 12.07.2018).
5. Невидомская И.А., Якубова А.М. Применение факторного анализа при исследовании экономических процессов. *Современные наукоемкие технологии*. 2013;(6):81–83. URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=31992> (дата обращения: 12.07.2018).
6. Чернов С.С. Факторы устойчивого развития регионов. Монография. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества; 2013. 157 с.

REFERENCES

1. Soshnikova L.A. Multivariate statistical methods. A tutorial. Minsk: BSEU; 2015. 198 p. (In Russ.).
2. Blyumin S.L., Sukhanov V.F., Chebotaryov S.V. Economic factor analysis. Monograph. Lipetsk: LEGI; 2004. 148 p. (In Russ.).
3. Kopteva E.P. Factor analysis of the cost-oriented financial policy of the enterprise. Monograph. Moscow: Kreativnaya ekonomika; 2012. 160 p. (In Russ.).
4. Kolodezhnaya M. Yu., Limareva Yu.A. Analysis of indicators of social and economic development of foreign countries. In: Scientific community of students of the XXI century. Economics: a collection of articles on the materials of the XVII International Student Scientific and Practical Conference. 2014;2(17):96–105. URL: [http://sibac.info/archive/economy/2\(17\).pdf](http://sibac.info/archive/economy/2(17).pdf) (accessed 12.07.2018). (In Russ.).
5. Nevidomskaya I.A., Yakubova A.M. The use of factor analysis in the study of economic processes. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 2013;(6):81–83. URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=31992> (accessed 12.07.2018). (In Russ.).
6. Chernov S.S. Factors of sustainable development of regions: Monograph. Novosibirsk: Center for the development of scientific cooperation; 2013. 157 p. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-66-70
УДК 323(045)

ПЕРСПЕКТИВЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шорохов Вячеслав Евгеньевич,

аспирант факультета государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, Новосибирск, Россия
v-shorohov@list.ru

Аннотация. Несмотря на возрастающий интерес и актуальность проблемы антикоррупционной подготовки и переподготовки государственных и муниципальных служащих как превентивной меры противодействия этому явлению в органах государственной власти и местного самоуправления, в отечественной науке остается недостаточно изученными некоторые основополагающие направления. Например, необходимость и специфика создания выделенных подразделений в составе вузов, осуществляющих такой вид подготовки для указанной категории на постоянной основе. В научной статье анализируются перспективные направления современной государственной антикоррупционной политики в России. Рассматриваются существующие проблемы и обосновывается необходимость внедрения антикоррупционного образования для полноценной подготовки государственных и муниципальных служащих. Подчеркивается актуальность разработки методических и методологических основ подготовки данной категории и приводится ряд рекомендаций по совершенствованию существующей системы. Безусловно, рассмотренный перечень направлений государственной антикоррупционной политики далеко не исчерпывающий, так как каждое приведенное направление требует последовательной и детальной научной разработки, что предполагает перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; государственная антикоррупционная политика; антикоррупционное образование; антикоррупционная подготовка государственных и муниципальных служащих

PROSPECTS OF ANTI-CORRUPTION POLICY IN CONTEMPORARY RUSSIA

Vyacheslav E. Shorokhov,

Postgraduate student of the Faculty of State and Municipal Management of the Siberian Institute of Management – RANHiGS branch, Novosibirsk, Russia
v-shorohov@list.ru

Abstract. Despite the growing interest and urgency of the problem of anti-corruption training and retraining of state and municipal employees, as a preventive measure of counteraction to this phenomenon in government bodies and local self-government, certain basic directions remain insufficiently studied in domestic science. For example, the need and specificity of the establishment of dedicated units within the universities that carry out this type of training for this category on an ongoing basis. The scientific article analyses perspective directions of the modern state anti-corruption policy in Russia. The author considered the existing problems and justified the necessity of introducing anti-corruption education for the full training of state and municipal employees. Also, the author emphasised the urgency of the development of methodological and methodological bases for the preparation of this category and gave some recommendations are for improving the existing system. Undoubtedly, the list of directions of state anti-corruption policy is far from exhaustive, since each of these directions requires consistent and detailed scientific development, which implies the prospects for further research.

Keywords: corruption; anti-corruption; state anti-corruption policy; anti-corruption education; anti-corruption preparation of state and municipal employees

Проблема коррупции является серьезным препятствием реализации поддержки государственной власти со стороны гражданского общества. Процессы борьбы с коррупцией и реформирования системы государственного управления и государственной службы неотделимы, имеют множество точек соприкосновения (совершенствование законодательства, развитие государственного и общественного контроля, гласности, развитие институтов административной и профессиональной этики и др.), в том числе и в сфере подготовки антикоррупционно-устойчивых кадров государственной и муниципальной службы.

В законодательстве ряда субъектов России антикоррупционное образование прямо закреплено в качестве одного из инструментов профилактики коррупции (Республика Татарстан, Удмурдская, Чувашская Республики, Калужская, Новгородская, Мурманская области и др.) [1].

В региональных нормативных правовых актах антикоррупционное образование понимается как целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, основанного на дополнительных общеобразовательных и профессиональных образовательных программах, реализуемых в образовательных учреждениях среднего общего и высшего образования для решения задач формирования антикоррупционного мировоззрения, повышения уровня правосознания и правовой культуры, а также подготовки и переподготовки специалистов соответствующей квалификации.

Формируя систему эффективной антикоррупционной подготовки государственных и муниципальных служащих, необходимо учитывать опыт зарубежных государств в данной сфере. В первую очередь положительный опыт преобразования в сфере государственного управления в странах, добившихся успехов в исследуемой области, опирался на социальные факторы.

Антикоррупционная подготовка служащих рассматривается за рубежом как деятельность по предупреждению преступных коррупционных проявлений, направленная на уменьшение, устранение, недопущение или нейтрализацию факторов, ее вызывающих [2]. Особенности

выбора методов антикоррупционной подготовки государственных служащих в зарубежных странах уникальны и зависят не только от экономических и социально-политических условий, но и обычаев, традиций отдельных государств, территориальных и национальных особенностей, роли религии в регулировании общественных процессов. Крупные государства с федеративным устройством, как правило, особое внимание уделяют общему просвещению населения, повышению уровня антикоррупционного образования сотрудников правоохранительных органов и муниципальных органов власти. Государства с небольшой численностью населения сосредотачивают усилия на повышении антикоррупционной подготовки федеральных органов [3].

Формируя систему эффективной антикоррупционной подготовки государственных и муниципальных служащих, необходимо учитывать опыт зарубежных государств в данной сфере. В первую очередь положительный опыт преобразования в сфере государственного управления в странах, добившихся успехов в исследуемой области, опирался на социальные факторы.

Анализ всех приемов, методов и способов антикоррупционной подготовки государственных и муниципальных служащих и прочих категорий граждан в зарубежных странах позволяет выделить различные ее методы: классические лекции, курсы, тренинги, проведение презентаций и конференций, конкурсов, обширная просветительская деятельность (изготовление печатных материалов, аудио- и видеофильмов тематической направленности); эффективные формы практического обучения: заполнение опросников, выполнение интерактивных и ролевых заданий, обсуждение кейсов, исполнение реальных практических заданий в рамках практики и стажировки в специализированных органах по

борьбе с коррупцией; методы научной работы: теоретические исследования, групповые и пленарные дискуссии. В развитых странах особое внимание в государственной антикоррупционной политике уделяется довузовской антикоррупционной подготовке, причем на этапах как средней, так и начальной школы, а также общественной пропаганде, что, по мнению автора, является целесообразным реализовать системно и в России [4].

Приоритетными направлениями финансирования системы подготовки государственных и муниципальных служащих должны стать обеспечение введения обязательных учебных программ по предотвращению коррупции и противодействия ей для учащихся по направлениям подготовки, связанным с государственной и муниципальной службой.

Проблема отсутствия нормативного закрепления понятия антикоррупционной подготовки государственных и муниципальных служащих в российском законодательстве является основополагающей в исследуемой области, поскольку обуславливает ограничение возможности комплексного формирования антикоррупционного правосознания на всех уровнях публичной власти [5, 6].

Рассматривая существующие проблемы антикоррупционной подготовки государственных и муниципальных служащих, необходимо остановиться также на том, что ее эффективность возможна только при условии достаточности финансирования. Ежегодные бюджеты федерального и регионального уровня должны содержать предметные расходы на образовательные мероприятия профильных высших учебных заведений, реализацию соответствующих государственных и региональных программ, информационную поддержку.

Приоритетными направлениями финансирования системы подготовки государственных

и муниципальных служащих должны стать обеспечение введения обязательных учебных программ по предотвращению коррупции и противодействия ей для учащихся по направлениям подготовки, связанным с государственной и муниципальной службой (на всех этапах обучения), а также введение на базе профильных высших учебных заведений подразделений, занимающихся не только образовательной деятельностью (реализацией соответствующих учебных программ), но и научно-практическими вопросами противодействия коррупции. В данном направлении развития системы антикоррупционной подготовки служащих проявляется также важный для реализации государственной антикоррупционной политики аспект — федеральная и региональная поддержка учебных заведений.

Одновременно с развитием финансовой поддержки антикоррупционной подготовки государственных и муниципальных служащих следует решать проблемы сотрудничества учебных заведений с органами, осуществляющими практическую деятельность в данной сфере (организация практических занятий, стажировок, прохождения учебных и производственных практик студентов профильных учебных заведений, привлечение специалистов организаций, учреждений и органов власти, осуществляющих антикоррупционную деятельность, к антикоррупционному просвещению и т.д.).

В учебные программы дисциплин, преподаваемых по специальности «Государственное и муниципальное управление», и так или иначе связанных с антикоррупционной деятельностью, следует включать соответствующие разделы. В планы обучения по данной специальности, по различным формам обучения (в том числе дополнительной подготовки) необходимо ввести специальные курсы, отражающие специфику антикоррупционной деятельности в отдельных органах и организациях государственной и муниципальной службы.

Полноценная реализация антикоррупционной подготовки государственных и муниципальных служащих, включающая организацию и осуществление образования по различным формам, просвещение, научно-практическую деятельность и т.д., может быть осуществлена в рамках специально созданных подразделений в структуре высших учебных заведений.

Данные подразделения могут быть созданы в различных формах в зависимости от того, какие функции они исполняют и в каких направлениях ведут деятельность. Преимущественные направления деятельности выделенного структурного подразделения по антикоррупционной подготовке государственных и муниципальных служащих — учебно-практическая и учебно-научная. В его рамках должна осуществляться, прежде всего, вузовская подготовка будущих служащих (обучение, воспитание, просвещение, мотивация к практической и исследовательской работе), дополнительное профессиональное образование действующих служащих, повышение квалификации. Кроме того, подразделением могут предоставляться консультационные услуги, вестись научные и исследовательские работы и т.д.

Разрешение проблемы содержания учебных программ антикоррупционной направленности для государственных и муниципальных служащих возможно посредством включения в них материалов по выделенным ниже направлениям:

- общая антикоррупционная подготовка — получение теоретических знаний в исследуемой области и должных этико-ценностных ориентаций слушателей, а также формирование устойчивых внутренних ограничителей, препятствующих совершению коррупционных поступков;
- правовая подготовка — уяснение прав и обязанностей различных субъектов, деятельность которых непосредственно связана с противодействием коррупции и в большей степени ей подвержена, закрепление знаний законодательства как основания ответственности за коррупционные правонарушения и предупреждения возникновения соответствующих рисков;
- практическая подготовка — формирование и развитие практических навыков антикоррупционной деятельности обучающихся;
- управленческая подготовка — приобретение знаний и навыков организации антикоррупционной деятельности с учетом специфики отдельных государственных и муниципальных органов.

Следует обратить внимание и на содержательную часть подготовки государственных и муниципальных служащих в части подготовки и разработки нормативных правовых

актов, а также подзаконных актов, отвечающих требованиям антикоррупционной экспертизы. В данном случае речь идет о подготовке специалистов в сфере нормотворчества с учетом особенностей проведения антикоррупционной экспертизы, которые в дальнейшем будут формировать кадровый состав органов государственной власти и местного самоуправления [7].

Следует обратить внимание и на содержательную часть подготовки государственных и муниципальных служащих в части подготовки и разработки нормативных правовых актов, а также подзаконных актов, отвечающих требованиям антикоррупционной экспертизы.

В ходе проведенного исследования необходимости полноценной антикоррупционной подготовки государственных и муниципальных служащих как важнейшего направления государственной антикоррупционной политики получены следующие результаты:

- выделены ключевые проблемы антикоррупционной подготовки государственных и муниципальных служащих;
- рассмотрены этапы интеграции специального антикоррупционного образования в системе высшего профессионального образования государственных и муниципальных служащих;
- разрешение проблемы содержания учебных программ антикоррупционной направленности для государственных и муниципальных служащих предложено осуществить посредством включения в них материалов по четырем основным направлениям: общая антикоррупционная подготовка, правовая подготовка, практическая и управленческая подготовка;
- обоснована важность создания выделенных подразделений по антикоррупционной подготовке служащих в профильных вузах как необходимое направление государственной антикоррупционной политики.

Как подчеркивают некоторые исследователи, в последние годы Правительство России взяло строгий курс на деофшоризацию российской экономики [8, с. 179], что, на наш взгляд, также будет способствовать полноценному финансированию

развития государственной антикоррупционной политики по рассмотренным направлениям и созданию выверенной национальной системы антикоррупционной подготовки государственных и муниципальных служащих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бикеев И. И., Кабанов П. А. Антикоррупционное образование в России: состояние и перспективы. *Вестник Волгоградского института бизнеса. Бизнес. Образование. Право.* 2013;3(13):178–188.
2. Глухова А. А., Красикова О. Г., Шпилев Д. А. Об опыте предупреждения коррупции за рубежом на современном этапе. *Актуальные проблемы экономики и права.* 2015;(3):195–201.
3. Бутков А. В. Зарубежный опыт повышения уровня антикоррупционного правосознания граждан. *Актуальные проблемы экономики и права.* 2015;1(33): 225–232.
4. Шорохов В. Е., Савинов Л. В. Восприятие антикоррупционного опыта зарубежных стран как гарант прав человека в России. *Сибирский международный.* 2017;(19):170–173.
5. Шорохов В. Е. Правосознание как антикоррупционная категория. *Государственная власть и местное самоуправление.* 2018;(8):50–54.
6. Шорохов В. Е. Антикоррупционное правосознание в системе местного самоуправления. *Муниципальная служба: правовые вопросы.* 2018;(4):22–26.
7. Шорохов В. Е. Антикоррупционное образование государственных и муниципальных служащих. *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Ч. 2. 2016;12(66):207–209.
8. Мартынова А. А., Дегтярева О. С. Налоговая политика 2015–2017 гг. Деофшоризация российской экономики: обзор основных концепций. Проблемы антикризисного управления и экономического развития (ПАУЭР-2016): материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (27–31 октября 2016 г.). — Новосибирск: Изд-во СГУПС; 2017.

REFERENCES

1. Bickeyev I. I., Kabanov P. A. Anticorruption education in Russia: state and prospects. *Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. Biznes. Obrazovaniye. Pravo.* 2013;3(13):178–188. (In Russ.).
2. Glukhova A. A., Krasikova O. G., Shpilev D. A. On the experience of preventing corruption abroad at the present stage. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava.* 2015;(3):195–201. (In Russ.).
3. Butkov A. V. Foreign experience of increasing the level of anti-corruption legal consciousness of citizens. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava.* 2015;1(33):225–232. (In Russ.).
4. Shorokhov V. E., Savinov L. V. Perception of anti-corruption experience of foreign countries as a guarantor of human rights in Russia. *Sibirskiy mezhdunarodnyy.* 2017;(19):170–173. (In Russ.).
5. Shorokhov V. E. Legal conscience as an anti-corruption category. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye.* 2018;(8):50–54. (In Russ.).
6. Shorokhov V. E. Anticorruption sense of justice in the system of local government. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovyye voprosy.* 2018;(4):22–26. (In Russ.).
7. Shorokhov V. E. Anticorruption education of state and municipal employees. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2016;12(66), part 2:207–209. (In Russ.).
8. Martynova A. A., Degtyareva O. S. The tax policy 2015–2017. De-offshoring of the Russian economy: A review of the main concepts. *Problemy antikrizisnogo upravleniya i ekonomicheskogo razvitiya (PAUER-2016): Materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (27–31 oktyabrya 2016 g.).* Novosibirsk: Publishing House of SSUEPS; 2017:178–182. (In Russ.).

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-71-76
УДК 346.26(045)

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ОТ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РФ

Дьячкова Ксения Юрьевна,

студентка Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет,
Москва, Россия
rctybz97@mail.ru

Честных Юлия Сергеевна,

студентка Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет,
Москва, Россия
julia.96tmb@yandex.ru

Зверева Татьяна Владимировна,

д-р социол. наук, профессор Департамента налоговой политики
и таможенно-тарифного регулирования, Финансовый университет,
Москва, Россия
tatzvevlad@mail.ru

Аннотация. В статье авторы раскрывают теоретические и практические основы интернет-предпринимательства. В работе представлены результаты авторского исследования мнения студентов московских университетов на предмет предпринимательства в сети. В статье отражена степень интегрированности молодежи в интернет-пространство, готовность студентов стать предпринимателями в сети, а также оценка текущей налоговой ситуации в стране. В результате анализа эмпирических данных были получены нормированные индексы: индекс опыта заработка в Интернете, индекс планирования начала предпринимательства в Интернете в ближайший год, индекс планирования официальной регистрации в случае начала интернет-предпринимательства. Проведен анализ ассоциаций студентов с предпринимательской деятельностью в Интернете, а также описан уровень налоговой грамотности молодежи. Результаты эмпирического исследования позволили оценить уровень социальных ожиданий потенциальных интернет-предпринимателей от налоговой системы Российской Федерации. Авторы отмечают важность образовательного аспекта для ведения предпринимательской деятельности в Интернете. Подчеркивается необходимость проведения дополнительного исследования, представляющего собой комплексную интерпретацию изучаемого явления, которое предоставит высшему руководству достоверную информацию для принятия объективных и взвешенных решений в целях развития предпринимательского сектора в стране и улучшения налоговых ориентаций у молодежи.

Ключевые слова: интернет-предпринимательство; потенциальные интернет-предприниматели; налоговая грамотность; молодежь; социальные ожидания

SOCIAL EXPECTATIONS OF THE PROSPECTIVE INTERNET ENTREPRENEURS ON THE TAX SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ksenya Yu. Dyachkova,

*Student, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
rctybz97@mail.ru*

Yulia S. Chestnykh,

*Student, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia
julia.96tmb@yandex.ru*

Tatyana V. Zvereva,

*Doctor of Sociology, Professor
Department of Tax Policy and Customs Tariff Regulation, Financial University, Moscow, Russia
tatzvevlad@mail.ru*

Abstract. *The article reveals both theoretical foundations of internet entrepreneurship and practical ones. Here we present the results of the author's research of students of Moscow universities on the subject of entrepreneurship in the network. The article reflects the degree of integration of young people in the internet space, the willingness of students to become entrepreneurs in the network, as well as an assessment of the current tax situation in the country. As a result of the analysis of the empirical data, we calculated normalised indexes such as the experience index of income on the internet, the planning index of the beginning of entrepreneurship on the internet in the coming year, the planning index officially registered in case of the start of the internet entrepreneurship. Besides the analysis of the associations of students with entrepreneurial activity on the internet we also describe the level of tax literacy of young people. The results of the empirical research allowed estimating the level of social expectations of potential internet entrepreneurs as concerns the tax system of the Russian Federation. The authors note the importance of the educational aspect of doing business on the internet. It emphasises the necessity of comprehensive interpretation of the phenomenon under consideration, which will provide top management with reliable information for making objective and balanced decisions to develop the entrepreneur sector in the country and improve the tax orientations of young people.*

Keywords: *internet-entrepreneurship; prospective entrepreneurs on the internet; tax literacy; the youth; social expectations*

В последние годы активно развиваются информационно-коммуникационные технологии, которые, в свою очередь, приводят к появлению новых форм экономической деятельности. Одной из таких форм является предпринимательство в Интернете. С одной стороны, организовать бизнес в Интернете достаточно просто: нет нужды в отдельном помещении под сам магазин непосредственно, — только склад при необходимости, что, в свою очередь, снижает затраты на приобретение и содержание внеоборотных активов [1]. С другой стороны, эта сфера дея-

тельности требует строгого контроля со стороны законодательства. На сегодняшний день предпринимательская деятельность в Интернете слабо изучена, отсутствует систематический подход к ее исследованию [2]. Вместе с тем объем электронного рынка в последние годы стремительно растет, соответственно, налоговое управление в этой сфере должно также развиваться.

В настоящий момент сильно выражена взаимосвязь виртуальной самозанятости и электронной коммерции, которая образует главным образом новые возможности решения таких

социальных задач как занятость населения, образование, развитие слабо развивающихся территорий, поддержка предпринимательства [3]. Поскольку молодые люди выступают как самая вовлеченная группа в информационно-коммуникационные технологии, становится актуальным изучение их социальных ожиданий от налоговой системы Российской Федерации как потенциальных интернет-предпринимателей.

Предпринимательство в Интернете — тот результат инновационного развития, который предсказывался в научных концептуальных схемах распространения инноваций в обществе [4]. При этом движущим фактором предпринимательства является мотивация, которая в большей степени определяется факторами процесса предпринимательской деятельности (поиск нового, возможности для проявления личностных качеств, борьба и преодоление препятствий на пути к успеху и т.д.) [5].

Особая роль отводится современными исследователями формированию благоприятного восприятия предпринимательской деятельности среди студентов. Так, ряд авторов, в частности Н. О. Чистякова, Г. Ю. Власов, уверены, что формирование у современной молодежи духа инновационного предпринимательства должно осуществляться в университетской среде [6]. Многие российские вузы обладают значительным инновационным потенциалом, который позволяет университетам стать площадкой для реализации разного рода молодежных предпринимательских проектов [7].

С целью изучения социальных ожиданий потенциальных интернет-предпринимателей в период с 19 по 29 октября 2018 г. было проведено эмпирическое исследование. Инструментарий исследования — анкета массового опроса. Анкета распространялась методом «снежного кома», на вопросы отвечали студенты из различных московских университетов. В исследовании приняли участие 202 столичных студента московских университетов, из них 30,7% обучаются в МГПУ, 26,7% — в Финансовом университете, 19,3% — в МГОУ, 15,3% — в Высшей школе экономики, остальные — в МГУ, МАДИ и др. Преимущественно были опрошены студенты-бакалавры гуманитарных, творческих и общественных профессий (31,7, 19,8, 18,3% соответственно). Также в опросе участвовали студенты, обучающиеся на математических

и технических профилях (6,4, 5,4%). Согласно гендерному распределению девушек было опрошено 76,2%, а молодых людей — 23,8%.

Изучение ожиданий потенциальных интернет-предпринимателей от налоговой системы предполагает анализ включенности молодежи в интернет-пространство. Исходя из результатов проведенного опроса, можно сделать вывод о высоком уровне интеграции опрошенных студентов в электронную сеть: 98% респондентов заявили, что используют Интернет ежедневно. Опыт интернет-предпринимательства был отмечен у 41,1% опрошенных студентов, из них 9,41% постоянно используют Интернет как платформу для получения финансовой выгоды. Примечательно, что 31,2% респондентов планируют начать предпринимательскую деятельность в электронной сети в ближайшие 12 месяцев.

Для дополнительной характеристики изучаемого явления был применен индексный метод. Индекс опыта заработка в Интернете составил 0,2525. Этот показатель, хоть и не является ярко выраженным, однако его весомость заключается в доказательстве включенности молодежи в опыт получения денежной выгоды в Интернете. Другой показатель — индекс планирования начала предпринимательства в Интернете в ближайший год — составил 0,3082. Это говорит о том, что треть студентов планируют заняться предпринимательской деятельностью в Интернете в скором времени, что является также весомым фактором. Благодаря вопросам-фильтрам, по мере заполнения анкеты, студенты, не планирующие начинать предпринимательскую деятельность в Интернете, были отсеяны. Таким образом, 63 студентам московских университетов было предложено оценить свой уровень включенности в интернет-среду, а также условия ведения предпринимательства в Интернете, учитывая специфику налоговой системы Российской Федерации. Студенты оценили каждый критерий по 10-балльной шкале, где 10 означало максимальный уровень включенности их в интернет-среду.

По полученным результатам были посчитаны средние оценки, затем все показатели были проранжированы (см. таблицу).

Социальные установки молодых людей на интернет-предпринимательство напрямую влияют на их готовность вести предпринима-

**Интегрированность потенциальных интернет-предпринимателей в профессиональную среду
(по 10-балльной шкале)**

Критерий интегрированности	Средняя оценка
Чтение профильной литературы, статей, журналов	4,97
Получение профильного образования (средне-специального и выше)	4,65
Прохождение дополнительных курсов, факультативов	3,95
Посещение профильных мероприятий, мастер-классов, форумов	3,79

тельную деятельность официально. Более половины молодых людей (66,7%) заявили о планах регистрироваться официально. Основная часть готова зарегистрироваться в качестве «ИП» (90,2%), оставшиеся 9,8% студентов планируют регистрироваться в качестве «ООО». Нормированный индекс о планах официальной регистрации составил 0,5476. Также в ходе исследования были получены результаты, говорящие о выборе системы налогообложения в случае официальной регистрации. Все результаты были распределены от наиболее популярных систем налогообложения к наименее популярным (рис. 1).

Исследование предполагало получение характеристики отечественной налоговой системы. Исходя из результатов анкетирования, 19,1% обучающихся заявили, что относятся положительно к налоговой системе страны, а 22,2% – отрицательно. Более половины опрошенных (58,7%) затруднились ответить на этот вопрос. Основная часть молодежи (66,7%) отрицает идею введения особой системы налогообложения для интернет-предпринимательства. Нормированный индекс оценки текущей ситуации в сфере налогообложения – 0,5 (рис. 2).

Последним этапом в блоке стал анализ ассоциаций с предпринимательской деятельностью у молодежи. Респонденты оценивали ассоциации по 5-балльной шкале. Примечательно, что в большей степени респонденты оценили такие положительные ассоциации, как «внедрение новых проектов», «реализация предпринимательского потенциала», а также «получение максимальной прибыли», что демонстрирует инновационность восприятия предпринимательства современной молодежью.

Отрицательные ассоциации о ведении предпринимательской деятельности в целом были оценены невысоко. Например, «уход от

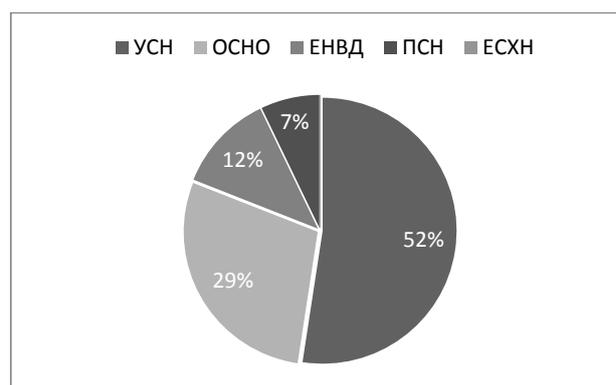

Рис. 1. Планы о выборе системы налогообложения*

* УСН – упрощенная система налогообложения; ОСНО – общая система налогообложения; ЕНВД – единый налог на вмененный доход; ПСН – патентная система налогообложения; ЕСХН – единый сельскохозяйственный налог.

налоговых выплат» получил среднюю оценку 2,7, «ведение двойной бухгалтерской отчетности» – 2,4.

Налоговая грамотность предполагает знания возможной ответственности за неуплату налогов государству. Как известно, налогоплательщик может быть привлечен к налоговой ответственности с 16-летнего возраста при условии, что он виновен в совершении налогового правонарушения. При оценке налоговой грамотности молодежи выяснилось, что лишь около трети опрошенных (26,98%) знают возраст наступления ответственности за неуплату налогового обязательства, что говорит о неосведомленности большинства опрошенных студентов. На вопрос о сроке хранения основных налоговых документов верно ответило большинство респондентов (55,56%), что говорит об умении студентов обращаться с важными документами. Интересно отметить, что около 5% опрошенных вообще не считают нужным хранить налоговые документы. Среди студентов нашлось 26 человек (41,27%), кто

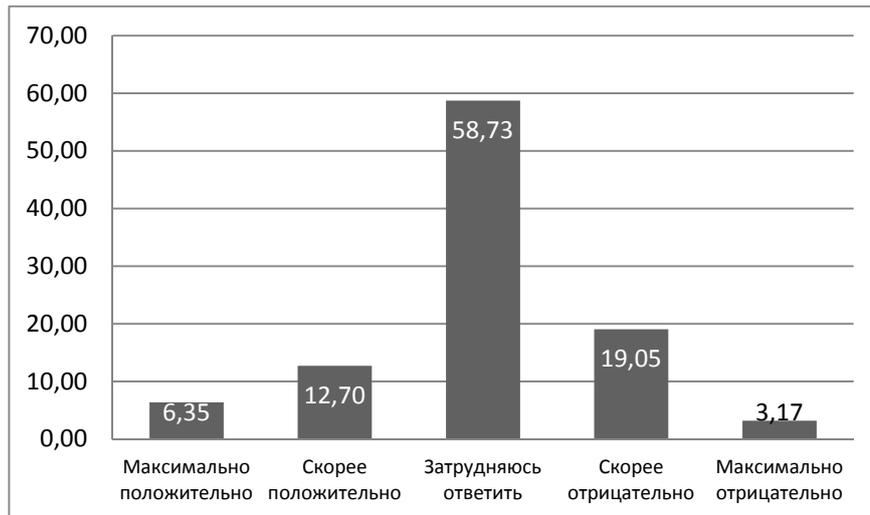

Рис. 2. Оценка текущей ситуации в налоговой системе РФ

знает, что НДФЛ с вкладов в банках в 2018 г. платят с дохода свыше 13,25%. Примечательно, что ровно столько же потенциальных интернет-предпринимателей считает, что проценты по банковским вкладам платить не нужно. Треть опрошенных (33,33%) знают, что при выигрыше в лотерею 13% необходимо заплатить государству. Число студентов, информированных о том, что уплачивать налог необходимо лишь с суммы выигрыша в диапазоне от 4000 до 15 000 руб., составляет 22%. Про обязательства по уплате налогов при открытии ИП на общей системе налогообложения знают лишь 7% потенциальных предпринимателей. Согласно НК РФ предприниматель, работающий на ОСНО, обязан уплачивать НДФЛ и НДС. Студентам была представлена возможность сделать множественный выбор, и лишь 4 человека из 63 верно ответили на вопрос.

При подведении итогов была выявлена зависимость между желанием респондентов зарегистрировать свою деятельность официально и оценкой ими налоговой системы Российской Федерации (0,35). Этот показатель означает, что чем лучше студент отзывался об отечественной налоговой системе, тем большее желание он выражал относительно официальной регистрации своей деятельности. Можно сказать, что респонденты, разбирающиеся в налогообложении в России, понимают, что необходимо платить налоговые взносы в государственный бюджет. Также важно отметить низкий уровень налоговой грамотности опрошенных студентов.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать об актуальности вы-

бранной темы, поскольку интернет-предпринимательство стремительно растет, и показатель интегрированности молодежи в Интернет высокий. Более того, существенная часть московских студентов имеет опыт предпринимательской деятельности в Интернете, а треть из числа опрошиваемых планирует начало интернет-предпринимательства в ближайший год.

Отрицательным показателем стала общая подготовленность молодых людей к электронному предпринимательству. Уровень знакомства с профильной литературой, мероприятиями с соответствующей тематикой, а также получение специализированного образования сами студенты оценили ниже 5 баллов по 10-балльной шкале. Во многом это объясняется иллюзией «простого входа» в область интернет-предпринимательства, когда возрастает число (преимущественно) неофициальных предпринимателей в социальных сетях и создается впечатление, что для успешного ведения этой деятельности нет необходимости обладать соответствующими навыками, знаниями, квалификацией.

Однако положительными аспектами выступают низкая оценка опрошиваемых ассоциации ведения предпринимательской деятельности с уклонением от налоговых выплат и готовность преобладающей части потенциальных интернет-предпринимателей зарегистрироваться официально.

Примечательно, что большинство опрошенных студентов затруднились ответить на вопрос об оценке текущей налоговой системы России. Частично этот результат соотносит-

ся с низким уровнем налоговой грамотности молодежи.

Подводя итоги, можно отметить, что социальные ожидания потенциальных интернет-предпринимателей от налоговой системы Российской Федерации достаточно высоки. При этом следует уделять особое внимание образовательному аспекту ведения предпринимательской деятельности. Для более ком-

плексной интерпретации взаимосвязей внутри интернет-среды, факторов выбора стратегии электронного предпринимательства необходимо дополнительное исследование, которое позволит высшему руководству принимать объективные и взвешенные решения для развития предпринимательского сектора в стране и улучшения налоговых ориентаций у молодого поколения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зверева Т. В. Некоторые вопросы налогообложения интернет-торговли в Российской Федерации. *Инновационное развитие экономики*. 2018;1(43):23–227.
2. Радаев В. В. Экономическая социология. Учеб. пособие. М.: ГУ ВШЭ; 2005. 603 с.
3. Калужский М. Л. Приоритеты институционального регулирования электронной коммерции: Россия и мировые тенденции. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность: научно-практический и теоретический журнал*. 2013;42(231):11–22.
4. Rogers E. *Diffusion of Innovations*. New York: Simon and Schuster; 2010. 518 p.
5. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс; 1982.
6. Чистякова Н. О., Краковецкая И. В., Воробьева Е. С. Оценка потенциала университета как элемента инновационной среды региона. *Креативная экономика*. 2013;9(81):105–113.
7. Власов Г. Ю. Как повысить предпринимательскую активность молодежи? *Российское предпринимательство*. 2015;10(2):11–16.

REFERENCES

1. Zvereva T. V. Some questions of taxation of Internet trade in the Russian Federation. In: *Innovative development of the economy*. Yoshkar-Ola: IPF STRING. 2018;43(1):223–227. (In Russ.).
2. Radaev V. V. *Economic Sociology: studies. Manual for universities*. V. V. Radaev, ed. Moscow: Higher School of Economics; 2005. 603 c. (In Russ.).
3. Kaluzhsky M. L. Priorities of institutional regulation of e-commerce: Russia and global trends. *National interests: priorities and security*. 2013;42(231). (In Russ.).
4. Rogers E. *Diffusion of Innovations*. 4th ed. Simon and Schuster; 2010. 518 p.
5. Schumpeter J. A. *Theory of Economic Development*. Moscow; 1982. (In Russ.).
6. Chistyakova N. O. Assessment of the potential of the university as an element of the innovation environment of the region. *Kreativnaya ekonomika*. 2013;9(81):105–113. (In Russ.).
7. Vlasov G. Yu. How to increase the entrepreneurial activity of young people? *Rossiyskoe predprinimatelstvo*. 2015;10(2):11–16. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-1-77-81
УДК 338.1(045)

ОТВЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ВЫЗОВЫ «ЦИФРЫ»

Неткачев Кирилл Иванович,

студент-бакалавр 3-го курса факультета социологии и политологии,
Финансовый университет, Москва, Россия
belkir1998@icloud.com

Аннотация. Статья посвящена изучению современных национальных ответов российской экономической политики на вызовы цифровых технологий. На основании системного анализа обозначен понятийный аппарат изучаемой тематики. В статье акцентируется внимание на таких понятиях, как «интернет вещей» (IoT), «единый цифровой рынок», «электронный товар». Рассматриваются возможные сценарии цифровизации России, исходя из геополитических реалий. Отмечается, что при любых обстоятельствах нужно преодолевать «цифровой разрыв». Необходимо, прежде всего, ориентироваться на внутренний рынок, обеспечить информационную безопасность стейкхолдеров, а также независимость от глобальных информационных сбоев. Помимо этого, необходимо создать устойчивую нормативно-правовую базу, повысить ИКТ-грамотность населения России и сформировать мотивации и потребности в использовании цифровых технологий на бытовом уровне. Также автором определена роль преодоления разрыва между национальной экономикой и требованиями информационного международного рынка. В работе проанализированы ключевые подходы государственной элиты к решению вопросов инновационного развития экономики России. В результате делается вывод, что скорость распространения инноваций шестого технологического уклада на территории Российской Федерации становится основным релевантным конкурентным преимуществом страны на мировом информационном рынке.
Ключевые слова: государство; национальная экономика; цифровая экономика; развитие; инновации; информационное общество.

THE RESPONSE OF THE NATIONAL ECONOMY TO THE “DIGITAL” CHALLENGES

Kirill I. Netkachev,

3rd-year bachelor student of the Faculty of Sociology and Political Science
Financial University, Moscow, Russia
belkir1998@icloud.com

Abstract. The article is devoted to the study of modern national responses of the Russian economic policy to the challenges of digital technology. Based on the system analysis, the conceptual apparatus of the subject under study is designated. The article focuses on such concepts as: “Internet of Things” (IoT); “Digital Single Market”; “electronic goods”. The author considered possible scenarios of Russia’s digitalisation are on the basis of possible geopolitical realities and noted that under any circumstances it is necessary to bridge the “digital divide”. First of all, it is necessary to focus on the domestic market, ensuring the information security of stakeholders, as well as independence from global information failures. Also, it is necessary to create a sustainable legal framework, improve ICT-literacy of the Russian population and form the motivation and needs for the use of digital technologies at the household level. The author also defined the role of bridging the gap between the national economy and the requirements of the international information market. The paper analyses the key approaches of the state elite in solving issues of innovative development of the Russian economy. As a result, the author concluded that the speed of spread of innovations of the sixth technological order on the territory of the Russian Federation is becoming the main relevant competitive advantage of the country on the global information market.

Keywords: government; national economy; digital economy; development; innovation; information society; internet.

Постиндустриальная эпоха характеризуется форсированным развитием цифровых технологий и переходом к информационной цивилизации. В связи с этим развитые страны мира все большее внимание в контексте формирования стратегии национальной экономики уделяют внедрению цифровых технологий. Главная проблема развития цифровой экономики в Российской Федерации — это отсутствие надлежащей системности при проведении государственной политики в этой сфере. Соответственно, актуальность приобретает вопрос систематизации элементов ответа национальной экономики на «цифровые вызовы» в условиях глобализационных информационных процессов.

Следует отметить, что среди ученых и практиков не существует единого подхода к определению понятия «цифровая экономика». В классическом понимании «цифровая экономика» — это деятельность, в которой ключевыми факторами (средствами) производства являются цифровые данные и их использование, что позволяет существенно повысить эффективность производительности в различных сферах экономической деятельности. Также цифровой называют экономику, которая применяет цифровые технологии и сервисы [1]. Часто можно встретить термины «экономика данных», «интернет-экономика», «новая экономика» или «веб-экономика».

Большинство стран Европейского союза уже утвердили собственные «цифровые стратегии», где предусмотрено решение задачи: преодолеть технологический разрыв между национальной и мировой цифровой экономикой. Базовым ориентиром для стран ЕС при построении цифровой экономики является «Цифровой порядок» (2010 г.), который определил меры по достижению конкретных экономических показателей до 2020 г. Важной составляющей в «Цифровом порядке» является создание Единого цифрового рынка (Digital Single Market) [2].

Заметим, что Россия только по некоторым направлениям соответствует среднему значению показателей стран международного партнерства. Так, основными продуктами цифровой экономики России являются те же товары и услуги национальной экономики, предоставляемые с помощью компьютерного оборудования и цифровых систем, например

глобальной сети Интернет. Это имеет свои преимущества, главными из которых являются повышение доступности определенных рынков (товарных или рынков услуг) для обычных пользователей (а не только для крупных компаний), снижение транзакционных издержек, повышение эффективности и конкурентоспособности национальной экономики РФ [3, с. 71].

В направлении инновационного развития РФ в условиях нового информационного общества был принят Указ Президента от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Реализация Стратегии осуществляется в два этапа развития бюджетной системы и экономики Российской Федерации. Для каждого из этапов устанавливаются показатели, отражающие ход и основные результаты реализации настоящей Стратегии [4].

В основе теории новой экономики лежит тезис о том, что современные экономические процессы в значительной степени зависят от использования информационно-коммуникационных технологий. Сейчас под электронной экономикой в России понимают среду, основанную на использовании интернет-технологий, а также среду, где товар, деньги и другие элементы национальной экономики приобретают электронную форму, т.е. теряют свои основные физические свойства. Такое определение предполагает разделение электронной экономики на две составляющие: интернет-экономику, которая является средой для ведения электронного бизнеса, и цифровую экономику, где происходит производство, обмен, распределение и потребление «электронного товара», а расчеты производятся с помощью электронных денег [3, с. 91].

Фактически интернет-экономика является средством торговли реальными товарами в сети Интернет. Кроме предприятий, в интернет-экономику начинают входить государственные структуры путем создания электронных правительств, различных платформ, направленных на кооперацию деятельности правительства, бизнеса и населения. Ключевой характеристикой интернет-экономики является то, что ее функционирование направлено на изменение реального мира путем осуществления экономической деятельности в сети Интернет.

Цифровая экономика, в отличие от интернет-экономики, предполагает, что все экономи-

ческие процессы (за исключением производства товара) протекают независимо от реального мира. Товары и услуги не имеют физического носителя и являются электронными. Под электронным товаром в данном исследовании понимается продукт интеллектуального труда, он не имеет физических свойств и способен удовлетворять потребности человека [5].

Так, отмечая состояние цифровой экономики в РФ, стоит указать на то, что российский сегмент сети Интернет является одним из крупнейших в мире. В доменных зонах «ru» и «rf» зарегистрировано более 6 млн адресов; в стране насчитывается более тысячи операторов связи. Россия занимает третье место в мире по устойчивости национального сегмента Интернета к возможным сбоям, более надежными оказались лишь сети Великобритании и США. Российская Федерация принимает активное участие в глобальном управлении сетью, являясь постоянным участником Internet Governance Forum (IGF) [4].

Значительными темпами возрастает объем рынка интернета вещей (IoT) в России. Рынок устройств IoT к 2020 г. значительно опередит «реальные» рынки мобильной электроники, портативной техники и персональных компьютеров и вырастет до 9 млрд долл. США. Экономический эффект от развития IoT-сектора будет выражаться в сумме около 1,7 трлн долл. США. Среднегодовые темпы роста рынка в течение 2017–2020 гг. составят 61% [6].

Приоритетность задачи по устранению цифрового неравенства по отношению к национальной экономике на территории России отмечена в государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)». Цель программы определяется как получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий за счет обеспечения равного доступа к информационным ресурсам, развития цифрового контента, применения инновационных технологий, радикального повышения эффективности государственного управления при обеспечении безопасности в информационном обществе [7]. Наличие равных возможностей в части преимуществ от применения информационных технологий фактически означает, что цифровое неравенство отсутствует. В числе основных задач, отмеченных в государственной програм-

ме, — повышение эффективности внедрения информационных и телекоммуникационных технологий на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [8, с. 206–211].

Сегодня как для национальной, так и глобальной экономики актуальной проблемой является обеспечение эффективности цифровых технологий и усиление их положительного влияния на экономический рост и социально-экономическое развитие стран, в том числе и России. Поэтому большинство ученых и практиков считают приоритетной задачей повышение доступности Интернета в глобальном масштабе. На сегодняшний день в мире на каждого пользователя высокоскоростного широкополосного соединения приходится пять человек, у которых нет доступа к такому виду подключения, а почти 4 млрд человек вообще не имеют доступа к Интернету. Около 2 млрд человек не пользуются мобильными телефонами, а почти 0,5 млрд живут в районах, которые не обеспечены мобильной связью [9].

Интенсивное внедрение цифровых технологий значительно сократит отставание Российской Федерации от стран-лидеров, а также повысит долгосрочное устойчивое развитие. По прогнозу, к 2020 г. доля цифровой экономики в России возрастет до 5,6% ВВП. Она будет сопоставима с ожидаемой долей цифровой экономики в ВВП Европы — 7,5%. Цифровое развитие будет приносить экономике 5–7 трлн руб. в год.

Во многом на процесс цифровизации Российской Федерации повлияет политическая обстановка в мире, прежде всего, уровень ее взаимоотношений с зарубежными партнерами. На данный момент Россия находится в зависимости от западных технологий и оборудования. Доля иностранного программного обеспечения и оборудования достигает 80% по обоим показателям, а положение России на мировом рынке услуг по обработке и хранению данных составляет менее 1%. Поэтому, исходя и современных реалий, можно сделать вывод, что сейчас у власти существуют два возможных сценария, реализация которых во многом зависит от мировой политической конъюнктуры.

Первый сценарий включает в себя условия сохранения текущих отношений с Евросоюзом и США без потрясений и эмбарго на оборудова-

ние. В этом случае будет действовать Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации 01.12.2016, целью которой является сокращение закупок зарубежного оборудования до 50%, а объем услуг по обработке информации в России должен достигнуть 10% в мировом масштабе. Тогда произойдет еще более глубокая интеграция РФ в мировую цифровую систему, которая позволит избежать возможных санкций в данном секторе.

Второй сценарий рассматривается в условиях прекращения обмена технологиями и оборудованием из-за возможных санкций или обострения ситуации на международной политической арене. В таком случае Российская Федерация будет создавать независимую или «закрытую» цифровую систему, которая сможет функционировать обособленно. К данной возможной ситуации власть начала готовиться еще в 2014 г., начиная с создания АО «Национальная система платежных карт», из-за отключения работы платежной системы SWIFT на территории Крыма [10]. Также важнейшим шагом должен стать проект резолюции РФ о международной информационной безопасности, которая заменит Будапештскую конвенцию от 2001 г. и исключит возможность спецслужб разных стран вмешиваться в деятельность компьютерных сетей другого государства. Дальнейшим шагом может стать расширение количества дата-центров в России и использования российских компаний, в частности «Яндекс» и «Лаборатория Касперского». Подобного рода изоляционизм позволит избежать технологической зависимости и возможного отключения всех действующих компьютеров в случае обострения взаимоотношений с Западом.

При любых обстоятельствах для развития цифровой экономики в Российской Федерации необходимо продолжать вести эффективную государственную политику, направленную на преодоление «цифрового разрыва», и стимулирование развития цифровой экономики. Ключевой стратегией по цифровизации России должна стать работа с внутренним рынком, а ключевыми инициативами — взаимодействие с потребителями (гражданами, предпринимателями) и формирование у них мотиваций и потребностей в цифровых технологиях. Лучшим примером взаимодействия служит внедрение и перевод почти всех государственных услуг, оказываемых органами исполнительной власти, в электронный вид и создание Портала государственных услуг Российской Федерации.

Страна не может быть успешной в развитии цифровой экономики при отсутствии необходимой нормативно-правовой базы и стратегии, основанной на цифровых технологиях. Но не менее важным является формирование профессиональных навыков, базовой ИКТ-грамотности, подготовка к профессиональной карьере, содействие обучению в течение всей жизни.

Возникновение новых видов деятельности, обновление старых на основе цифровых технологий преобразует хозяйственные отношения, порождая амбивалентные последствия для национальной экономики. Правительство России активно совершенствует программы содействия переходу национальных хозяйств на цифровые технологии. Скорость распространения нового технологического уклада становится ключевым конкурентным преимуществом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Масленников В. В., Федотова М. А., Сорокин А. Н. Новые финансовые технологии меняют наш мир. *Финансы: теория и практика*. 2017;2(98):6–11.
2. Апалькова В. В. Концепция развития цифровой экономики в Евросоюзе и перспективы России. *Вестник Днепропетровского университета. Серия «Менеджмент инноваций»*. 2015;(4): 9–18.
3. Поступова К. Р. Цифровая экономика — светлое будущее России. Институциональные и финансовые механизмы развития различных экономических систем. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Стерлитамак: АМИ; 2017.
4. Бухарин В. В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности. *Вестник МГИМО-Университета*. 2016;6 (51):76–91.
5. Коляденко С. В. Цифровая экономика: предпосылки и этапы становления в мире. *Экономика. Финансы. Менеджмент*. 2016;(6):106–107.
6. Быков А. Ю. Право цифровой экономики — некоторые народнохозяйственные и политические риски. *На пути к гражданскому обществу*. 2017;1(25):5–15.

7. Чубукова С.Г. Стратегии развития информационного общества и направления развития законодательства. *Правовая информатика*. 2017;(2):67–72.
8. Заерко А.А., Гагарина Д.В. Формирование цифровой экономики в России. Приоритетные научные направления: от теории к практике. Сборник трудов конференции. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества; 2017.
9. Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е. Некоторые аспекты количественной оценки уровня цифрового неравенства регионов Российской Федерации. *Экономический анализ: теория и практика*. 2014;32(383):2–13.
10. Гареева Г.А., Порублева Е.С., Григорьева Д.Р. Электронные деньги и электронные платежные сервисы в России в XXI веке. *Символ науки*. 2018;(1–2):89–92.

REFERENCES

1. Maslennikov V. V., Fedotova M. A., Sorokin A. N. New financial technologies are changing our world. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2017;2(98):6–11.
2. Apal'kova V. V. The concept of digital economy development in the European Union and Russia's prospects. *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta. Seriya "Menedzhment innovatsii"*. 2015;(4):9–18.
3. Postupova K. R. Digital economy – the bright future of Russia. In: Institutional and financial mechanisms for the development of different economic systems. Collection of articles on the results of the International scientific-practical conference. Sterlitamak: AMI; 2017.
4. Bukharin V. V. Components of digital sovereignty of the Russian Federation as a technical basis of information security. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2016;6(51):76–91.
5. Kolyadenko S. V. Digital economy: prerequisites and stages of formation in the world. *Ekonomika. Finansy. Menedzhment*. 2016;(6):106–107.
6. Bykov A. Yu. The right of the digital economy – certain economic and political risks. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*. 2017;1(25):5–15.
7. Chubukova S. G. Strategies of information society development and directions of legislation development. *Pravovaya informatika*. 2017; (2):67–72.
8. Zaerko A. A., Gagarina D. V. Formation of the digital economy in Russia. In: Priority research areas: from theory to practice. Conference proceedings. Novosibirsk: Tsentrazvitiya nauchnogo sotrudnichestva; 2017.
9. Kuznetsov Yu. A., Markova S. E. Some aspects of quantitative assessment of the level of digital inequality in the regions of the Russian Federation. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*. 2014;32(383):2–13.
10. Gareeva G. A., Porubleva E. S., Grigorieva D. R. Electronic money and electronic payment services in Russia in the XXI century. *Simvol nauki*. 2018;(1–2):89–92.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «МИНИСТРЫ ФИНАНСОВ: ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДО НАШИХ ДНЕЙ»

В издательстве «Альпина Паблишер» вышла монография «Министры финансов: от Российской империи до наших дней», подготовленная Председателем Правления АО «Юни-Кредит Банк», доктором экономических наук М.Ю. Алексеевым и директором Музея финансов Финансового университета при Правительстве РФ, кандидатом исторических наук, доцентом Финансового университета при Правительстве РФ А.В. Пачкаловым.

В книге в простой, краткой, увлекательной, интересной для разных категорий читателей форме представлены рассказы о жизни и деятельности главных финансистов нашей страны. В монографии приводятся не только ранее не публиковавшиеся факты и сведения, но и наиболее выразительные мнения о героях повествования, сохранившиеся в исторических источниках. Книга снабжена научно-справочным аппаратом, в ней представлен список всех основных публикаций, посвященных деятельности министров финансов, а также сведения о научных работах министров.

Какие люди становятся министрами финансов? Трудно ли приходится тем, кому это удалось? Какие страсти кипят вокруг главных финансистов? Какова цена трудной и не всегда благодарной работы? Как складывалась жизнь первых лиц финансового ведомства после отставки? В живой, увлекательной форме книга дает ответы на эти и ряд других вопросов.

Отличительной особенностью издания является то, что многие оценки и акценты в описании характеров и деятельности министров ставятся иначе, чем в предшествующих работах. Изменение угла зрения стало возможным благодаря использованию гораздо большего числа источников, чем в монографиях, посвященных истории Министерства финансов.

Критически переосмыслены многие сюжеты. Например, введение в оборот ряда дополнительных ресурсов позволило не столь однозначно, в мажорном ключе, трактовать жизнь и деятельность С.Ю. Витте.

Для того чтобы по-новому, свежим взглядом посмотреть на личность и характер деятельности некоторых министров финансов, при написании книги пришлось поднять огромный пласт мате-

риалов, так или иначе имеющих отношение к теме исследования. Личностям министров финансов Российской империи, наркомам и советским министрам финансов, руководителям финансовых ведомств современной России посвящено немало разного рода публикаций. В числе наиболее содержательных, ярких, информативных и важных для воссоздания образов главных финансистов страны можно выделить использовавшиеся при подготовке настоящего издания мемуары Б.Г. Бажанова, Ф.Ф. Вигеля, А.Н. Витмера, В.И. Гурко, Г.Р. Державина, В.Ф. Джунковского, А.П. Извольского, А.С. Изгоева, А.А. Киреева, И.И. Колышко, А.Ф. Кони, В.Н. Ламздорфа, В.Б. Лопухина, М.Я. Ларсонса, В.П. Мещерского, П.Н. Милюкова, Г.Н. Михайловского, В.Д. Набокова, А.А. Половцова, Г.И. Серебряковой, К.А. Скальковского, Г.А. Соломона, А.С. Суворина, Ф.Г. Тернера, И.И. Толстого, И.И. Тхоржевского, С.Д. Урусова, Е.М. Феоктистова, А.В. Храповицкого, С.Д. Шереметева и многих других.

Специально для настоящего издания были взяты интервью у нынешнего министра финансов А.Г. Силуанова и бывших министров А.Б. Чубайса, А.Л. Кудрина, В.Г. Панскова. Также были использованы рассказы современников, лично знавших первых лиц финансового ведомства советского и постсоветского периода.

Изучение материалов о жизни и деятельности руководителей главных финансовых ведомств страны позволяет лучше понять особенности устройства и специфику функционирования финансовой и кредитной систем на разных этапах исторического пути нашей страны. Анализ жизненного пути ярких, неординарных и интересных персонажей, которым посвящена книга, дает богатую пищу для размышления о том, какие особенности характера и поведения могут оказаться полезными для успешной самореализации в такой непростой области, как государственные финансы, каких типичных ошибок и просчетов стоит избегать. Опыт чужих успехов и неудач при правильном его осмыслении и критическом восприятии порой может оказаться бесценным руководством к собственным практическим действиям.

А.А. Трошин,
доцент Департамента социологии,
истории и философии